

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

МАНСУР КЮРЕВИ

ЕТИМ ЭМИН
(1840–1880)

МОСКВА
2020

УДК 82.091
ББК 91.9:83.3
Ә55

Научный редактор – профессор Г. Г. Гашаров.
Книга обсуждена на заседании Центра изучения Центральной Азии,
Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН
11 ноября 2020 г. и рекомендована к изданию.

Мансур Кюреви

ЕТИМ ЭМИН (1840–1880). – М.: «Азбука–2000», 2020 – 336 с.

Автор портрета Етима Эмина на титульном листе – Аслан Абдуллаев.

Етим Эмин (1840–1880) – выдающийся поэт, основоположник лезгинской литературы, своим творчеством коренным образом изменивший направление духовного развития лезгин.

После его ухода в мир иной прошло уже 140 лет, но до сих пор не написана версия его биографии, по своей достоверности хоть сколько-нибудь соответствующая тому исключительному месту, которое занимает его творчество в лезгинской культуре. В этой книге вниманию читателей предлагается версия его биографии, реконструированная на основе сведений, содержащихся в его стихах, и на основе сопоставления их с известными из работ других авторов сведениями, подвергнутыми критическому анализу, а также с фактами, ставшими известными в последнее время из ранее неиспользованных литературоведами источников.

ISBN 978-5-91333-046-8

© Мансур Кюреви
© Институт востоковедения РАН
© ООО «Азбука–2000»

НОВОЕ СЛОВО ОБ ЭМИНЕ

Перед вами уникальное исследование, посвященное классику лезгинской национальной литературы Етиму Эмину. О поэте великий Сулейман Стальский сказал: «Жить меня научил народ, а песни слагать – Етим Эмин».

В монографии впервые в эминоведении тщательному анализу подвергнуты известные, а также выявленные автором работы стихотворные произведения, рукописные документы, которые содержат новые сведения о жизни и творчестве основоположника лезгинской литературы «нового времени»¹ Етима Эмина.

Оригинальность, ценность труда и в том, что глазами инженера-физика, живущего в XXI в., осмыслен весь поэтический мир выдающегося поэта XIX столетия.

Книга, предложенная вниманию читателей, адресована преподавателям вузов, колледжей, школ, а также всем любителям и ценителям лезгинской литературы. Она восполнит пробелы в эминоведении и станет продолжением лучших традиций, заложенных в трудах лезгинских учёных-литературоведов: Г. А. Гаджибекова, М. М. Гаджиева, А. Г. Агаева, Ф. И. Вагабовой и других.

Гаджи Гусейнович Гашаров, научный редактор.

¹ «Новое время» – время после окончательного вхождения (1859 г.) Дагестана в состав Российской империи.

Автор посвящает эту книгу памяти
Садыки Галиба Мухиддиновича –
собиранителя наследия Етима Эмина.

«ОН ПРОБУДИЛ В НАС СОЗНАНИЕ О НАС САМИХ...»

(Вместо предисловия)

В свете житейских буден мы не всегда осознаем, что Етим Эмин является не только основоположником лезгинской литературы, но и человеком, кардинально изменившим само направление развития лезгинской культуры.

Определяющее влияние творчества поэта на процессы формирования национальной литературы было признано исследователями почти сто лет назад. В числе первых это признавал профессиональный лингвист и литературовед Г. А. Гаджибеков (1902–1941). В 1928 году он о творчестве поэта и о нём самом написал такие слова: «...одно то, что произведения Эмина, которые нигде не печатались¹, живут полвека после его смерти, одно то, что народ и по сей день не забывает поэта, называет его великим Эмином, – говорит за то, что его произведения имеют несомненную социальную ценность. Иначе его давно бы предали забвению. ...Большинство лезгинских поэтов считает его своим учителем. И в этом отношении его можно смело назвать отцом лезгинской поэзии» [1]².

Конечно, никакого другого поэта, «равного Эмину, как лирику, нет в лезгинской поэзии» [1], его произведения для лезгинского народа имеют, наряду с вышеуказанной несомненной социальной ценностью, ещё и огромную эстетическую ценность, что свидетельствует о его непревзойдённом и проникновенном таланте как художника. Но не только этим талантом

¹ Очевидно, Г. А. Гаджибеков имеет в виду то, что стихи Эмина не публиковались в печатных изданиях. Рукописные сборники стихов, составленные любителями лезгинской поэзии и, наряду со стихами других поэтов, содержащие его стихи, безусловно, имели хождение в народе.

² Здесь и далее по тексту настоящей книги в квадратных скобках каждый раз даётся ссылка на использованный в данном месте текста источник – номер, под которым в списке использованной литературы в конце настоящей книги дан этот источник, и при необходимости – страницы в этом источнике.

обусловлено главенствующее место Етима Эмина в лезгинской литературе. Оно обусловлено ещё и тем, что во второй половине XIX в. общеисторические и историко-культурные тенденции развития местного общества объективно способствовали возникновению лезгинской литературы как общественного явления, и среди живших тогда людей этот кадий (судья) из села Ялцуг Кюринского округа Дагестанской области Российской империи оказался тем человеком, который лучше всех своих современников осознал суть этих тенденций и кто решил соответствовать им. Тогда перед Эмином как перед художником, воплощавшим в себе лучшие черты своего народа и лучшие тенденции своего века, встали разноплановые задачи, связанные с созданием литературы на основе лезгинских этнических ценностей и традиций, включая лезгинский язык. Только при наличии такой основы созданная им литература могла иметь «несомненную социальную ценность» для родного ему народа. Как писала в 1970 г. литературовед Ф. И. Вагабова (1934–2016), *«художник, и поныне непревзойденный в искусстве проникновения в глубины человеческих душ и в тайны родного слова, Етим Эмин блестяще справился со стоящими перед ним задачами»* [2, с.193].

В истории лезгин – автохтонного народа восточной части Кавказа – и до Эмина были талантливые люди, использовавшие художественное слово в различных видах искусства. Но по объективным причинам им не было суждено стать основоположниками национальной литературы. Это было обусловлено тем, что необходимыми предпосылками для возникновения полноценной национальной литературы являются не только существование письменности и высокоразвитых форм устного народного творчества, но и наличие условий для консолидации этноса в форме национального образования. Во времена предшественников Эмина упомянутого условия консолидации лезгинского этноса не было. Это было связано с тем, что в ареале расселения лезгин многие столетия, начиная с нашествия арабов в VII в., практически не прекращалось политическое, экономическое и идеологическое господство захватчиков, сменявших друг друга, что не способствовало консолидации местных этносов и фактически на многие века лишило местное население перспектив развития культуры на основе собственных этнических ценностей и традиций. Такая ситуация привела к тому, что в лезгинской культурной среде очень долгое время

параллельно существовали письменные литературы на языках этих завоевателей – арабов, персов и тюрков – и устное народное творчество на лезгинском языке, которое столетиями только одно и обеспечивало культурную преемственность между многими поколениями лезгин. Такая ситуация, естественно, не могла привести к зарождению литературы на местном языке.

Ситуация начала меняться лишь тогда, когда на лезгинской почве около трёхсот лет назад начало активно развиваться ашугское творчество¹. Как подчеркивает литературовед Ф. И. Вагабова, вначале ашугская песня *«дифференцировалась как от письменной литературы, так и от устного народного творчества, одновременно воплотив в себе качества их обоих»*, но при этом господствовавшей тогда чужеродной письменной поэзии ашугское искусство противостояло *«своим демократизмом, крестьянским гуманизмом, оптимизмом, эмпиричностью мировосприятия»* [2, с.159]. Это противостояние со временем оторвало ашугскую песню от религиозной трактовки бытия и привело к тому, что она начала все больше опираться на традиции устного народного творчества, в котором воспевались идеалы земного счастья, свобода, красота, женское тело и выражался протест против жестокости, насилия, религиозного ханжества. Встав на такой путь развития, ашугское творчество, с одной стороны, открыло дорогу возникновению в будущем реалистической лезгинской поэзии и, с другой стороны, обеспечило этой поэзии связь с устным народным творчеством.

Прежде всего именно представителей лезгинского ашугского творчества мы имели в виду, когда выше писали о том, что в истории лезгинского народа и до Эмина были талантливые люди, использовавшие художественное слово в различных видах искусства. Вершиной этого творчества с точки зрения уровня философского осмысления действительности, изящности и образности её передачи словами является творчество Саида Ключхюрского, жившего на рубеже XVIII-XIX вв.

Его талант был огромен, он в совершенстве владел словом – одинаково хорошо сочинял песни на лезгинском и тюркском языках. Саид в философских раздумьях задал демократическое направление лезгинской ашугской поэзии, дал толчок её дальнейшему развитию в сторону крестьянского гуманизма.

¹ Ашуг – народный певец-поэт у народов Кавказа, исполняющий песни собственного сочинения, а также народные песни и сказания.

Но творчество Саида не вышло за рамки ашугского, оно не стало основой литературы – основой искусства, обладающего многообразием по родам (драма, лирика, эпос) и по структурным типам (проза, поэзия). Это потому, что в ашугском искусстве не используются слова и словесные конструкции *письменного* языка, что не позволяет ему порождать в своих недрах всё вышеуказанное многообразие литературы, т.е. не позволяет стать основой литературы.

Хотя творчество ашуга Саида Кючхюрского не породило лезгинскую литературу, но пример его жизни, пожертвовавшего своим зрением¹ ради права поэта «глаголом сжечь сердца», и высочайший художественный уровень его произведений подготовили появление Етима Эмина – тончайшего и глубокого лирика с высочайшими нравственными принципами, ставшего зачинателем лезгинской литературы.

Вероятно, Эмину и самому было не чуждо ашугское искусство и, может быть, он свое творчество начинал с него. *«Етим Эмин искусно играл на чунгуре² и приятным голосом пел песни, – утверждает писатель К. Х. Акимов. – В кругу семьи и друзей он пел песни как на свои тексты, так и на стихи других поэтов и ашугов»* [3, с.65]. Но, как справедливо заметила литературовед Ф. И. Вагабова, Етиму Эмину суждено было стать *«не новым ашугом и даже не выдающимся ашугом, а родоначальником письменной литературы!»* [2, с.196].

Через письменность культура любого народа вырывается в пространства, которые доселе были ей неизвестны. Использование письменности наряду с использованием слов и конструкций этнического языка в качестве выразительных средств порождает многообразие по родам и по структурным типам того вида искусства, который называется этнической литературой.

Именно Етим Эмин превратил письменность в полноценный инструмент лезгинской культуры. Когда он начинал свою творческую деятельность, ещё учась в медресе, лезгинской письменности как таковой ещё не было. Потому он начал использовать привычные для учащегося медресе буквы арабского алфавита для записывания своих стихотворений на

¹ Саид Кючхюрский был ослеплён по приказу местного хана за его песни, обличающие перед народом общественные порядки своего времени, всю мерзкую суть местной знати.

² Чунгур – лезгинский струнный музыкальный инструмент.

родном языке¹. По всей видимости, и до него были лезгинские авторы, записывавшие свои произведения, приспособив для этого арабский алфавит. Например, в литературе встречается информация о том, что лезгинский просветитель первой половины XIX в. Рухун Али таким образом записывал свои стихи на родном языке. Однако ни ему, ни кому-нибудь другому до Эмина не удалось придать этой практике характер лезгинской письменности и этим превратить письменность в полноценный инструмент этнической культуры. Благодаря доселе невиданному высокому художественному уровню и этническому содержанию произведений Эмина, именно ему удалось использованию арабских букв для записывания стихов на родном языке придать характер этнической письменности и этим превратить письменность в полноценный инструмент национальной культуры, что и привело к зарождению лезгинской литературы.

Об этом свидетельствует один поэт – современник Эмина, написавший по поводу его смерти такие строки [4, с.148]:

Пуд югъ я зи гъили кхъиз,
Ажеб хуш тир члалар риклиз,
Гъайиф шаир Эмин рекъиз,
Гзаф рагъметар гъана за.

.....

Няметар яз ихътин ксар
Гайиди я якъин гъуцар.
Къиямат-къал адан асар
Зая жедач, къатлана за.

*(Три дня, как рука моя переписывает
Изумительные и милые сердцу стихи, –
Как жаль, что умер /такой/ поэт, /как/ Эмин,
Прощения /для него/ я многократно у бога просил.*

.....

*Таких людей, как милость,
Даёт /нам/ истинный бог.*

¹ В личном архиве Г. М. Садыки мы нашли два стихотворения, написанных Эмином. Относятся они ко времени его учёбы в медресе. В те времена учащихся медресе учили сочинять на арабском языке восхваляющие бога стихи. Как выясняется, Эмин, в отличие от своих соучеников, такие стихи сочинял не только на арабском языке, но и на лезгинском. В строении этих стихов, в форме выражения мыслей уже можно увидеть зачатки зрелого мастерства у юного Эмина. Мы их приводим в приложениях к настоящему изданию (**Приложение №1**), потому что эти стихи претендуют на роль первых стихов Эмина, написанных на лезгинском языке и дошедших до нас.

*До самого Судного дня его произведения
Не оставят /нас/, – осознал я.)*

Вышеприведённые строки свидетельствуют о том, что творчество Эмина в местном обществе породило новое явление – традицию переписывания образованными людьми друг у друга стихов на лезгинском языке и создания из них письменных сборников. До этого времени в лезгинской среде такие сборники создавались лишь из стихов на арабском, персидском и тюркском языках. Возможно, некоторые местные авторы ещё до начала творчества Эмина располагали записанными собственными произведениями на родном языке, но к возникновению лезгинских сборников стихов, созданных любителями поэзии и переписываемых друг у друга, т.е. к возникновению собственно литературы на лезгинском языке привели именно произведения Эмина на родном языке, именно их изящность, глубина и этническое содержание вдохновили талантливых и образованных лезгин не только на их переписывание друг у друга, но и на написание по их образцу собственных стихов на родном языке. Всё это превратило письменность в полноценный инструмент лезгинской культуры, привело к зарождению «эминовской школы» поэтов и предопределило развитие лезгинской литературы в направлении, заданном Эмином. Иными словами, его высокохудожественная поэзия на родном языке стала фактором, запустившим лезгинский литературный процесс.

Как видно из вышеприведённых строк стихотворения, посвящённого смерти поэта, его современники уже осознавали определяющую роль поэзии Етима Эмина для становления и дальнейшего развития лезгинской литературы и потому образно говорили, что *«до самого Судного дня его произведения не оставят»* лезгин.

Огромное значение для становления и развития лезгинской литературы также имели масштаб личности Етима Эмина и связанный с ним его огромный авторитет в обществе. Как выяснилось, о масштабе личности поэта для потомков оставил свидетельства автор того же стихотворения, посвящённого смерти поэта и строки из которого мы приводили чуть выше. До последнего времени имя автора этого стихотворения оставалось тайной, так как в известном варианте [4, с.148] упомянутого стихотворения не хватало последней строфы с его именем. Нам удалось найти в архиве Г. М. Садыки это стихотворение целиком, т.е. с не-

достающей строфой и установить имя его автора. Его автором оказался известный специалистом поэт Межергви Шихмагомед (1850–1933), являвшийся современником Етима Эмина. Этот современник поэта закончил своё произведение оценкой масштаба личности Эмина, сформулировав её такими словами¹:

Эминав алемар вири
Барабар жеч, – лагъана за.
(*Всем людям вместе взятым с Эмином
Не сравниться, – сказал я.*)

Ни до Етима Эмина, ни после него ни о ком из творцов лезгинской культуры и вообще лезгин его современники не говорили как об исключительной личности, с которым все люди «вместе взятые» не могут сравниться. А между тем об Эмине из Ялцуга, как свидетельствуют вышеприведённые строки, его современники так говорили. Полагаем, этот факт во многом объясняет то, почему именно Эмин и его произведения оказали определяющее и исключительное влияние на начало литературного процесса в лезгинской среде, влияние, которое, как мы выяснили, публично признавалось его современниками-поэтами.

Решающую роль творчества Эмина в деле становления и развития лезгинской литературы осознавали и последующие лезгинские поэты. Так, классику лезгинской советской поэзии Сулейману Стальскому (1869–1937), не умевшему писать и называвшему свои стихи песнями, приписываются такие слова: «*Меня жить научил народ, а песни слагать – Етим Эмин*» [3, с.9]. То, что советский поэт именно такие слова мог сказать о своём предшественнике, в литературоведении никем не ставится под сомнение, и они лишний раз подтверждают исключительную роль именно творчества Етима Эмина в становлении лезгинской поэзии.

Что касается ашугов, то они в те времена сочиняли тексты песен, как правило, в форме стихосложения под названием «гошма», которая обычно состоит из пяти строф и строится следующим образом: в первой строфе – перекрестные рифмы или перекрестные редифы²; во второй и последующих строфах первые три стиха имеют самостоятельные рифмы (или реди-

¹ Куьреви М. Эминав барабар жеч... // газета «Лезги газет». – Махачкала, 2020, 18-июнь.

² Редиф – в поэзии Востока слово или несколько слов, повторяющиеся в конце стихотворной строки после рифмы.

фы), но четвертый стих рифмуется с последним стихом первого четверостишия.

«И одна из заслуг Этима Эмина в том, что он, как и классик азербайджанской поэзии Вагиф, сумел поднять эту ашугскую форму до высот профессионализма и дать ей вторую жизнь, но уже в литературе», – правомерно писал известный литературовед Г. Г. Гашаров [5, с.77]. Кроме того, Эмин в дальнейшем творчестве применял и другие формы стихосложения, сделав свои произведения многообразными по социально-идейным мотивам и жанрам, что стало предтечей зарождения у лезгин в будущем многообразия литературы по родам и по структурным типам.

Надо полагать, что в лезгинскую культурную среду многообразие форм стихосложения, размеров, приемов и других поэтических средств проникало через творчество местных поэтов, которые создавали свои произведения на местной почве и в местной культурной среде, но на чужеземных арабском, персидском и тюркском языках. К таким поэтам, по нашему мнению, относятся местные, кавказские поэты Низами Гянджеви, Хагани Ширвани, а также Мирза-Али аль-Ахты, Гасан Алкадари и многие другие. По нашему мнению, их произведения в совокупности составляют вполне определённую местную поэтическую субкультуру. Вероятно, имея в виду эту субкультуру, созданную на инородных поэтических традициях, но на местной почве, и то, что Эмин, будучи знакомым с нею, взял из неё для использования в своем поэтическом творчестве на лезгинском языке, литературовед А. Г. Агаев (1924–2003) говорил следующие слова: *«Эмин стал основоположником передовых достижений лезгинской поэтической культуры, ее самые лучшие, жизненные и смелые традиции он укрепил и развил. Все, что не отвечало раскрытию содержания стихотворения, не соответствовало духу эпохи – размеры, приемы и другие поэтические средства, – отбросил в сторону»* [6, с.45].

Также исключительна роль языка произведений Эмина в лезгинской литературе. *«Он дал лезгинам свой, эминовский язык, который, как пушкинский в России, оказал благотворное влияние на развитие лезгинской литературы»* [4, с.373], – писал о языке произведений Эмина известный русский советский поэт Н. С. Тихонов (1896–1979), много путешествовавший по Лезгистану, хорошо знавший поэзию Эмина и слышавший стихи поэта от его современников.

Резюмируя вышесказанное об исключительной роли Етима Эмина в деле становления лезгинской литературы, мы можем утверждать, что среди лезгинских поэтов и писателей нет другого творца, чьё влияние на развитие лезгинской литературы можно было бы сравнить с его влиянием: именно он в лезгинской истории оказался тем творцом, кто соединил многообразие поэтических средств с письменным лезгинским словом, как с выразительным средством в искусстве, чем лезгинское слово превратил в *самостоятельное* выразительное средство, способное породить многообразие литературы по родам и по структурным типам, и именно он непревзойденным художественным уровнем своих произведений на многие годы вперёд задал профессиональные стандарты для высокого слога, которые до сегодняшнего дня служат ориентирами для большинства лезгинских мастеров слова.

Кроме очевидной этой исключительной роли Етима Эмина в лезгинской литературе, ему принадлежит ещё и на первый взгляд неочевидная, но особая роль в духовном развитии лезгин. Своими произведениями Етим Эмин не только заложил основы современной лезгинской литературы, но и кардинально изменил духовную жизнь лезгинского народа.

До начала его творческого пути развитие морали, философии, науки, литературы и искусства – всех форм лезгинского общественного сознания, а также политическое и правовое осмысление социальных процессов – происходило под жестким контролем духовенства, прямо связанного с мусульманским Востоком. Начало этому, как известно, положило нашествие арабов на Кавказ в середине VII в. В культурном отношении эти завоеватели привнесли в жизнь лезгин много нового и, вероятно, полезного, но при этом они заметно затруднили духовное развитие местного населения на основе своих собственных культурных ценностей и традиций. Весь период от арабского нашествия до колонизации Кавказа Российской империей, по сути, стал периодом духовного развития лезгин на основе унифицированных мусульманских доктрин при постепенном вытеснении ими из жизни лезгинского общества его собственных культурных ценностей и традиций.

Захватив Кавказ в начале XIX в., Российская империя избавила народы Дагестана от безальтернативного влияния мусульманского Востока. Но первые же попытки царских властей взять все стороны жизни горцев, в том числе духовную жизнь,

под свой всеобъемлющий контроль, предпринятые при наместнике царя на Кавказе генерале А. П. Ермолове (1777–1861), вызвали со стороны горцев ярко выраженную негативную реакцию. В идеологической сфере эта реакция оформилась в виде учения о «свободе человека»¹, основные положения которого в 20-30-х годах XIX в. сформулировал Магомед из селения Верхний Яраг² (по-лезгински – Вини Ярагъар, в официальных документах на русском языке XIX в. и сегодняшнего дня это название приводится по-тюркски – «Юхари Яраг»).

После присоединения Кавказа к Российской империи и окончания Кавказской войны царские власти пришли к выводу, что они практически не располагают возможностями для установления своего быстрого и надёжного духовного господства над горцами. Характеризуя эту ситуацию, литературовед Ф. И. Вагабова точно подметила [2, с.189]: *«Вчерашние противники – горское духовенство и русский колонизатор – отныне становятся в тайную оппозицию относительно друг друга. Война не окончена, прекращено лишь кровопролитие, предстоят ещё ожесточенные бои двух идеологий»*. При этом, новый завоеватель понимает, что *«ни его культура, ни его литература, ни его идеология не имеют никаких позиций ни в прошлом, ни в настоящем покоренной страны»* [2, с.190].

Осознание властями этого факта, вероятно, привело к тому, что в политическом истеблишменте Российской империи в отношении Восточного Кавказа преобладающим стало мнение, что духовное развитие дагестанских народов на собственной культурной основе быстрее прервёт связь этих народов с геополитическими противниками Российской империи на юге, чем попытки царских властей быстро и силой навязывать горцам не знакомые им свои представления о духовном развитии.

Потому царское правительство начало потворствовать *«оживлению собственно национальных норм жизни, морали, этики, эстетики»* [2, с.189]. Поэтому царское правительство направляло в различные уголки Кавказа специалистов по из-

¹ Об учении Ярагского о «свободе человека» подробно рассказано в монографии профессора А. Г. Агаева [7].

² Село Верхний Яраг (Вини Ярагъар) Кюринского ханства (затем – Кюринского округа) в народе и литературе часто называли просто Ярагом, ибо расположенное рядом с Верхним Ярагом и чуть ниже него село Нижний Яраг (Агъа Ярагъар) было и размером меньше, и не было столь известным в истории, как село Верхний Яраг. Потому мы тоже для краткости далее по тексту, как правило, будем писать название Яраг, имея в виду название села Верхний Яраг.

учению языков и фольклора местных народов, вводило «военно-народное управление», создавало на территориях проживания народов Северного Кавказа так называемые шариатские суды, где, однако, в основном судили не на основе законов шариата, а на основе «адатов» (местных традиций).

Таким образом, в середине XIX в. в регионе возникла уникальная ситуация: господство представителей прежних захватчиков в лице горского духовенства над духовным развитием народов Дагестана существенно ослабло при отсутствии прямого влияния на ситуацию на Кавказе со стороны мусульманского Востока, а новые завоеватели по объективным причинам не смогли взять под жесткий контроль развитие духовной жизни горцев, и она начала развиваться на основе культурных традиций и ценностей местных народов.

Иными словами, существенное ограничение Российской империей идеологического влияния Османской империи и Ирана на регион привело к существенному ослаблению господства мусульманского духовенства над духовной жизнью дагестанцев, но не привело к его замене господством православного духовенства. Наоборот, по вышеуказанным объективным причинам в духовной сфере возникло некое «пространство безвластия», в котором начались процессы духовного развития народов Дагестана на основе своих собственных культурных ценностей и традиций. По сути, это было возрождением процессов этнического развития народов восточной части Кавказа, прерванных на 12 веков нашествием арабов. Видимо, поэтому вторая половина XIX века характеризуется бурным развитием в Дагестане поэзии на национальных языках и почти одновременным зарождением у дагестанских народов своих литератур и появлением созвездия необычайно ярких поэтов, творчество каждого из которых отличается своим национальным колоритом. *«Закономерность их почти одновременного восшествия и глубоко демократическая направленность творчества обусловлены историческими судьбами, оказавшимися общими для этих народов на данном этапе развития»* [2, с.191], когда внешний *«пресс многовекового подавления горских культур и языков заметно ослабевает»* [2, с.190], и в этих условиях начинается новый этап истории культур народов Дагестана.

При этом национальная самобытность зарождающейся литературы каждой народности зависела от двух составляющих: масштаба таланта зачинателя этнической литературы

и особенностей традиций, предлагаемых каждой национальной средой.

Вот в это время зарождения дагестанских национальных литератур лезгинам повезло дважды: во-первых, в качестве зачинателя их литературы историей был выдвинут уникальный человек огромного таланта и душевной чистоты, вошедший в лезгинскую литературу под именем Етим Эмин, и, во-вторых, творческие традиции, предлагаемые лезгинской средой в то время, также оказались уникальными.

Специфика этих традиций предопределялась тем обстоятельством, что у лезгин было чрезвычайно сильно развито ашугское искусство, которое, благодаря племде лезгинских ашугов (Ихрек Режеб¹, Абубакар из Цилинга², Эмин из Ялцуга³, Лезги Ахмед⁴, Саид из Кючхюра и др.), к моменту зарождения лезгинской литературы в основных своих чертах уже выполнило историческую миссию создания демократического направления в горской поэзии. За выполнение такой задачи поэты других дагестанских народов взялись лишь при создании своих литератур в середине XIX в. Поэтому можем уверенно сказать, что лезгинская литература родилась на почве, прекрасно подготовленной ашугами.

Очевидно, творческие традиции, предлагаемые лезгинской средой в 50-60-х годах XIX в., также были обусловлены уникальным устным народным творчеством и общей культурной средой лезгин. К этому времени у лезгин сформировалась своя особая культурная среда, очагами которой стали Яраг, Ахты, Алкадар, Ага-Стал, Рухун и другие места, связанные в основном с просвещенческим наследием Магомеда Ярагского (1772–1838). Это наследие в виде культурной среды при объективно возникшем в середине XIX в. пространстве для духовного развития лезгин на основе собственных культурных ценностей и традиций не могло не привести к необходимости развития художественной культуры на основе родного языка, ибо, как писал русский поэт П. А. Вяземский (1792–1878), *«язык есть*

¹ Ихрек Режеб сочинял песни и на рутульском, и на лезгинском языках.

² Абубакар из Цилинга был прапрадедом Етима Эмина.

³ Здесь речь идёт об ашуге Эмине, жившем в XVIII в. и родившемся в селе Ялцуг, которое в XIX в. относилось к Самурскому округу, а не о поэте Етиме Эмине, родившемся в XIX в. в селе Ялцуг Кюринского округа.

⁴ Лезги Ахмед был родом из села Урва («Вурвар» по-лезгински), расположенного рядом с Кусарами.

исповедь народа: в нем слышится его природа, его душа и быт родной» [8, с.337].

Иными словами, поэзия Етима Эмина является закономерным порождением особой лезгинской культурной среды середины XIX в. и возникших к этому моменту условий для духовного развития народов на базе собственных культурных ценностей. В этих условиях Етим Эмин первым осознал острую потребность лезгинского общества в творениях, которые на лезгинском языке освещали бы жизнь и проблемы этого общества, а также в эстетической трактовке образа человека в соответствии с лезгинскими эстетическими нормами и культурными ценностями.

Будучи порождением культурной среды, непосредственно связанной с просвещенческим наследием Магомеда Ярагского¹, Етим Эмин всегда находился под влиянием его гуманистического характера. Просвещенческий потенциал наследия ярагского мыслителя, а также лезгинские культурные ценности и традиции, на которые Эмин с самого начала своего творчества опирался, определили его творческий путь, как путь этно-гуманистического направления. На таком творческом пути, *«преодолевая традиционное мировоззрение, Эмин вырвался из идей религиозно-этической трактовки образа человека и создал новый эстетический идеал»* [2, с.242].

Этот новый эстетический идеал у Эмина как художника был связан с образами тех, кто хочет жить на этом свете счастливо, а не с образами тех, кто живет мыслями о грядущих удовольствиях на том свете. *«Художник не был атеистом так же, как никогда не был слепым приверженцем религии, не исключая и самые отчаянные минуты жизни. Разве когда-нибудь к Эмину пришла успокаивающая, умиротворяющая мысль о грядущих удовольствиях, которые сулит та, другая жизнь на небесах?»* [2, с.231-232].

Новый подход к эстетическому идеалу, которому следовал Эмин, превратил в основные темы его произведений состояние, в котором находится лезгинский народ, его характер, привыч-

¹ Етим Эмин сформировался как личность в медресе Абдуллаха-эфенди – зятя и ученика Ярагского и в медресе Исмаила-эфенди – сына и ученика Ярагского, затем многие годы работал под руководством Исмаила-эфенди и дружил с ним, что нам дает основание утверждать, что Эмин является порождением культурной среды, непосредственно связанной с просвещенческим наследием Магомеда Ярагского.

ки, образ жизни, мечты и заботы. С большим мастерством, глубиной проникновенностью и достоверностью раскрыв эти темы, он сделал свои произведения, отразив в них глубинное мировоззрение своего народа, понятными для каждого соплеменника. А добивался он этого, описывая реальный мир наиболее правдиво и беспристрастно, сосредотачиваясь на описании судеб, обстоятельств и событий, близких к реальным, т.е. следуя литературному направлению, называемому реализмом.

А благодаря тому, что основой произведений Эмина стала не религиозно-этическая трактовка образа человека, а реальная жизнь с её страстями, его стихи были любимы лезгинским народом и до революции, когда имело место господство религии, и при Советской власти, когда с религией мало считались, и сегодня, когда количество мечетей на душу населения в Дагестане – самое большое в мире.

Лезгинский народ увидел в произведениях Эмина свою природу, он признал в них свой идеальный эстетический образ и начал соотносить свои действия с этим образом, что привело к изменению характера духовного развития лезгин: оно, развитие, вновь, как и многие сотни лет назад, начало происходить на основе лезгинских ценностей и культурных традиций.

«Он пробудил в нас сознание о нас самих – вот его истинная заслуга, важность которой не зависит от того, первым или десятым из наших великих писателей должны мы считать его в хронологическом порядке» [9, с.427]. Эти слова, сказанные Н. Г. Чернышевским о Н. В. Гоголе, о его заслуге перед русским народом, думаем, в полной мере применимы и к взаимоотношениям Етима Эмина с лезгинским народом.

Потому лезгины сегодня могут сказать: «Пробудив «в нас сознание о нас самих», Етим Эмин стал важной и существенной частью самосознания лезгинского народа». Его поэтический мир народ сразу принял в качестве своего духовного достояния. Как древние греки узнавали себя в «Илиаде» и «Одиссее» Гомера, как русские узнают себя в «Евгении Онегине» и «Капитанской дочке» Пушкина, так и лезгины находят свои черты в лирических героях эминовских произведений – нередко в идеальном облике.

Безусловно, в стихах Етима Эмина отражено все самобытное, особенное, что есть в лезгинском народе, что отличает его сознание и даже образ жизни от сознания и образа жизни представителей других народов. Потому мы можем сегодня смело

сказать: без Эмина и без его духовно-литературного наследия сегодня нет лезгин, как сегодня без Пушкина и его наследия нет русских. Как о Пушкине русские говорят «наше всё», так об Эмине лезгины могут сказать то же самое...

В силу исключительного места Етима Эмина в духовном мире лезгинского народа очень многие исследователи занимались изучением его творчества и биографии. К таким исследователям относятся: Г. Гаджибеков, Ш. Мейланов, Т. Ахмедов, М. М. Гаджиев, Н. А. Ахмедов, А. Г. Агаев, Н. В. Капиева, Ф. И. Вагабова, Г. М. Садыки, Г. Г. Гаширов, К. Х. Акимов, И. А. Гусейнов, А. Г. Гюльмагомедов, А. Кардаш, Р. М. Кельбеханов, Р. И. Гайдаров и др. Но среди этих многих имен есть такие, которые занимают особое положение в эминоведении – в науке, изучающей наследие великого лезгинского поэта Етима Эмина. О них стоит упомянуть отдельно.

Первыми собирателями наследия Эмина и издателями сборников его стихов в 20-30-х годах XX в. были молодые студенты-лезгины. Вот их имена: Гаджибек Гаджибеков, Техмез Ахмедов и Шахабуди́н Мейланов. Они начали собирать наследие Эмина ещё тогда, когда учились в Москве и приезжали в Дагестан на летние каникулы¹. Вернувшись на родину после завершения учёбы, в сложнейших условиях разрухи и полуголодной жизни они сумели подготовить и издать в Махачкале в 1928 г. [10]² на основе аджама (арабскими буквами) и в 1931 г. [11]³ на основе латиницы два бесценных сборника стихов Эмина на лезгинском языке. В то время, когда был лишь дореволюционный опыт Эмина и ещё нескольких просвещённых людей, записывавших без каких-либо общих правил лезгинские стихи арабскими буквами, т.е. в то время, когда лезгинского алфавита как такового ещё не было, не говоря уж о правилах орфографии

¹ Г. Гаджибеков, Т. Ахмедов и Ш. Мейланов были выходцами из организованного в 1925 г. в Москве для создания письменного лезгинского языка кружка студентов-лезгин, обучавшихся в ряде столичных вузов. В этот кружок входили также Юсуф Герейханов, Камалудин Гамзабеков, Магомед Исаков, Ахмед Тагиров, Зияудин Эфендиев, Исамудин Урдуханов, Хасбулат Аскар-Сарыджа, Сейфудин Шихалиев, Шахбаз Шайдабеков, Салих Мусаев и другие.

² Этот сборник стихов нам не удалось обнаружить ни в одной библиотеке Республики Дагестан. Поэтому его репринтное воспроизведение приложено к данной биографии поэта как **Приложение №2**.

³ В Национальной библиотеке Республики Дагестан им. Р. Г. Гамзатова имеются два экземпляра этого сборника стихов, больше ни в одной дагестанской библиотеке нам не удалось его обнаружить. Поэтому его репринтное воспроизведение приложено к этой биографии поэта как **Приложение №3**.

и грамматики, – их издание можно признать подвигом в сфере национальной культуры. Этими двумя сборниками стихов Эмина молодые энтузиасты – Г. Гаджибеков, Т. Ахмедов и Ш. Мейланов – заложили начало изучения наследия великого поэта.

Следующим исследователем, занявшим особое положение в эминоведении, является философ и литературовед Ахед Гаджимурадович Агаев (1924–2003). В 1958 г. он издал монографию о жизни и творчестве Етима Эмина [12]. В ней впервые была раскрыта глубина философии поэзии Эмина, природа изящества его мыслей и многообразии методов, с помощью которых поэт достигал совершенства в стихосложении.

Выдающийся и не до конца нами оцененный вклад как в лезгинское литературоведение в целом, так и в эминоведение, в частности внесла литературовед Фируза Исмаиловна Вагабова (1934–2016), опубликовав в 1970 году свой фундаментальный труд по литературоведению «Формирование лезгинской национальной литературы». Этот труд содержит главу под названием «Етим Эмин – основоположник национальной лезгинской литературы» [2, с.189–242], где на высоком научном уровне впервые дан литературоведческий анализ философии поэзии Эмина и убедительным образом показана исключительность его места в лезгинской литературе как её основоположника. Этой работой Ф. И. Вагабова на годы вперед задала такие высокие стандарты в эминоведении, которые стали ориентирами для всех последующих серьёзных авторов, писавших об Эмине. В данной книге мы тоже старались ориентироваться на её анализ поэзии Эмина и на заданные ею стандарты в эминоведении.

Также значительный вклад в эминоведение внес неутомимый собиратель лезгинского культурного наследия Галиб Мухиддинович Садыки (1918–2000), издавший в 1980 г. [13] и в 1995 г. [14] два сборника стихотворений Эмина на лезгинском языке. Они вышли с архивными документами времен поэта, предисловиями и комментариями, в которых приводились многие доселе неизвестные сведения о жизни поэта и о его времени. По сути, наши сегодняшние представления об Эмине и его творчестве сложились прежде всего благодаря стараниям и трудам Г. М. Садыки, а после они лишь уточнялись, существенно не меняясь.

Вышеназванные авторы, как и многие другие исследователи, занимались изучением и творчества, и биографии Эмина. Благодаря их стараниям мы сегодня многое знаем о жизни

поэта и его творчестве. Но полнота и достоверность биографических данных самого любимого лезгинским народом поэта, известных сегодня, не соответствуют тому месту, которое в лезгинском самосознании занимают он и его творчество.

В обществе давно назрела потребность в полноценной биографии поэта, в максимально возможной степени основанной на достоверных данных. Ещё в 2001 г. филолог Р. И. Гайдаров (1923–2009) призвал своих коллег подходить к этой проблеме со всей серьезностью [15, с.7]:

«По существу, биография поэта неотделима от его творчества. Особую значимость приобретают биографические сведения о таких поэтах, которые оставили многообразные по социально-идейным мотивам, жанрам и т.п. высокохудожественные произведения, которые выделяют поэта среди других, благодаря чему его творчество становится как бы особым периодом и направлением в развитии художественной культуры его народа. Именно таким был поэт Етим Эмин – малла Магомед-Эмин ибн Севзихан. ...его биография до сих пор фактически научно не изучена. Важнейшие сведения по биографии поэта всё ещё сводятся к весьма приблизительным сообщениям третьего и последующих колен его наследников, которые, в свою очередь, ссылаются на не менее приблизительные высказывания своих предков, мам и бабушек. Подобные необоснованные утверждения и разного рода версии о месте и времени рождения, о селах и учебных заведениях, в которых учился поэт, о времени его женитьбы, равно как о болезни и кончине, по которым эминоведение не располагает достоверными сведениями, с различного рода видоизменениями и нюансами перепечатываются из издания в издание и постепенно переходят из категории предположений и легенд в разряд установленных фактов и «неопровержимых» истин. Наиболее неприемлемым в данном отношении является то, что среди части лезгинской интеллигенции имеет место ходячее лженаучное мнение о том, что по названным выше и некоторым другим вопросам биографии поэта не следует, мол, больше дискутировать...»

Трудно не согласиться с высказыванием известного ученого-филолога о неприемлемости мнения некоторых «исследователей» о том, что о вопросах биографии поэта не следует больше дискутировать. Такая позиция прежде всего неприемлема, как мы подчеркивали выше, в силу исключительного ме-

ста, которое занимает Етим Эмин в самосознании лезгин. Но она неприемлема и потому, что многие имеющиеся исторические документы, связанные с его жизнью и творчеством, ещё не дождались своего исследователя.

Поэтому полагаем, что многие известные сегодня детали его биографии должны быть подвергнуты анализу с точки зрения логики и критически сопоставлены с историческими документами и сведениями, содержащимися в стихах Етима Эмина. Народ должен знать его биографию и его творчество так хорошо и достоверно, как это только возможно.

В этой связи к стихам Эмина давно пора относиться как к серьёзным источникам информации о его биографии. Етим Эмин не писал стихи на абстрактные темы, он был поэтом, отражающим «темы» своей жизни: он писал о событиях, происходивших с ним, о явлениях жизни по мере того, как он сталкивался с ними. В силу такого характера рождения стихов, естественно, в них есть следы того, что происходило с поэтом на протяжении всей его жизни. Потому для нас стихи Эмина – это ценнейший источник информации о его судьбе, ибо стихи и есть поэтическая автобиография поэта.

Это в первые годы собирания и изучения наследия Эмина Г. А. Гаджибеков правомерно подчёркивал, что *«до тех пор, пока мы не разыщем всё его произведения и не соберём об Эмине полных биографических данных»*, трудно *«установить эволюцию взглядов поэта, столь важную для общей характеристики его»* [1] наследия и его места в лезгинской культуре. Продолжая свою мысль про эти объективные причины, мешавшие в те годы полноценной оценке влияния творчества Эмина и его идеологии на развитие лезгинской культуры, Г. А. Гаджибеков писал: *«По указанным выше причинам я в данный момент воздерживаюсь дать обобщающую оценку идеологии поэта»*.

Сегодня же разыскано большое количество стихотворений поэта, доступны многие документы, помогающие в достаточной степени полно установить его биографические данные, что позволяет нам дать картину эволюции мировоззрения поэта в тесной связи с чередой событий его жизни и жизни современного ему лезгинского общества.

В этой книге вниманию читателей предлагается версия биографии поэта, реконструированная на основе сведений, содержащихся в его стихах, и на основе сопоставления их с из-

вестными из работ других авторов сведениями, подвергнутыми критическому анализу, а также с фактами, ставшими известными в последнее время из ранее неиспользованных литературоведскими источниками.

Автор настоящей книги выражает благодарность научному руководителю Института философии Российской академии наук, академику Абдусаламу Абдулкеримовичу Гусейнову, профессору кафедры литератур народов Дагестана Дагестанского государственного университета Гаджи Гусейновичу Гаширову (ныне находящемуся на заслуженном отдыхе), директору Института востоковедения Российской академии наук Аликберу Калабековичу Аликберову, профессору кафедры арабской филологии Дагестанского государственного университета Замиру Шахбановичу Закарияеву, известным лезгинским поэтам Пакизат Бейдуллаевне Гусейновой (Фатуллаевой) и Арбену Кардашу (Арбену Мехединовичу Кардашову), с которыми автор постоянно обсуждал вопросы, возникавшие в процессе написания настоящей книги, и от которых получал ценные советы и практическую помощь, а также молодому поэту Владике Батманову и другим лицам, которые помогали собирать материал для этой книги и подготовить её к изданию.

Особую благодарность автор выражает доктору философских наук, сотруднику Института философии Российской академии наук Ильшату Рашитовичу Насырову, любезно предоставившему в распоряжение автора настоящей книги ещё не опубликованный свой труд – перевод с арабского на русский язык книги Гасана Алкадари «Диван аль-Мамнун» (г. Темир-хан-Шура, 1913), без которого многие аспекты биографии Етима Эмина, получившие в настоящей книге освещение, остались бы неясными. В настоящей работе все цитаты из этой книги приводятся в переводе И. Р. Насырова.

13.09.2020, Москва – Яраг.

РОЖДЕНИЕ И ДЕТСТВО В ЯЛЦУГЕ

Магомед-Эмин, такое имя дали будущему поэту при рождении, появился на свет в семье Севзихана и Лейли. После констатации этого общеизвестного факта нам не обойтись без подробного анализа всего того, что сообщается в разнообразной литературе о предках будущего поэта, о месте и времени его рождения, ибо имеющиеся сведения об этих важных аспектах и моментах его биографии многовариантны и часто не имеют в своей основе достоверных данных.

Отец будущего поэта Севзихан происходил из селения Цилинг, от которого ныне остались лишь развалины на территории современного Курахского района Республики Дагестан (его жители в 50-х годах XX в. переселились в селение Аглоби Дербентского района).

По информации, собранной Г. М. Садыки и опубликованной им в 1968 г., *«родословная поэта по восходящей от него линии такая: Эмин, его отец Севзихан, его отец Джалил, его отец Севзихан, его отец Бука (БукIа)¹»*. Здесь «БукIа» – псевдоним прапрадеда Эмина. Он был ашугом, певшим на лезгинском и тюркском языках, и Г. М. Садыки удалось найти тексты некоторых его песен. Потомки поэта считали, что настоящее имя их предка-ашуга Абубакар, а Г. М. Садыки тогда, в 1968 г., был склонен думать, что его звали Гусейн [16, с.43].

В 1995 г. Г. М. Садыки издал сборник стихов Эмина, где вернулся к вопросу родословной поэта [14, с.10]. В этом сборнике он указал, что отец Севзихана – дедушка будущего поэта Джалил – рано умер, оставив Севзихана сиротой, и что отцом

¹ В журнальной статье есть опечатка: псевдоним ашуга в ней указан в виде «Бака» («BakIa»), хотя автор статьи за два года до этого в статье «Цилинг БукIадин шиирар» («Стихи Бука Цилингского») в лезгинской газете «Коммунист» (21.09.1966) правильно указал псевдоним ашуга, происходившего из цилингского рода «БукIаяр» и потому имевшего псевдоним «BukIa», а не «BakIa».

Джалила являлся ашуг «БукІа», в то время как в работе 1968 г. этот ашуг был известен как дедушка Джалила. С указанного времени – с 1995 г. – общим местом для всех пишущих об Эмине стала родословная, указываемая со ссылкой на Г. М. Садыки, что отцом Эмина был Севзихан, его отцом – Джалил, а его отцом – Абубакар, являвшийся ашугом и носивший псевдоним «БукІа».

В пользу того, что ашуга-предка поэта звали Абубакар, по нашему мнению, косвенно говорит и бытующая информация о том, что Эмин одного из своих рано умерших сыновей назвал Абубакаром [14, с.12].

Естественно, представления о любом предмете со временем, по мере накопления новых данных о нём, изменяются, уточняются – в этом нет ничего необычного или предсудительного. Но в случае родословной Эмина сам Г. М. Садыки, благодаря кому установлена ныне известная родословная поэта, сомневался в её полноте и осознал её противоречивость. Он по этому поводу писал: *«Отец Эмина Севзихан, сын Джалила, был из рода «БукІаяр» из села Цилинг. Но в том же Цилинге и в том же роду после /отца Эмина/ родился /ещё один/ Севзихан, сын Джалила. И этот второй Севзихан действительно является сыном родного дяди Эмина. Этому обстоятельству потомки /Эмина/ объяснение дать не могут»* [14, с.10].

Сам Г. М. Садыки дал такое объяснение им же поставленному вопросу: *«Как представляется, когда мать Севзихана – отца Эмина – была беременна, их отец Джалил умер. И появившемуся в этот период на белый свет ребёнку дали имя Джалил. Вот у этого Джалила /потом/ родился ребёнок и он своего сына назвал в честь скончавшегося в Ялуге своего брата Севзихана»* [14, с.10].

На основе ныне доступных нам документов стало ясно, что неутомимый собиратель наследия Эмина Г. М. Садыки в этих своих предположениях, с одной стороны, был не до конца прав, но, с другой стороны, также стало ясно, что Галиб Мухиддинович обладал огромной интуицией в вопросах, связанных с Эмином!

Чтобы проверить предположения Г. М. Садыки, мы взяли в государственном архиве посемейный список 1886 г. селения

Цилинг¹. Прежде чем изучить этот список, необходимо обратить внимание на одно важное обстоятельство, связанное с семейными списками 1886 г., на которое до нас, к сожалению, никто не обратил внимания. А обстоятельство это – следующее: возрасты людей в этих списках указаны не в годах по григорианскому календарю, а указаны в годах по мусульманскому календарю. Разница между годами по этим календарям равна 11 дням, что становится существенным фактором при исчислении времён длиною несколько десятков лет.

Все переписчики, осуществлявшие перепись 1886 г. в Южном Дагестане, как указано в конце каждого списка, были местными жителями, и они, очевидно, за редчайшим исключением, умели считать возраст только на основе мусульманского календаря.

В посемейные списки вносились имена и возрасты мужчин в семье, а по поводу женщин вносилась лишь информация об их количестве в семье. То, что возрасты мужчин в упомянутых посемейных списках рассчитаны именно на основе мусульманского календаря, нам подтверждает следующий факт.

В посемейном списке селения Алкадар под №1 указан **«Поручикъ Мирза Гасанъ Гаджи Абдулла Эфенди оглы»**². Очевидно, речь здесь идет о просветителе, известном в литературе под именем Гасан Алкадари. Известна точная дата его рождения – 11-е число месяца Джумада аль-ахира 1250 г. по Хиджре [17, с.4], что соответствует 15 октября 1834 г. по григорианскому календарю. Простые расчеты показывают, что по состоянию на дату составления посемейных списков – на 10 июля 1886 г.³ – Гасану Алкадари по григорианскому календарю исполнился полный 51 год, а по мусульманскому календарю исполнилось полных 53 года. В посемейном списке села Алкадар указано, что Гасану Алкадари в момент переписи исполнилось 53 года, что, безусловно, свидетельствует о том, что года, указанные в посемейных списках сёл Южного

¹ Посемейный список селения Цилинг (Цилинг) Кючхюрского сельского общества Кутур-Кюринского наибства Кюринского округа, ГАРД, фонд 21, опись 5, ед. хранения 77.

² **Приложение №4.** (См.: Посемейный список селения Алкадар Векелярского сельского общества Кутур-Кюринского наибства Кюринского округа, ГАРД, фонд 21, опись 5, ед. хранения 85.)

³ Здесь дата указана по юлианскому календарю, так как в XIX веке в Российской империи применялся юлианский календарь, который в XIX в. отставал от григорианского календаря на 12 дней.

Дагестана от 10 июля 1886 года, рассчитаны на основе мусульманского календаря.

Теперь, зная, что возрасты в посемейных списках указаны в годах по мусульманскому календарю, взглянем на такой список села Цилинг. В нём нас ожидают две сенсации.

Первая сенсация заключается в том, что действительно в этом списке под номером №16 числится семья Джалила¹ 70 лет по мусульманскому календарю, значит, 1818 г. рождения по григорианскому летоисчислению, у которого есть сын Севзихан 30 лет по мусульманскому календарю, значит, 1857 г. рождения. Это и есть то, что предсказывал Г. М. Садыки с помощью своей интуиции! Это есть доказательство того факта, что отец Эмина Севзихан умер не позже 1857 г., так как только в этом случае дядя Эмина Джалил мог назвать в указанном году своего родившегося сына в честь своего умершего брата – отца Эмина – Севзиханом. Значит, этот Севзихан, родившийся в Цилинге в 1857 г., приходился Эмину двоюродным братом.

Но главная сенсация в другом – в том, какое имя было у дедушки Эмина? Это мы узнаём из того, как указан в посемейном списке дядя поэта. Он в этом списке указан как **«Джалиль Севзихань оглы»**². Это значит, что дедушку Эмина, как и его отца, звали Севзиханом. Удивительно, что до сих пор ни один литературовед не догадался заглянуть в посемейные списки селения Цилинг 1886 г. и узнать настоящее имя дедушки Эмина. Это действительно новый поворот в эминоведении...

Это значит, что дедушка поэта умер буквально перед рождением отца поэта, а не его дяди Джалила, как предполагал Г. М. Садыки. Поэтому в честь дедушки поэта его сына – будущего отца поэта – назвали именем Севзихана. Получается, что Джалил был старше Севзихана. Дату рождения дяди поэта мы выше установили – это 1818 г. Значит, отец Эмина Севзихан, который родился после Джалила, мог родиться не ранее 1819 г. И умер он, как ранее мы показали, не позже 1857 г.

¹ Согласно сведениям из посемейного списка селения Цилинг вместе с Джалилом (1818 г.р.) и его сыном Севзиханом (1857 г.р.) тогда под одной крышей жили: сын Джалила Неджведил (1847 г.р.), дети Неджведила Тариверди (1874 г.р.) и Касум (1884 г.р.), дети Севзихана Рамазан (1884 г.р.) и Муслим (1886 г.р.), а также 6 человек женского пола. Указанная семья в собственности имела 25 капанов (6,25 га) неполивной земли, 6 голов крупного рогатого скота и 1 лошадь, что по тем временам семью Джалила причисляло к «среднячкам».

² Приложение №5.

Согласно преданиям, сохранившимся среди цилинговцев, у Джалила и Севзихана был ещё брат по имени Шахламаз. В момент переписи 1886 г. его, наверное, уже не было в живых и поэтому он прямо в посемейном списке этого села не указан, но некоторую информацию о нем можем узнать из этого списка. В нем под номером №65 указана семья человека по имени «**Нуръ Метъ Шахнамазъ оглы**»¹, которому 55 лет по мусульманскому календарю и с которым вместе живет его сын «Шахнамаз» («Шахламаз») 4 лет и ещё 4 члена семьи. Простые расчёты показывают, что этот Нурмет родился в 1833 г. по христианскому календарю. Если считать, что он родился, когда его отцу было около 20 лет, то его отец Шахламаз (Шахнамаз) должен был родиться приблизительно в 1813 г. Наличие у Нурмета в 1886 г. 4-летнего сына Шахламаза, носящего имя дедушки, говорит о том, что к 1882 г. этот дедушка скончался. Таким образом, мы приходим к выводу, что в Цилинге приблизительно в 1813–1882 гг. жил человек по имени Шахламаз. Другой Шахламаз, который мог бы быть братом Джалила и Севзихана, а также дядей Етима Эмина, в посемейном списке села Цилинг не обнаружен.

Эти рассуждения нам позволяют установить, что в Цилинге жили дяди поэта Шахламаз (приблизительно 1813 г.р.) и Джалил (1818 г.р.). Там же родился их брат Севзихан (не ранее 1819 г.р.) – будущий отец поэта. Кроме отца, у Эмина, как мы выяснили, были ещё два родственника по имени Севзихан. Это: его дедушка и его двоюродный брат. Про дедушку поэта Севзихана Г. М. Садыки не знал и не мог знать, не располагая архивными документами. Использование этой информации для корректировки предложенных Г. М. Садыки в 1968 и 1995 гг. вариантов родословной поэта сводят их к одному варианту, который состоит в следующем: **отцом Эмина был Севзихан, дедушкой – другой Севзихан, прадедом – Джалил, а прапрадедом – Абубакар.**

По сути, это – та же самая родословная, приведенная Г. М. Садыки в 1968 г., где мы только двух Севзиханов поставили рядом согласно архивным сведениям, в результате чего статус Джалила по отношению к Эмину «повысился» – он из деда превратился в прадеда поэта. При таких обстоятельствах объяснимо, почему родной дядя Эмина тоже носил это

¹ Приложение №6.

имя Джалил: вероятно, он так был назван в честь своего дедушки. Тогда получается, что Абубакар был прапрадедом поэта, как в 1968 г. предполагал Г. М. Садыки, а не прадедом, как ныне принято это считать. К тому же, если его считать прадедом Эмина, то в этом случае он по возрасту не смог бы участвовать в войне с Надир-шахом в 30-40-х годах XVIII в. Но общепризнано, что ашуг «БукIа» был участником «партизанских» действий местного населения на территории Лезгистана против этого захватчика.

Уточнив то, кем был Абубакар для поэта, вернёмся к судьбе отца Эмина – Севзихана. Несмотря на то, что будущий родитель Эмина вырос без отца, ему удалось получить образование. По сведениям Г. М. Садыки [14, с.8], Севзихан учился в медресе Магомеда Ярагского в селе Яраг Кюринского ханства. Если Севзихан учился у этого шейха, тогда есть объяснение тому факту, что сирота Севзихан сумел закончить обучение по программе медресе и получить титул «маллы»¹, что позволило ему в последующем быть назначенным кадием (шариатским судьёй).

И вот как это могло произойти. В самом конце 20-х годов знаменитое медресе Магомеда Ярагского было закрыто из-за преследований самого шейха царскими властями. В 1830–838 г. Магомед Ярагский скитался по Дагестану в поисках пристанища. Как утверждает поэт Арбен Кардаш [18, с.72], молодой Севзихан из Ялцуга был среди учеников Ярагского, следовавших за ним во время гонений на этого шейха. Как известно, среди этих учеников были и сын шейха Исмаил из Ярага (1812–1904)², и Абдуллах

¹ Титул «малла» в Южном Дагестане означал «выпускник мусульманского среднего учебного заведения», которым считалось медресе.

² До сих пор в литературе годом рождения Исмаила-эфенди считался 1810 г. Однако, это не так. Согласно сведениям, содержащимся в посемейном списке 1886 г. селения Юхари Яраг, где под №7 указан **«Исмаиль Эфенди Магомедъ Эфенди оглы»**, в момент переписи ему исполнилось 76 лет в соответствии с мусульманским календарем, что соответствует 74 годам, рассчитанным на основе григорианского календаря, что, в свою очередь, указывает на 1812 г., как на год рождения Исмаила-эфенди (см.: **Приложение №7**). Умер Исмаил-эфенди, как гласит надпись на камне, установленном у изголовья его могилы на кладбище в селе Яраг, «в месяце сафар 1322 г.» по Хиджре (мусульманскому календарю), что соответствует апрелю-маю 1904 г. по григорианскому календарю. Точную дату смерти Исмаила-эфенди мы находим в книге Гасана Алкадари: «В ночь на 10 число месяца Сафар 1322 г. по хиджре умер мой дорогой дядя и мой большой учитель-наставник, шейх аль-Хаджи Исма'ил Эфенди аль-Яраги» [18, с.240], что соответствует 25 апреля 1904 г. по григорианскому календарю. Потому мы уверенно можем утверждать, что Исмаил-эфенди на этой грешной земле прожил 92 года – в 1812–1904 гг.

из Алкадара (1801–1862)¹ – будущий зять шейха и основатель медресе в своём селе. Передвигаясь по горному Дагестану, Магомед Ярагский и его ученики, как правило, останавливались в тех селах, где шейх имел хорошие знакомства, а их он имел почти во всех крупных религиозно-учебных центрах. Соответственно, сопровождавшие шейха ученики имели возможность учиться как у него самого, так и в медресе сёл, где скитальцы останавливались. Это длилось восемь лет – срок достаточный для того, чтобы рядом с Магомедом Ярагским получить хорошее образование.

Мы ранее установили, что Севзихан родился не ранее 1819 г. В медресе в Яраге он мог поступить в 9-10 лет после окончания мектеба. С другой стороны, нам известно, что это не могло случиться после 1830 г., когда Ярагский вынужден был прекратить работу своего медресе и покинуть Яраг. Значит, к моменту покидания шейхом Ярага Севзихану было не более 11 лет. Видимо, Севзихан поступил в ярагское медресе при поддержке родственников покойного отца. Вероятно, отучившись в медресе 1,5-2 года, он последовал за шейхом, когда тот вынужден был скитаться по горам. Для сироты пойти за шейхом, возможно, было единственным способом получения образования.

Если верно то, что Севзихан был среди тех, кто сопровождал Ярагского, когда тот укрывался в горах, тогда объяснимо и то трепетное отношение через много лет после этих скитаний Абдуллаха-эфенди и Исмаила-эфенди к пришедшему к ним для получения образования Эмину² – сыну их уже покойно-

¹ Гасан Алкадари пишет [17, с.69], что его отец Абдуллах-эфенди, сын Курбан-Али из Алкадара, скончался в ночь перед праздником «Ид аль-Фитр» (праздник окончания поста) в 1278 г. по Хиджре от лихорадки, которая поразила его в середине месяца Рамадан, и на момент смерти он достиг возраста 62-х лет по мусульманскому календарю. Это значит, что умер он ночью 30 дня месяца Рамадан 1278 г. по Хиджре, что соответствует ночи 30 марта 1862 г. по григорианскому календарю. Если в момент смерти ему было 62 года по мусульманскому календарю, значит, он родился не позже месяца Рамадан 1216 г. по Хиджре, что соответствует месяцу январь 1802 г. по григорианскому календарю. Если Алкадари пишет, что к моменту смерти его отцу уже исполнилось 62 года по мусульманскому календарю, то, вероятно, он родился в 1801 г. по григорианскому календарю. Тогда мы приходим к выводу, что годами жизни Абдуллаха-эфенди являются 1801–1862 гг.

² Как свидетельствует внук Абдуллаха-эфенди из Алкадара Абдулкерим Гусейнович Гусейнов, этот почтенный эфенди – глава медресе в Алкадаре, когда к нему явился сирота Эмин, принял его «как своего сына», «взяв в свои руки обеспечение сына покойного друга всеми необходимыми материальными условиями и взяв его воспитание на себя» [16, с.42].

го друга Севзихана, который когда-то вместе с ними сопровождал ярагского шейха в его скитаниях.

Здесь необходимо также подчеркнуть, что Абдуллах-эфенди в течение почти 24 лет (с 1839 г. по 1862 г.) руководил медресе в Алкадаре, за исключением времени двух паломничеств в Мекку (1848 и 1857 гг.). А до этого не менее 20 лет находился рядом с Магомедом Ярагским и потому мог иметь друзей за пределами родного села, вероятно, только тех, с кем его свела судьба во времена учёбы в Яраге и скитаний по Дагестану с ярагским шейхом. По этой причине его дружба с Севзиханом из Цилинга свидетельствует, наверное, о том, что она у них сложилась в Яраге и укрепилась во времена, когда они скитались по Дагестану, сопровождая своего учителя.

Вероятнее всего, уехав из родного Цилинга ребёнком 9-10 лет, ещё 10 лет проведя в окружении Магомеда Ярагского в селе Яраг и в других местах, где этот шейх прятался от царских властей, отец Эмина Севзихан сумел получить духовное образование, соответствующее уровню окончания медресе, и получить связанный с ним титул «маллы», позволявший в последующем стать судьей шариатского суда. После смерти в сентябре 1838 г. учителя в Согратле он, вероятно, вернулся в Кюру и практически тут же – в конце 1838 г. или в начале 1839 г. – в возрасте 20 лет был назначен местным духовенством, очевидно, при одобрении хана¹, судьей шариатского суда (кадием) в группе селений Кюринского ханства с центром в селе Ялцуг. Неизвестно, успел Севзихан после 10 лет отсутствия обратно поселиться на своей родине – в Цилинге или, не возвращаясь туда, сразу отправился к месту службы. В любом случае, через короткое время после возвращения из Согратля он обосновался в селе Ялцуг. Ныне оно территориально относится к С.-Стальскому району Республики Дагестан и является покинутым селом: в 60-х годах XX века жители Ялцуга переселились в селение Аламише (ныне – Эминхюр) С.-Стальского района.

¹ Ф. Р. Нагиев неправомерно полагает, что Севзихана кадием (кази) назначил начальник Кюринского округа: *«Отец Эмина Севзихан в свое время был в должности кази (кази назначался начальником округа, как правило, из числа духовных лиц и состоятельных людей)»*. (См.: Нагиев Ф. Р. Етим Эмин: путь к истине. – Махачкала, 2002. – С.17) Но во времена Севзихана существовало Кюринское ханство, а округ образовался в Кюре и у округа появился начальник лишь через 20 с лишним лет после назначения Севзихана кадием.

Что это были за селения, куда Севзихан был назначен кадием? Согласно изысканиям писателя К. Х. Акимова, обнародованным им в 1990 году, этими селениями были: *Ялцуг (Ялцугъар), Бигер (Бигерар), Кеан (Къеан), Макар (Макъар), Хпит (ХпитIар), Цицер (ЦицIер) и Чухвер (Чухъвер)* [3, с.64]. В 1995 году Г. М. Садыки в результате своих независимых изысканий также подтвердил, что «*Севзихан из Цилинга был назначен кадием в Ялцуг для семи селений*» [14, с.9]. В этот же судебный «округ» из семи селений, где кадием был Севзихан, в последующем кадием был назначен его сын Эмин. Г. М. Садыки приводит названия шести из семи этих сёл, не упомянув из вышеприведенных сёл лишь Чухвер (Чухъвер) [14, с.13; с.119]. Видимо, это – опечатка: сказав, что было семь сёл в составе судебного «округа», привести названия только шести, входивших в этот «округ», осознанно Г. М. Садыки, полагаем, не мог.

Правда, в литературе встречаются случаи, когда некоторые авторы вместо вышеупомянутого села Чухвер в состав семи сёл, для которых Севзихан, а затем его сын Эмин были кадиями, включают село Кахцуг (КIахцугъ)¹. Это происходит из-за незнания авторами, утверждающими так, структуры тогдашней судебной власти в Лезгистане. Тогда, до судебной реформы 1868 г., кадий в этих семи сёлах был один, он считался кадием Ялцуга, но рассматривал дела жителей всех семи сёл. В других шести сёлах, кроме Ялцуга, не было своих кадиев. Сёла, где были кадии, не могли относиться к ведению кадия села Ялцуг. В случае с Кахцугом известно, что там кадий был, когда Севзихана назначили кадием в селе Ялцуг и это предопределяет невозможность его включения в группу из семи сёл, которые относились к ведению ялцугского кадия. Иначе говоря, Кахцуг не относился к сёлам, судебными делами в которых должен был заниматься Севзихан.

Севзихан с Кахцугом был связан не по служебным делам. Его жена была из этого села. Мать будущего поэта Лейли до Севзихана была замужем за кадием² села Кахцуг и через не-

¹ Например, Ф. Р. Нагиев считает, что Етим Эмин был кадием семи сёл, в том числе Кахцуга, которые входили «*согласно переписи 1886 г. в Ялцугское сельское общество*» (См.: Нагиев Ф. Р. Етим Эмин: путь к истине. – Махачкала, 2002. – С.23). Однако согласно посемейным спискам 1886 года село Кахцуг входит в состав «Татарханкентского сельского общества».

² По другим данным первый муж Лейли по имени Паша был сыном кадия Кахцуга.

большое время овдовела. Если судить по стихотворению «Халуйриз» («Дядям»), приписываемому Эмину, но написанному, по всей видимости, его младшим братом Меликом и адресованному дядям автора стихотворения по материнской линии, жившим в селении Какцуг, эти дяди – братья Лейли – были какцугцами, значит, Лейли происходила именно из этого села.

Севзихан взял овдовевшую Лейли в жёны вместе с грудным ребенком Шахламазом, которого усыновил. По сведениям Мугудина – внука Севзихана – последнему Лейли родила четверых сыновей – Магомед-Эмина, Абдул-Мелика, Магомед-Наби и Гусейна, а также четырёх дочерей – Сувар, Фатимат, Эйлихан и Кизхалум[19]. По всей видимости, Гусейн, Сувар, Фатимат и Кизхалум не дожили до совершеннолетия – об их взрослой жизни не сохранилось никаких сведений.

Также не сохранилось никаких достоверных сведений о том, где родился первенец Магомед-Эмин в семье Севзихана и Лейли. Вопрос не праздный, ибо неизвестно, когда и где Севзихан женился на Лейли. Есть версия, что он взял Лейли в жёны ещё в Цилинге, а в Ялцуг его семья переселилась уже с родившимся первенцем. По другой версии Севзихан взял в жены Лейли, став кадием в Ялцуге, и соответственно первенец у них родился в Ялцуге.

Ещё раз подчеркнём: достоверных сведений по этому поводу до настоящего времени мы не имеем. По мнению родственников Етима Эмина, их знаменитый предок родился в Ялцуге [20]. Большинство литературоведов сегодня тоже придерживается этой же версии, хотя в первые годы изучения творчества Эмина, заметим, преобладающим мнением было, что Эмин родился в Цилинге.

Правда, до поры до времени сторонники ни одной из этих двух версий не приводили обоснованных на достоверной информации, в том числе содержащейся в стихах поэта, доводов как в пользу своей правоты, так и против мнения оппонентов. Первым такой довод в 1990 г. привёл писатель К. Х. Акимов, который обратил внимание почитателей Эмина на то, что в стихотворении «**Цилингар**» («Цилингцы») [13, с.152] «*Этим Эмин представляет себя не цилинцем, а миресом¹ цилинцев, т.е. родственником по линии отцовского рода*» [3, с.63]. В последующем поэт А. Кардаш также обратил внимание на

¹ Мирес – по-лезгински означает «дядя по отцовской линии».

то, что Эмин в указанном стихотворении себя по отношению к жителям села Цилинг обозначает фразой «*куь мирес*» (ваш сородич) и этим как бы говорит, что он родом не из Цилинга, а является «сородичем» всего села Цилинг, так как его отец из Цилинга [21]. Мы находим вполне обоснованными эти два совпадающих по смыслу суждения известных писателя и поэта. Правда, их обоснованность становится менее очевидной, если согласиться с мнением некоторых авторов, что само стихотворение «Цилинггар» не было написано Эмином, а было написано его младшим братом Меликом...

Но, как нам кажется, есть более весомый довод, говорящий о том, что Эмин родился именно в Ялцуге, а не в Цилинге. Чтобы понять этот довод, необходимо вспомнить, каким образом заключались браки в таком обществе, разделенном на множество сословий, каким было кюринское общество Дагестана в первой половине XIX в. Как свидетельствует большой знаток адатов¹, поэт и в прошлом кадий Гамзат Цадаса, в Дагестане адаты не допускали браков между мужчиной и женщиной из различных сословий, но при этом женитьба юноши на девушке сословия более низкого, чем то сословие, к которому относился он, не считалась в такой сильной степени позором, как выдача дочери замуж за представителя более низкого сословия, чем невеста [22, с.55].

К какому же сословию относился Севзихан, чтобы он мог жениться на Лейли? Лейли была дочерью представителя духовенства. По этой причине первый раз она была замужем за человеком из духовенства – кадием Кахцуга. (Забегая вперед, укажем, что именно из-за сословных требований после смерти Севзихана Лейли опять вышла замуж за представителя духовенства – за муллу Кахцуга.) Как пишет Д. В. Овсянников, в Дагестане и Чечне «к XVIII в. духовенство складывается в отдельную сословную группу, которая формируется и пополняется через упомянутую выше систему образования²» [23, с.80]. Севзихан до назначения его кадием в Ялцуге не относился к сословию духовенства, так как покойный его отец не был причастен к этому сословию, но назначение Севзихана кадием «пополнило» им эту сословную группу. Таким образом, согласно требованиям адатов XIX в. право жениться на Лейли Севзихан приобрёл, только став представителем духовенства

¹ Адаты – местные традиции.

² Здесь, конечно же, речь идёт о мусульманской системе образования.

после своего назначения кадием в Ялцуге. Следовательно, Севзихан женился на Лейли, будучи уже кадием в Ялцуге, и соответственно первый ребенок – сын Магомед-Эмин – в их семье родился в этом селе.

Кроме вышеприведенных логических и поэтических доводов, говорящих о том, что Эмин родился именно в Ялцуге, есть ещё один довод в пользу этой версии, которым мы просто не имеем права пренебречь, потому что он исходит от одного из первых эминоведов – от филолога М. М. Гаджиева. Он утверждает, что ялцугское происхождение поэта, помимо других сведений, *«подтверждают также сведения, полученные от дочери... Эмина»* (Эминан руша... гайи хабаррини тестикь ийизва) [24, с.3]. Значит, известный филолог о месте рождения поэта знал от дочери Эмина! Вероятно, это была младшая дочь поэта Муслимат. Допустить, что дочка поэта точно не знала место рождения своего отца, мы не можем, если вспомним, что она несколько десятков лет общалась со своей матерью Тукезбан, лучше всех знавшей Эмина и его жизнь.

Установив достаточно обоснованно место рождения будущего поэта, мы подошли к ещё одному сложному вопросу в его биографии: а когда Эмин родился?

Первую версию о годе рождения поэта ещё в далеком 1941 г. высказал известный филолог М. М. Гаджиев. Он предположил, что Эмин родился в 1838 г. [24, с.4]. Считая так, он исходил из того, что первый сборник стихов Эмина, вышедший в свет в 1928 г., был посвящён его составителями 50-летию со дня смерти поэта, а также из того, что внук поэта ему говорил, что Эмин умер в возрасте приблизительно 40 лет. Путем несложных вычислений (1928 - (50 + 40)) филолог получил известное нам число – 1838. Поэтому М. М. Гаджиев объявил, что Эмин родился приблизительно в 1838 г. Никаких других доводов в пользу этого года рождения Эмина в последующем никто не приводил.

Мы полагаем, что в своих рассуждениях очень квалифицированный филолог невольно упустил из виду два очень важных момента. Во-первых, год по григорианскому календарю и год по мусульманскому календарю содержат разное количество дней (год в мусульманском календаре на 11 дней короче, чем в григорианском). Во-вторых, в XIX в. в лезгинской среде возраст не умели и не принято было считать на основе григори-

анского календаря. Полагаем, что эти два фактора при уточнении года рождения Эмина имеют важнейшее значение.

Очевидно, что возраст Эмина в момент смерти, о котором исследователю сообщил внук поэта, и количество лет, прошедших после его смерти, исчислялись на основе мусульманского, а не григорианского календаря. В XIX в. и до 30-х годов XX в. в Южном Дагестане возраст людей считали только на основе мусульманского календаря. Но, к сожалению, это обстоятельство при определении года рождения Етима Эмина М. М. Гаджиев не учел.

Вооружившись знанием о том, что в переписи 1886 г. возрасты людей указаны в годах, исчисляемых по мусульманскому календарю, изучим посемейный список села Кахцуг¹. В этом списке под №83 указан «**Ша(х)ламазь Паша оглы**»², которому в момент переписи исполнилось 50 лет, естественно, рассчитанных на основе мусульманского календаря. Мы из этих документов также узнаём, что Шахламаз в момент переписи жил в Кахцуге и работал кадием Татарханкентского сельского суда, под юрисдикцией которого находились сёла: Татарханкент, Кахцуг, Даркуш, Птикент и Юхари Араг (Верхний Араг)³. Согласно данным переписи также легко установить, что отца Шахламаза – первого мужа Лейли – звали Паша⁴, а не Агашериф, как указано у некоторых авторов. Теперь вспомним, что, когда отец Эмина Севзихан женился на овдовевшей Лейли, у нее на руках уже был грудной ребёнок Шахламаз. После смерти Севзихана этот Шахламаз обратно перебрался

¹ Посемейный список селения Кахцуг Татарханкентского сельского общества Гюнейского наибства Кюринского округа, ГАРД, фонд 21, опись 5, ед. хранения 82.)

² Приложение №8.

³ Село Юхари Араг в литературе часто путают с селом Юхари Яраг. На самом деле – это разные сёла: развалины первого села сохранились на территории современного С.-Стальского района, а развалины второго села – на территории современного Магарамкентского района.

⁴ В указанных списках селения Кахцуг под номером 76 указан «**Паша малла Агашерифь оглы**» в возрасте 30 лет на основе мусульманского календаря. Это значит, что указанный мужчина родился в 1857 г. по григорианскому календарю и у него был отец по имени Агашериф, имевший титул «малла» и родившийся не позже конца 30-х годов XIX века. Это, в свою очередь, может говорить о том, что у первого мужа Лейли, кроме сына Шахламаза, был ещё сын Агашериф, рожденный Лейли или другой женой и который, возможно, был назван в честь деда. Потом, вероятно, своего сына этот Агашериф назвал в честь своего отца Пашой. Иными словами, первого мужа Лейли звали Пашой, а отца его, вероятно, звали Агашерифом.

в село своего отца (Кахцуг), где и был внесен в 1886 году в посемейный список переписчиками.

Согласно данным из этих списков, именно в 1886 г. (год переписи) сыну Паши и Лейли – старшему брату Эмина Шахламазу – исполнилось 50 лет по мусульманскому календарю. Исходя из этого и благодаря простым расчетам, мы легко установим, что по григорианскому календарю возраст Шахламаза в момент переписи равнялся 48,5 года и потому родился он в 1838 году.

Таким образом, мы достоверно установили, что старший брат Эмина Шахламаз родился в 1838 г. Все это, естественно, исключает рождение в том же году его младшего брата Магомед-Эмина¹! Напомним, что тогда, когда Лейли выходила замуж за Севзихана, у неё на руках был грудной ребенок – Шахламаз, а будущий великий поэт Эмин родился уже во вновь образовавшейся семье, когда Лейли вторично вышла замуж, уже за Севзихана. С учетом того, что Шахламазу в момент смерти его родного отца Паши уже было несколько месяцев, что овдовевшая Лейли вторично выйти замуж, согласно канонам шариата (Коран, 2:234), не могла ранее, чем через 4 месяца и 10 дней (по лунному календарю) после смерти первого мужа, и с учетом того, что для внутриутробного развития нового плода необходимо около 9 месяцев, можно предположить, что первый совместный ребенок Севзихана и Лейли появился на свет не раньше, чем через 1,5-2 года после рождения Шахламаза. Следовательно, если старший брат будущего поэта Шахламаз родился в 1838 году, то он сам – первенец в семье Севзихана и Лейли – родился через 1,5-2 года после рождения Шахламаза, т.е. приблизительно в 1840 г. по григорианскому календарю, но не ранее этого года.

Вывод о том, что Эмин родился именно в 1840 г., вытекает также из информации, собранной Г. М. Садыки о друзьях и родственниках поэта. Согласно этой информации, шурин поэта Ага-Мирза из Кеана *«был моложе Эмина почти на семь*

¹ Ф. Р. Нагиев, исходя из того, что в посемейных списках 1886 г. возраст старшего брата Эмина Шахламаза указан равным 50 годам, полагаем, ошибочно считает, что он родился в 1836 г., а Эмин – через пару лет в 1838 г. Эти рассуждения не учитывают того факта, что в упомянутой переписи указаны годы, рассчитанные на основе мусульманского календаря, а не на основе григорианского календаря, как полагает Ф. Р. Нагиев. Потому с выводами Ф. Р. Нагиева о годах рождения Шахламаза и Эмина трудно согласиться. (См.: Нагиев Ф. Р. Етим Эмин: путь к истине. – Махачкала, 2002. – С.17)

лет» [14, с.10]. В посемейном списке села Кean, составленном 10 июля 1886 г., под №53 указан «**Молла Ага Мирзе Магомедъ оглы**», которому 40 лет по мусульманскому календарю, что соответствует возрасту 39 лет и 1847 г. рождения по григорианскому календарю. Если согласно сведениям, собранным Г. М. Садыки, родившийся в 1847 г. Ага-Мирза был моложе Эмина на семь лет, то годом рождения поэта мы должны считать 1840 г.

Таким образом, опять приходим к выводу, **что первенец в семье Севзихана и Лейли – будущий поэт Етим Эмин – родился в Ялцуге в 1840 г. по григорианскому календарю.**

По-видимому, у него было счастливое детство. Такое заключение нам позволяет сделать то обстоятельство, что его отец имел постоянную работу и был человеком добрым и благородным. Иначе не стал бы усыновлять чужого ребенка, как в случае с усыновлением Шахламаза. Такое не практиковалось в среде духовенства. Например, следующий муж Лейли – мурла села Кахцуг – взял её в жены, оставив на произвол судьбы как минимум трёх её несовершеннолетних детей от предыдущего мужа Севзихана...

Но вернёмся в детство Эмина. Он рос смышлёным. Очевидно, прошел какую-то подготовку к школе под руководством отца. Когда ему исполнилось 8 лет, вероятно, он пошёл учиться в мектеб – школу при ялцугской мечети. Сам Севзихан, скорее всего, в мектебе не преподавал, потому что он был кадием, и это в его обязанности не входило, он должен был рассматривать судебные дела и осуществлять контроль за муллами, мектебами и медресе на вверенной ему территории.

Отступая на время от канвы повествования, здесь хотелось бы подчеркнуть, что в вопросах, связанных с образованием Эмина, тоже немало путаницы. Многие исследователи творчества и жизни поэта по этой проблеме высказывали свои мнения, но, к сожалению, они часто были основаны на чем угодно, но только не на исторических документах и не на информации, содержащейся в произведениях поэта. Не учитывалась ими также информация о системе образования, существовавшей в Дагестанской области Российской империи в эпоху Эмина – в середине XIX в. и во второй его половине.

Обобщая имеющуюся в научно-исторической литературе информацию о системе образования в Дагестане в ту эпоху, можно сказать, что она имела три ступени: мектеб, мед-

ресе и индивидуальное обучение при известных алимах (учёных-богословах).

Тогда в каждом селении при мечетях действовали школы – мектебы, – которые являлись своеобразными начальными мусульманскими школами. Там муллы под контролем кадиев обучали чтению Корана, арабскому письму, а также преподавали элементарные знания по арифметике. В указанные школы дети поступали, как правило, по достижении 8 лет и обучение в них (в зависимости от способностей ребенка) длилось от 1 года до 3 лет. Основная масса учеников в мектебах заканчивала это обучение за 2 года. Учились в них и девочки, но отдельно от мальчиков.

Медресе в те времена считалось школой высшего типа. Однако продолжать свое образование туда шли немногие: по свидетельству автора конца XIX в. Д. Б. Бутаева, только около 0,5% тех, кто окончил мектеб, продолжали образование в медресе [25, с.120]. В дагестанских медресе девочки не учились. Круг наук, изучаемых в них, был значительно шире, чем в мектебах. Здесь изучались *логика, арабская грамматика, география, мусульманское право, теология, риторика*. Ученик медресе назывался муталимом, а учитель – мударисом. В таких учебных заведениях учились 7-8 лет. Выпускники медресе посвящали себя духовной, просветительской, литературной деятельности. В Южном Дагестане окончившие медресе к своему имени добавляли слово «малла», как некий титул, указывающий на уровень образования его обладателя.

Лучшие ученики медресе могли продолжить обучение в религиозно-просветительских центрах, которые складывались вокруг выдающихся дагестанских мусульманских богословов-просветителей, называемых учёными (алимами). К ним стекались ученики не только из Дагестана, но и из сопредельных областей. По-настоящему образованный человек должен был пройти наиболее значительные просветительские центры, обучаясь у алимов различным наукам. В середине XIX в. такие центры в регионе расселения лезгин имелись, например, в Ахтах (при Мирзе-Али-эфенди), в Яраге (при Исмаиле-эфенди) и в Нижнем Стале (при Атлухане-эфенди). Прошедшие обучение в таких центрах в эпоху Эмина получали почетный титул «эфенди», который добавляли к собственному имени.

Исходя из вышеизложенного, думаем, что мы вправе вполне обоснованно предположить, что приблизительно с 8 до

10 лет Эмин учился в мектебе при мечети родного села Ялцуг. Его отец Севзихан работал там кадием, контролировал работу ялцугского муллы и мектеба при местной мечети. По этой причине для Севзихана не было необходимости направлять Эмина в мектеб другого села, и это вообще тогда не практиковалось: дети учились в мектебах своих сёл, так как они были практически везде.

Таким образом, есть все основания предположить, что **Эмин в 1848–1850 гг. учился в мектебе при ялцугской мечети** под наблюдением своего отца Севзихана и этим завершил подготовку к учёбе в медресе.

НАЧАЛО УЧЁБЫ В КЕАНЕ

По поводу того, в каком медресе Эмин начал учиться после прохождения им подготовки к учёбе в ялцугском мектебе, мнения писавших о нём авторов разнятся. Большинство считает, что по достижении приблизительно 10 лет Эмин был направлен отцом на учебу в медресе селения Кеан, так как это было самое близкое к Ялцугу селение, где имелось медресе.

Но профессора А. Г. Агаев и Р. И. Гайдаров предполагают, что Эмин вначале поступил учиться в медресе села Икра¹ («Кири» – по-лезгински). Правда, в качестве хозяина этого медресе называются разные имена: А. Г. Агаев называет имя Магарам-эфенди [12, с.17], а Р. И. Гайдаров – Алимета-эфенди [15, с.11]. При этом первый не приводит ни одного довода, говорящего в пользу этой версии, кроме довода, что *«об этом в народе были слухи»*, а второй в качестве такого довода приводит утверждение, что имеется *«бесспорный для всех икринцев факт о том, что стихотворение «Тварун стха» («Тёзка») посвящено именно однокашнику и приятелю Е. Эмина – икринцу Эмину, который в течение ряда лет был кадием икринского сельского шариатского суда»* [15, с.54] и который получил образование именно в родном селе. Далее делается вывод: раз однокашник и тёзка поэта учился в селе Икра, то и сам поэт учился в этом селе. Сегодня, когда стали открытыми для всех ранее малодоступные архивы, к счастью, можно проверить это утверждение Р. И. Гайдарова. Так вот, согласно архивным данным – посемейному списку селения Икра от 10 июля 1886 г. – в этом списке под №3 числится именно тот

¹ Лезгинское селение, имеющее местное название «Кири», в русскую литературу вошло под названием «Икра». Следуя этой традиции русского языка, мы его название по-русски даем в таком же виде, чтобы не вносить путаницу, хотя по своей фонетике такое русское название не совсем соответствует аборигенному произношению его названия.

самый Эмин, на которого ссылается филолог: «**малла Эминъ Магомедъ Керимъ оглы**», и ему в 1886 г. исполнилось 60 лет в соответствии с мусульманским календарём¹. Простые расчёты на основе этой информации показывают, что этот икринский Эмин родился в 1828 г. по григорианскому календарю, что говорит о том, что он на 12 лет был старше ялцугского Эмина. Поэтому утверждать, что ялцугский Эмин и его икринский тёзка могли быть «однокашниками» в медресе, где учёбу начинали с 10-летнего возраста и завершали за 7-8 лет, думаем, ныне уже некорректно.

Таким образом, единственный аргумент, говорящий о том, что будущий поэт Эмин свою учебу в медресе мог начинать с икринского медресе, оказался не соответствующим действительности. Полагаем, что это несоответствие своего аргумента действительности заметил бы и высказавший его прекрасный филолог Р. И. Гайдаров, если в его распоряжении были бы вышеприведенные архивные материалы, касающиеся села Икра.

Получается, что нет никаких доводов в пользу того, что после ялцугского мектеба Эмин начал учёбу в икринском медресе.

К тому же, было бы неразумно со стороны Севзихана отправлять ребенка в медресе села Икра, далекого от Ялцуга, когда в селении Кеан, расположенном рядом с Ялцугом, имелось такое же медресе – единственное находившееся под контролем самого Севзихана как кадия. Здесь заметим, что программы медресе во всех селениях были одинаковыми, и строгое следование им контролировалось кадиями, так что при выборе Севзиханом места учёбы для Эмина приоритетными факторами, думаем, были близость медресе к его дому и подконтрольность учебного заведения ему самому.

Иными словами, самым разумным шагом со стороны Севзихана было направление сына Эмина в ближайшее медресе. Оно было в Кеане, и контроль за его работой входил в обязанности кадия Севзихана. Поэтому полагаем, что при выборе Севзиханом медресе для обучения Эмина для него кеанскому медресе не было альтернативы. Вероятнее всего, там и продолжил будущий поэт свою учёбу после ялцугского мектеба. Думать иначе у нас нет никаких оснований.

¹ Посемейный список селения Икра Икринского сельского общества Курахского наибства Кюринского округа, ГАРД, фонд 21, опись 5, ед. хранения 88.

Итак, остановимся на том, что Эмин начал свою учёбу в кеанском медресе. Погрузимся в обстановку того времени и представим себе, как она могла начаться...

...Кеанское медресе. Оно мало чем отличается от других медресе в округе¹: состоит из трех комнат-келлий для учащихся, с отдельным в каждую из них входом прямо с улицы. Снаружи каждая келья запирается висячим замком, а изнутри – деревянным засовом. Земляной пол в ней покрыт частью рогожей, частью войлоком или широким шерстяным половиком. Каждый муталим (студент) поселяется здесь со своим тюфячком, подушкой, одеялом, шубой, собственными учебниками и с кое-какой провизией (например, пудом муки, кувшином масла и пр.), при этом раньше прибывшие уплотняются, чтобы дать место и вновь поступившим. Если число студентов превышает 8-9 человек, то позже приехавшие ищут в ауле кунака и живут в его доме либо за небольшую плату, либо (чаще) за первоначальное обучение его малышей грамоте, молитвам и чтению Корана. Обычно в каждой келье сожители имеют общий стол вскладчину, а выпечка хлеба производится всеми обитателями медресе сообща: каждый дает муку на определенное число чуреков, и сборная мука передается какой-нибудь женщине, пекущей чуреки для себя, и она печет бесплатно для студентов. Вообще, помочь студентам считается обязательным. Местные жители позволяют им брать дрова из общественного леса, при этом, один дает им в пользование топор, другой арбу с быками. Затем они получают пожертвования по случаю похорон, плату за чтение Корана на могиле, за отпевание и омовение покойника, а в период сбора урожая им уплачивается закят². Но в общем они живут бедно. Зияющая каминная труба обеспечивает им вентиляцию помещения и летом, и зимой, причем в холодное время они сидят, укутавшись в свои овчины. Обучение происходит в доме у преподавателя в кунацкой, куда студенты приходят по очереди, чаще всего каждый получа-

¹ Здесь, для примера, приводится описание медресе в селе Алкадар, которое было дано сыном Гасана Алкадари Али Гасановым [26, с.181], полагая, что кеанское медресе принципиально мало чем отличалось от алкадарского медресе.

² Закят – обязательный ежегодный налог в исламском праве, выплачиваемый с доходов и имущества всеми мусульманами в пользу нуждающихся единоверцев.

ет отдельный урок и лишь иногда бывает, что двое или трое изучают одну и ту же книгу и получают урок совместно. Старшие (разумеется, бесплатно) помогают младшим готовить уроки...

...На дворе осень. Прижимистый хозяин кеанского медресе малла Магомед¹ весь в заботах. Он любил это время года. Ещё бы: оно было самым подходящим временем для собирания у родителей учеников «добровольных» пожертвований для медресе сразу по окончании сезона сельскохозяйственных работ. Хозяин медресе брал всё: у кого зерном, у кого сушёным мясом, у кого маслом, у кого мёдом... «Всё сгодится в хозяйстве», – любил про себя говаривать малла Магомед.

Амбар, где он лично сортировал всё собранное у родителей учеников, стоял с другой стороны его дома, подальше от келий. Вдруг в это амбарное помещение вбегает слуга и кричит: «Хозяин, к нам малла Севзихан пришёл!» «Вот не кстати, – подумал хозяин медресе, – сейчас увидит, как много мы собираем добра. А я ведь на днях ему жаловался на скудость пожертвований». Быстро закрыв дверь амбара, малла Магомед выскочил на улицу встречать маллу Севзихана – кадия и потому контролера над работой его медресе.

– Салам алейкум, малла Севзихан! Пусть Аллах хранит тебя и твою семью! Многоуважаемый малла, мы счастливы, что Вы пришли к нам, – держа обеими руками руку Севзихана, кланяясь ему, как слуга, с подобострастием произнес хозяин медресе, – с проверкой к нам? Милости просим...

¹ Некоторые авторы имя хозяина медресе в Кеане, где учился Эмин, и отца будущей жены поэта Тукезбан в своих работах указывают в виде «Ходжа Магомед», где часть имени «Ходжа» происходит от персидского слова «хадже» (господин), и она в XIX в. в Южном Дагестане являлась синонимом уважительного обращения на арабском языке «муаллим» (учитель). Есть и такие авторы, которые отца Тукезбан уважительно называют именем «Магомед-эфенди». Однако Гасаном Алкадари в его книге «Диван аль-Мамнун» брат Тукезбан упомянут как «Ага-Мирза-эфенди, сын маллы Мухаммеда» [17, с.154-155]. Это нам указывает на то, что части «Ходжа» в собственном имени хозяина кеанского медресе не было. Применение некоторыми современными авторами титула «эфенди» к его имени является необоснованным, так как добавление Алкадари к его имени слова «малла», когда к имени его сына добавлено слово «эфенди», нам говорит о различии и противопоставлении Гасаном-эфенди уровня образования сына и его отца. Добавление к имени отца слова «малла» указывает на то, что он закончил медресе, но не прошел у известных алимов индивидуального обучения, дававшего право к своему имени добавит слово-титул «эфенди», в то время как сын такое обучение прошёл и получил этот титул.

– *Алейкум салам, уважаемый малла Магомед! Нет, не с проверкой, – ответил гость на вопрос, – на этот раз по более приятному поводу. Привел к Вам нового ученика. – Закончив фразу, Севзихан головой указал на поодаль стоящего смуглого и симпатичного мальчугана.*

– *Неужто мы дождались такого счастья: Ваш сын будет учиться у нас? Предоставим ему самые лучшие условия – не беспокойтесь, – словно клятву, произнёс малла Магомед.*

– *Самые лучшие условия не нужны ему – он у меня скромный, – ответил малла Севзихан и продолжил, – условия пусть будут такие, как у всех.*

– *Как же, как же... Сын самого маллы Севзихана!!! – с придыханием произнес хозяин медресе.*

Севзихан головой сделал знак Эмину, тот с лужайки перед медресе поднял свою перемётную суму и пытался с травы поднять ещё одеяло и подушку, принесённые сюда отцом. Тут к нему подошёл слуга хозяина медресе, взял одеяло и подушку в свои руки, и они вдвоем зашагали в сторону келий, а малла Севзихан с маллой Магомедом зашли во двор дома хозяина медресе...

Так или похожим образом со счастливых возгласов маллы Магомеда, заполучившего в ученики сына маллы Севзихана, контролирующего его учебное заведение, полагаем, началась «взрослая» жизнь Эмина в кеанском медресе. Учёба в нём несколько лет шла размеренно, пока Эмин случайно на улице Кеана не встретил девушку, ставшую для Эмина после этой случайной встречи любовью навсегда, спутницей всей его дальнейшей жизни. Видимо, вместе с этой любовью в душу Эмина ворвалась и настоящая поэзия¹, также ставшая для него неразлучной спутницей.

О первых шагах Эмина в поэзии литературовед Ф. И. Вагабова высказывала такое предположение [2, с.198]:

«Сделаем логическое предположение (других оснований, к сожалению, нет), что Эмин первые шаги делал в области интимной поэзии. Определенные образцы любовных произведений художника доказывают, что начинающий поэт отталкивался от панегирической поэзии. На долю поэти-

¹ До этого Эмин, будучи учащимся медресе, как и другие учащиеся такого заведения, очевидно, пробовал писать стихи, посвящённые богу. Но настоящая поэзия ворвалась в его жизнь, вероятно, как любовная лирика.

ческого «я» приходилась роль традиционного воздыхателя, страдающего от жестокости избранницы. Он теряет сон и аппетит, сохнет день ото дня. Врачом-исцелителем, лекарством от душевного смятения может стать лишь сам предмет воздыханий – любимая, яр¹».

Мы полагаем, что нижеприведенные примеры творчества Эмина подтверждают высказывание литературоведа Ф. И. Вагабовой: настоящий поэтический опыт Эмина начался вместе с его любовным опытом. Именно в рамках любовной лирики он начал писать свою поэтическую биографию. Далее в нашем повествовании стихи Эмина мы будем воспринимать в качестве поэтического отражения его реальной жизни и потому будем все чаще прибегать к анализу его поэтических творений, чтобы разобраться в его реальной биографии.

Итак, юный Эмин встретил свою любовь. Вот как описывает первую свою встречу с ней начинающий поэт в стихотворении «Гьюьридис ухшар акуна» («Увидел похожей на гурию») [14, с.66-67]:

Рехъди винел фидайла зун,
Са къудратдин кар акуна.
Гьюьрини гьилмандиз ухшар²,
Лап тенг барабар акуна.
(Когда я шёл вверх по дороге,
Одно диво-дивное увидел,
На /райскую/ деву и на /райского/ юношу похожую,
Уж совершенно равную увидел.)³

До этой встречи Эмин уже несколько лет учился в Кеане. Очевидно, он уже знал маленькую дочурку хозяина медресе. Именно её очередной раз Эмин увидел на улице, но на этот раз внезапно для себя обнаружил, что она уже выросла и превратилась в прелестную девушку. Потому он в стихотворении про неё говорит: «увидел похожей на гурию», т.е. раньше он видел

¹ Здесь «яр» – «любимая» по-лезгински.

² Здесь Эмин возлюбленную объявляет похожей одновременно и на «гурию» (гьюьри), и на «отрока» (гьилман). По нашему мнению, это связано со следующими обстоятельствами. Гурии в раю считаются самыми красивыми женщинами, но согласно Корану им всем по 33 года, а отроки, которые в раю его обитателям подают чаши с вином, являются подростками в возрасте 14-15 лет. Сказав, что «она» похожа одновременно и на гурий, и на отроков рая, Эмин хотел сказать, что «она» красива, как райская гурия, но молода, как райский отрок.

³ Здесь и далее по тексту приведённые подстрочные переводы стихов Эмина с лезгинского языка на русский принадлежат автору настоящей книги.

в ней маленькую девочку, а теперь нашёл её похожей на «райскую деву», на «диво-дивное».

Вот так, при случайной встрече, Эмин мог в неё влюбиться, а не в процессе «совместной» учёбы, как некоторые полагают¹, так как, согласно существовавшим тогда правилам, девочки не учились в медресе. Потому до возникновения в душе юного поэта влюблённости их встречи могли быть лишь случайными, как в случае, описанном в приведённом стихотворении.

Сколько же лет было этой «похожей на гурию»? О её возрасте в момент, когда будущий поэт в неё внезапно влюбился, мы можем сказать сразу и определённо: ей тогда было 15 лет. Это следует из содержания, вероятно, следующего по времени сочинения стихотворения Эмина под названием «**Назани**» («Капризная») [14, с.30].

Многие это название стихотворения воспринимают как имя возлюбленной, но это не так. Здесь слово «назани» используется в смысле определения «капризная», ибо после их случайной встречи на улице, когда у Эмина вспыхнула любовь, она не подала никаких знаков, говорящих о её отношении к нему, и нетерпеливый юноша это воспринял как проявление капризности девушки. При такой «неопределённости» он не рискует поделиться своим «секретом» со всем миром и потому в своих первых стихотворениях, посвящённых ей, прямо не называет её заветное имя – Тукезбан. В них он обходится иносказательными словами и выражениями для обозначения её имени, например, словом «назани» – капризная.

Из содержания стихотворения «**Назани**» становится ясно, что его автор ещё не дождался какого-либо ответа со стороны девушки на его внезапно вспыхнувшие чувства. Это говорит о том, что сразу после той случайной встречи с нею, когда он понял, что влюбился, и сочинил стихотворение о любимой под названием «**Гьюридис ухшар акуна**» («Увидел похожей на гурию»). В новом стихотворении о возлюбленной юный поэт так описывает её:

¹ Ф. Р. Нагиев в своей книге «Етим Эмин: путь к истине» утверждает, что с Эмином вместе «в медресе Ходжа Магомеда в селе Кеан» училась его будущая возлюбленная, к которой он во время совместной с нею учёбы «сердечно привязался», и в последующем «в душе юноши родилась любовь» к ней. Это ни на чем не обоснованное утверждение, так как девочки в медресе не учились и, по собственному признанию Эмина, приведённому выше, у него «родилась любовь», когда он её случайно увидел на улице.

Къизилгуьлдиз ухшар ава...
Уьмуьр цувад яшарава
(Похожа на розу..
Жизнь /её/ в пятнадцатилетнем возрасте).

Значит, к моменту написания стихотворения «**Назани**» Тукезбан было 15 лет. Возраст Эмина в это время, вероятно, был не меньше. Следовательно, к моменту зарождения любви Эмин уже не менее 5 лет учился в медресе села Кеан (ведь в медресе учиться начинали, как правило, в 10-летнем возрасте, а то и раньше).

Юноша Эмин увлекается Тукезбан, и вскоре об этом в селе Кеан узнают «вездесущие старушки» и вступают в «дело» – своими сплетнями начинают разрушать ещё только складывающиеся отношения между молодыми. Об этом Эмин пишет в стихотворении «**Фитнекар къарийриз**» («Старушкам-сплетницам») [14, с.104-105], где упрекает их в распространении небльиц о нём. В последней строфе этого стихотворения сказано:

Эмин хьана бейхабардиз,
Къарийри кьец! гана кардиз:
Шикаятун залай ярдиз,
Бес тушни инад, къарияр?
(Эмин был в неведении,
Старушки причинили ущерб /его/ делу.
Клеветать на меня любимой, –
Может, хватит мщения, старушки?)

Отсюда видно, что своей клеветой старушки за что-то или за кого-то мстят Эмину. В народе ходили слухи, что они добивались, чтобы Тукезбан была благосклонна к какому-то парню из их села, а не к «пришломu» Эмину. Вскоре будущий поэт понял, что поступил опрометчиво, начав бесперспективную «войну» со старушками, и решил сгладить «вину» перед ними, написав ещё одно, на этот раз «покаянное», стихотворение. В литературу оно вошло под названием «**Къарийриз**» («Старушкам») [14, с.106]. Это стихотворение заканчивается такой строфой:

Етим Эмин я зун рикI шад,
Диде-буба авачир сад.
Квез хъайитIа я зи мурад
Женнетда макан, къарияр.
*(Я – Етим Эмин, у /которого/ сердце радостное,
/Но который/ один, без родителей.
Моё желание, чтобы вам
Досталось жилище в раю, старушки.)*

Но, увы, уже было поздно. Случился «прорыв фронта» в другом месте: почти закончившего медресе Эмина (к этому моменту он учился там минимум 5 лет) хозяин выгоняет из своего учебного заведения, и молодой поэт вынужден покинуть Кеан.

Некоторые авторы вероятной причиной такого поступка хозяина медресе называют вспыхнувшие у Эмина чувства к его дочери Тукезбан¹. Эти ли чувства были причиной случившегося изгнания юноши за ворота медресе в селении Кеан?

Простые логические рассуждения показывают, что вспыхнувшие у Эмина чувства к Тукезбан могли быть лишь поводом, но никак не причиной удаления маллой Магомедом Эмина из своего медресе.

Посудите сами: отец Эмина Севзихан был кадием семи сёл, в том числе Кеана. В функции кадия тогда входило не только осуществление правосудия на вверенной ему территории, но и руководство на этой территории муллами, мектебами и медресе. Соответственно, породниться с Севзиханом, контролирующим работу кеанского медресе, желал бы любой его хозяин, тем более он не смог бы при живом таком «контролёре» его сына выгонять из медресе из-за его любви к своей дочери.

Полагаем, что пока жив был кадий Севзихан, для маллы Магомеда Эмин был «нужным» учеником медресе и «желанным» женихом дочери. Только смерть Севзихана могла превратить его сына в «нежеланного» жениха и в «ненужного» ученика, от которого для маллы Магомеда уже не было никакого толка.

Формально для обучающихся в медресе учёба в нём была бесплатной. Медресе должно было существовать за счёт доходов с так называемого вакуфного имущества, пожертвованного ему, и закята (налога на имущество и доходы), на часть которо-

¹ Нагиев Ф. Р. Етим Эмин: путь к истине. – Махачкала, 2002. – С.21.

го имели право учащиеся медресе. Но фактически все медресе существовали за счет «добровольных» пожертвований родителей учащихся. Ученики, не имеющие родителей, могущих делать «добровольные» пожертвования, хозяевам медресе не были интересны.

Вероятно, смерть Севзихана превратила его сына Эмина в «ненужного» для медресе учащегося. О том, что именно смерть отца была причиной отчисления Эмина из медресе, нам позволяет думать и последующее поведение Эмина в отношении своего учителя маллы Магомеда. У Эмина обида на него в душе осталась на всю жизнь, ведь поэт в своих стихотворениях ни разу не упомянул его, словно и не было такого учителя, хотя имена последующих своих двух учителей он вознес в стихах до небес. Такую твердость в проявлении неприязни к малле Магомеду со стороны благороднейшего Эмина трудно объяснить только тем, что он на каком-то этапе жизни был им разлучён со своей возлюбленной, с которой, забегая вперед скажем, он воссоединился через семь лет.

Мы полагаем, что причиной такой неприязни Эмина в отношении маллы Магомеда мог быть только его отказ осиротевшему Эмину в праве продолжить обучение в его медресе. Такой отказ мог быть воспринят Эмином – юношей с обостренным чувством справедливости – как нечто невозможное в человеческой среде и потому никогда не прощаемое. А то, что в момент первой его влюбленности Эмин стал сиротой, видно из того же стихотворения «**Къарийриз**»: из вышеприведенной его строфы мы видим, что Эмин к своему имени впервые добавляет в стихах слово «Етим» (Сирота) и при этом указывает на то, что он «*один, без родителей*». Значит, к этому моменту у Эмина уже нет отца, а его мать вышла третий раз замуж¹. Вероятно, неожиданная смерть отца Севзихана и была причиной, по которой малла Магомед отлучил Эмина от своего медресе как ученика бесполезного с точки зрения материальной или иной выгоды. Так получилось, что, к огорчению маллы Магомеда, осиротевший Эмин ещё был и влюблён в его дочь.

¹ Как пишет Г. М. Садыки, этим третьим мужем матери Эмина Лейли стал лакец Шахламаз (тёзка её старшего сына), работавший муллою в селении Кахцуг. Выйдя за него замуж после смерти второго мужа – Севзихана, – мать Эмина оставила в Ялцуге пятерых детей, предоставив их самим себе. Этими детьми были сын Шахламаз от первого мужа Паши и четверо детей от второго мужа Севзихана – сын Магомед-Эмин и несовершеннолетние сыновья Абдул-Мелик, Магомед-Наби и дочь Эйлихан [16, с.42].

Тот факт, что Севзихан умер приблизительно в 1855 г.¹, косвенно подтверждает ещё и следующее обстоятельство. Есть письмо, адресованное Меликом своему старшему брату Эмину, когда он учился в медресе какого-то села, и где он требует от Эмина, чтобы тот прислал ему тулуп и, чтобы подтолкнуть брата к срочному выполнению своего требования, сообщает ему, словно из другой страны: «Здесь, где я учусь, холодно» [13, с.204]. Если Мелик пишет Эмину, что там, где он учится, холодно, то это значит, что Мелик учится в таком месте, о погоде в котором Эмин, живя в Ялцуге, не может знать. Очевидно, таким местом нахождения Мелика Кеан, расположенный рядом с Ялцугом, не мог быть, раз погода в месте его пребывания не такая, как в Ялцуге. Следовательно, Мелик учился не в медресе Кеана, а в медресе какого-то далекого от Ялцуга села. Мелик, родившийся в 1847 г.², по возрасту должен был поступить в медресе в 1856 или 1857 году. Значит, тогда он не был принят в медресе Кеана. Это можно объяснить только одним обстоятельством: в это время Севзихана уже нет в живых, и потому Мелик не смог попасть в медресе Кеана, ранее подконтрольное его отцу и ближайшее к Ялцугу, а попал в медресе другого села, где он, даже будучи сиротой, был желанным учеником. Таких медресе для Мелика было всего два: это учебные заведения друзей покойного отца в Яраге и в Алкадаре. Находясь в одном из этих медресе, расположенных далеко от Ялцуга, он мог писать: «Здесь, где я учусь, холодно». К вопросу конкретизации места, откуда писал Мелик, вернёмся чуть позже, а сейчас, как промежуточный итог наших рассуждений, скажем: Мелик не попал в самое ближайшее от Ялцуга медресе в Кеане, ранее подконтрольное его отцу, по причине того, что к моменту окончания им ялцугского мектеба (приблизительно 1856–1857 гг.) его отца уже не было в живых.

Вероятно, не любил малла Магомед учеников-сирот. Может быть, по этой причине он удалил из своего медресе осиро-

¹ Получается, что отец Эмина Севзихан жил приблизительно в 1819–1855 г., т.е. прожил 36 лет.

² В Посемейном списке селения Ялцугар Ялцугарского сельского общества Кутур-Кюринского наибства Кюринского округа (ГАРД, фонд 21, опись 5, ед. хранения 86) под номером 9 указан «Мелик Севзихань оглы», которому в 1886 г. по григорианскому календарю исполнилось 40 лет в соответствии с мусульманским летоисчислением. Это значит, что по григорианскому календарю Мелику в 1886 г. было 39 лет и поэтому мы можем считать, что он родился в 1847 г. по григорианскому календарю.

тевшего Эмина и не принял туда его брата – сироту Мелика?! А вспыхнувшая у Эмина любовь к его дочери, возможно, стала поводом для удаления осиротевшего Эмина из учебного заведения.

Таким образом, становится ясно, что, будучи пятнадцатилетним юношей, ставшим сиротой, не завершив учёбу, Эмин покинул Кеан и его медресе в 1855 г. Погрузившись в обстоятельства того времени, мы можем себе представить то, как он уходил из Кеана...

...За некоторое время до этого Эмин из Ялцуга получил известие, что отцу стало плохо и он просит его срочно явиться к нему. Он отпросился у маллы Магомеда и побежал в Ялцуг, к отцу. И ранее он себе позволял отпрашиваться в медресе, чтобы приходиться к отцу и помогать ему по хозяйству. Это было не сложно – Кеан и Ялцуг располагались недалеко друг от друга. Но сейчас у Эмина было предчувствие, что на этот раз случилось что-то очень серьезное и нужно спешить.

Вечерело. Эмин, как пуля, влетел в комнату, где отец, очень слабый и содрогавшийся от озноба, лежал на невысоком топчане, и встал перед ним, как вкопанный, впервые видя отца в таком беспомощном состоянии. Увидев сына, Севзихан попытался улыбнуться, но это у него плохо получилось.

– Лейли, – сказал Севзихан жене, стоявшей рядом, у изголовья постели в некотором оцепенении, – оставь нас с сыном одних: он уже взрослый, я хочу с ним поговорить по-мужски...

Когда жена удалилась, Севзихан продолжил:

– Эмин, ты уже взрослый – тебе 15 лет, потому я хочу с тобой поговорить как с мужчиной. Ты знаешь, что я вырос без отца, мне было очень тяжело, но мне встать на ноги помогли добрые люди, благодаря им я получил образование... Сейчас я нахожусь далеко от них, от этих добрых людей, а некоторых из них уже нет в живых... Как я сказал, ты уже взрослый и ты должен быть готовым к тому, что меня тоже когда-то не станет... Для этого случая я хочу тебе сказать две вещи. Первое: если со мной что-то случится, то обратись за помощью к моим друзьям – Абдулаху из Алкадара и Исмаилу из Ярага. Вне моего дома они мне самые близкие люди. Второе: никогда не забывай, что я на тебя

возлагаю очень большие надежды и потому прошу тебя не бросать учёбу, что бы со мной ни случилось. На первое время вам хватит моих сбережений, и прошу быть опорой во всём своим младшим братьям и младшей сестре. Кажется, я всё сказал... Теперь поспеши в медресе – успеешь до отхода ко сну остальных ребят...

У Эмина комок подобрался к горлу, ему хотелось плакать навзрыд, но он постеснялся перед отцом выглядеть слабым, наклонился над постелью и молча обнял его. Потом, не проронив ни слова, выскочил из дома и отправился в ночь, в сторону Кеана...

На следующее утро Севзихана не стало, Эмин на несколько дней отпросился из медресе, похоронил отца и, вернувшись в Кеан, обнаружил, что его хурджин¹, подушка и одеяло, с которыми он пять лет назад вместе с отцом пешком пришел сюда, выставлены на улицу перед кельями.

Говорят, слуга хозяина медресе, сердцем прикипевший за пять лет к смышленому и доброму мальчугану, просил хозяина оставить Эмина в медресе, но малла Магомед ответил категорично:

– Это не богадельня для сирот покойных проверяющих – мне нужны места для сыновей новых контролёров...

Эмин, как и пять лет назад, поднял суму с личными вещами с земли, перекинул её через плечо и, оставив подушку и одеяло будущим студентам, направился на этот раз от дома маллы Магомеда, в сторону равнинной части Кюры. Он знал, что где-то там, вдалеке, есть Алкадар и Яраг, в которых его, сироту, ждут. Он также знал, что Алкадар ближе, чем Яраг, и потому направился к Абдуллаху-эфенди в Алкадар...

Конечно, ныне никто не знает точно, как Эмин покидал Кеан. Но мы почему-то представили себе именно таким его расставание с Кеаном, а по сути, со своей юностью...

¹ Хурджин – перемётная сума, состоящая из двух частей (мешков) и сотканная ковровой техникой.

ПРОДОЛЖЕНИЕ УЧЁБЫ В АЛКАДАРЕ

О ставив медресе в Кеане не по своей воле, Эмин, вероятно, сразу направился в Алкадар к Абдуллаху-эфенди. Для непринятия Эмина в своё медресе у этого эфенди были веские основания – будущий ученик был сиротой, от которого не могло быть материальной или иной выгоды ни ему, ни его медресе. Но Абдуллах, сын Курбанали, принял к себе сироту. Видимо, здесь были две причины: его благородный нрав, о котором позже Эмин писал в превосходных степенях, и, очевидно, его добрые отношения в прошлом с Севзиханом из Цилинга – покойным отцом Эмина¹.

Итак, юноша из Ялцуга стал муталимом (студентом) алкадарского медресе. Обычные его муталимы, как описывает сын Гасана-эфенди Али Гасанов, жили в трёх кельях, в которые входы были с улицы, и в каждой келье сожители имели общий стол вскладчину [26, с.181], т.е. муталимы медресе жили бытовой жизнью, обособленной от жизни семьи Абдуллаха-эфенди. Очевидно, сирота Эмин не мог предложить другим муталимам свое участие в таком *«общем столе вскладчину»*. Будучи сиротой, он мог в медресе учиться лишь на особом положении – на положении члена семьи хозяина медресе, живущего вместе с его семьёй. Об этом особом положении Эмина говорит Г. М. Садыки в одной из своих работ, где он пишет о своей встрече с Гусейновым Абдулкеримом Гусейновичем (внуком Абдуллаха-эфенди и племянником Гасана-эфенди) и о его рассказе о годах учёбы Эмина в Алкадаре. Из этих свидетельств

¹ Известно, что и Абдуллах, и Севзихан учились в медресе Магомеда Ярагского. Есть мнение, высказанное поэтом А. Кардашем [18, с.72], согласно которому они, а также их товарищ Эмиралли из Тагирджала входили в группу учеников шейха, следовавших за ним во время скитаний того по горному Дагестану в 1830-1838 г. Очевидно, в эти долгие восемь лет скитаний Севзихан сблизился с сыном шейха Исмаилом и с Абдуллахом, ставшим зятем шейха.

потомка Абдуллаха-эфенди следует, что его дед воспитывал Эмина наравне со своим сыном Гасаном, приняв будущего поэта «как своего сына», «взяв в свои руки обеспечение сына покойного друга всеми необходимыми материальными условиями и взяв его воспитание на себя» [16, с.42].

Что же касается сведений, содержащихся в произведениях Эмина об Абдуллахе-эфенди, то они не оставляют никаких сомнений в том, что Эмин учился в его медресе, и в том, что он к своему учителю относился в высшей степени уважительно. Например, это видно из содержания его стихотворения «Алквадар Гъажи Абдуллагъ-эфенди къейила» («На смерть Алквадар Гаджи Абдуллаха-эфенди») [14, с.171-172], написанного им на смерть своего учителя. Там поэт не посчитал нужным ограничить себя в выражении своих чувств к покойному. Если судить по некоторым строкам из этого стихотворения, то Эмин смерть Абдуллаха-эфенди воспринял как трагедию все-ленского масштаба:

Фагъумна за, дуьнья, ви гъал, аквазва: ви эхир хъанва,
Гъажи Абдуллагъ-эфенди, ви тилмизар тесвир хъанва.
(Я подумал, мир,
о твоём состоянии и понял: тебе пришёл конец,
Гаджи Абдуллах-эфенди, твои ученики приходят
к / таким / размышлениям / в связи с твоей смертью./)

Говоря это от имени учеников («тилмизар») Абдуллаха-эфенди, Эмин не оставляет у нас никаких сомнений насчет того, что он тоже из них – из его учеников.

В другом месте этого же стихотворения поэт пишет:

Ви гъуьжредин рак акъална, багълу хъайла а къапуяр,
Клани рекъиз гъал ийидай гила чакай нехир хъанва.
(Твоей школы дверь закрыли,
эти врата стали наследием умершего,
По любой дороге направляемым
стадом мы теперь стали.)

Завершает поэт стихотворение на смерть Абдуллаха-эфенди следующими словами:

Етим Эмин, рик! ишер кьван чанди кьарар кьаз амач хьи,
Чаз течир кар нел алукин, лап чи ийир-тийир хьанва.
(Етим Эмин, от /непрерывного/ плача сердца
душа не находит себе места,
Чего мы не знаем /теперь не знаем/ у кого спросить,
мы абсолютно растеряны.)

Что можно сказать об этих словах поэта? Как отметил по поводу них, этих слов, современный поэт Арбен Кардаш в одной частной беседе, «здесь мы слышим плач человека, который второй раз потерял отца». Действительно, по содержанию произведения поэта мы видим, что он к своему учителю Абдуллаху-эфенди относился как к родному отцу, а по участию Абдулаха-эфенди в жизни поэта мы видим, что и он относился к Эмину как к родному сыну.

Как свидетельствует внук Абдуллаха-эфенди А. Г. Гусейнов, которого мы упомянули выше, «перед тем, как в 1855 г. направиться в Мекку для хаджа, Гаджи Абдуллах-эфенди вместе со своим сыном Гасаном направил и Магомед-Эмина в медресе своего шурина Гаджи Исмаила-эфенди из Ярага» [16, с.42]. Очевидно, здесь речь идет о направлении Эмина в Яраг для продолжения им учёбы.

Полагаем, что к этому сообщению от внука Абдуллаха-эфенди о совместном с Гасаном «походе» Эмина в Яраг нужно относиться со всей серьезностью, ибо племянник Гасана-эфенди Абдулкерим – сын его брата Гусейна-эфенди – с момента своего рождения и до самой смерти Гасана-эфенди в 1910 году (более двадцати лет) регулярно общался со своим дядей, живя рядом с ним в соседнем доме. А после смерти Гасана-эфенди он ещё несколько десятков лет продолжал общаться с очевидцами описанных событий – со своим отцом Гусейном-эфенди (1842 г.р.) и с дядей Магомедом-эфенди (1853 г.р.). Эти обстоятельства позволяют нам предположить, что именно от участника (Гасана-эфенди) и очевидцев (Гусейна-эфенди и Магомеда-эфенди) совместного «похода» Эмина и Гасана в Яраг внук Абдуллаха-эфенди знал о том, что имел место сам факт этого совместного Гасана и Эмина «похода» в Яраг к Исмаилу-эфенди.

Но нельзя забывать, что этот рассказ Г. М. Садыки записал со слов собеседника в его почтенном возрасте, когда со дня смерти его дяди прошли уже более 50 лет. Естественно, за такое время некоторые детали тех событий, связанных с моло-

дыми Гасаном и Эмином, в памяти А. Г. Гусейнова могли размыться или стереться. Попробуем в этом разобраться.

Известно, что Абдуллах-эфенди своего сына Гасана на долго в Яраг отпускал дважды: первый раз – когда сын должен был продолжить учёбу в медресе у Исмаила-эфенди в связи с тем, что сам он направлялся в Мекку для совершения хаджа и временно закрыл медресе в Алкадаре, где учился его сын, и второй раз – когда Гасан должен был работать в канцелярии Юсуф-хана и обучать грамоте его детей.

Чтобы разобраться в том, когда молодой Гасан совершил эти два «похода» в Яраг, необходимо установить, когда и к какому возрасту он завершил обучение по программе медресе.

Установить это мы сможем, как ни странно, из данных, содержащихся в архивных документах. Для этого посмотрим на архивный посемейный список села Алкадар, составленный по состоянию на 10 июля 1886 г.¹ В этом списке под номером 2 указан «**Малла Ахмедъ Мирза Гасанъ оглы**», которому в момент переписи было 34 года согласно мусульманскому летоисчислению. Следовательно, этот Ахмед родился в 1853 г. по григорианскому календарю. Здесь речь идет о сыне Гасана Алкадари от первого брака Ахмеды². Если сын родился в 1853 г., значит, Гасан женился не позже 1852 г. В том году ему было 18 лет. Очевидно, Абдуллах-эфенди женил его после окончания им медресе. Иначе это было бы безответственным шагом со стороны этого эфенди, что для такого мудрого человека невозможно представить.

Значит, первый раз своего сына Гасана в Яраг для продолжения им учёбы в медресе Исмаила-эфенди Абдуллах-эфенди направил до 1852 г., когда сам направился в хадж. Здесь необходимо подчеркнуть, что Абдуллах-эфенди паломничество в Мекку совершал дважды. То, что он дважды совершал хадж, нам в частных беседах подтвердили потомки Абдуллаха-эфенди – академик РАН Гусейнов Абдусалам Абдулкеримо-

¹Посемейный список селения Алкадар Векелярского сельского общества Кутур-Кюринского наибства Кюринского округа, ГАРД, фонд 21, опись 5, ед. хранения 85.

²Первый раз Гасан Алкадари женился приблизительно в 1852 году на Эрзи – дочери Селима-эфенди, жившего в Махмудкенте, незадолго до своей смерти в 1851 году переселившегося в Верхний Яраг и приходившегося его матери дядей (по материнской линии) [17, с.38], – которая ему в 1853 году родила сына Ахмеду и вскоре скончалась. В 1859 году Гасан-эфенди женился на Салихат – дочери Абдулгани из Верхнего Ярага. Они жили вместе долго и счастливо, она ему родила ещё 10 детей...

вич и директор музея Гасана-эфенди в Алкадаре Гусейнов Гусейн Имамович.

Так, когда же Абдуллах-эфенди первый раз был в Мекке?

Попробуем это установить. В литературе встречается версия, что Абдуллах-эфенди первый раз направился в Мекку в компании своего друга Эмиралли из Тагирджала. Что касается Эмиралли, то это был поэт, ученик Магомеда Ярагского, в юности переселившийся из Тагирджала в Яраг и последовавший за ним во время его скитаний, когда тот искал для себя укрытие от преследования царских властей. В те времена и сдружились Эмиралли из Тагирджала и Абдуллах из Алкадара, который тоже сопровождал ярагского шейха. Во время этих скитаний Абдуллах женился на дочери Магомеда Ярагского по имени Хафисат, а Эмиралли – на её двоюродной сестре (по отцовской линии) по имени Муминат. После смерти Ярагского все сопровождавшие его ученики и родственники вернулись в Лезгистан, вместе с ними вернулся и Эмиралли.

Вот как возвращение Эмиралли в Яраг из скитаний с ярагским шейхом и его последовавшую за этим поездку в хадж описывает Гасан-эфенди в своей книге «Асари-Дагестан» [26, с.155]: «...упомянутый Гаджи Эмиралли-эфенди вернулся..., поселил свою семью в селении Юхари-Яраг, а сам направился в паломничество, но в этом путешествии умер». С учетом того, что ученики Ярагского вернулись из Согратля на «малую» родину сразу после смерти шейха 3 сентября 1838 г., и с учётом того, что Гасан-эфенди про Эмиралли пишет, что тот «вернулся», «поселил свою семью» в Яраге, «а сам направился в паломничество», это сообщение Алкадари нужно понимать так, что Эмиралли сразу по возвращению из Согратля в Яраг направился в хадж. Первым ближайшим днём хаджа после даты смерти Магомеда Ярагского (после 3 сентября 1838 г.) был день 22 февраля 1839 г. Очевидно, к этой дате спешил Эмиралли в Мекку, ибо на дорогу туда необходимо было минимум 4 месяца времени, и скорее всего, он успел туда добраться, но умер при возвращении оттуда, раз Гасан-эфенди в своём сообщении добавляет к его имени титул «Гаджи». При этом Гасан-эфенди не пишет, что его отец и Эмиралли из Тагирджала вместе направились в хадж. Если бы это было так, то Гасан-эфенди, мы полагаем, непременно об этом упомянул бы. Но этого не могло быть в принципе по одной простой причине: сразу по возвращению из Согратля в 1254 г. по Хиджре (в 1838 г. по христианскому

календарю) Абдуллах-эфенди, как пишет Гасан Алкадари, начал строить медресе в родном селе Алкадар [26, с.154] и потому он не имел возможности в этот период времени направиться в хадж вместе с Эмиралли из Тагирджала.

Правда, в литературе последнего времени встречается и другая версия совершения хаджа Абдуллахом-эфенди совместно с Эмиралли-эфенди. Согласно этой версии при совершении хаджа Абдуллахом-эфенди ему компанию составляли Эмиралли из Тагирджала и известный историк Аббас-Кули-ага Бакиханов. По информации литературоведа Мавлуда Ярахмедова, «в 1835 г. Эмиралли с другом Абдуллахом из Алкадара приезжает в селение Амсар Кубинской провинции к А. Бакиханову» [27, с.184-185], и у них завязывается дружба. С учетом того, что А. Бакиханов родом был из окрестностей Дербента, знакомство Абдуллаха-эфенди с А. Бакихановым вполне вероятно, но в подлинности вышеописанной истории их знакомства можно сомневаться, так как в 1835 г. Абдуллах с женой и с годовалым сыном Гасаном находились в селе Согратль, и они вернулись в Лезгистан лишь после смерти Ярагского в 1838 г. Маловероятно, чтобы Эмиралли и Абдуллах, оставив свои семьи за «линией фронта» – в Согратле, направились бы за тридевять земель – в Кубу на «литературную» встречу с А. Бакихановым. Разве что по какому-нибудь другому, тайному заданию самого ярагского шейха. Но чтобы такое утверждать, нужно иметь более достоверные сведения, чем те, которые приведены М. Ярахмедовым...

Но одно известно достоверно: А. Бакиханов умер 31 мая 1847 г. по юлианскому календарю, заболев холерой при возвращении из хаджа [28, с.830]. Днем хаджа является 9 день Зуль-хиджы – последнего месяца мусульманского года. Следовательно, А. Бакиханов возвращался из хаджа, который имел место 27 ноября 1846 г. (9 числа месяца Зуль-хиджа 1262 года по Хиджре), так как последующий день хаджа наступил 17 ноября 1847 г., т.е. после смерти А. Бакиханова.

Если считать достоверной информацию о том, что Абдуллах-эфенди хадж совершал в компании Эмиралли из Тагирджала и Аббас-Кули-ага Бакиханова, то тогда должно было быть достоверным утверждение, что Абдуллах-эфенди в Мекке был в 1262 г. по Хиджре (в 1846 г. по григорианскому календарю).

В то же время, согласно сведениям, имеющимся в книге Алкадари «Диван аль-Мамнун», он перевелся в медресе сво-

его дяди со стороны матери Исмаила-эфенди в Яраге и учился там один год из-за отъезда отца в Мекку для совершения паломничества [17, с.5], и случилось это «в 1264 г. по Хиджре» [17, с.70]. День хаджа в указанном году мусульманского календаря по григорианскому календарю приходится на 5 ноября 1848 г. В хадж тогда из Дагестана направлялись приблизительно за 4–6 месяцев до дня хаджа. Поэтому можем считать, что Абдуллах-эфенди в хадж направился весной или летом 1848 г. по григорианскому календарю. Получается, что информация о том, что Абдуллах-эфенди хадж совершил вместе с Аббас-Кули-ага Бакихановым и Эмирالي из Тагирджала не соответствует действительности, так как Абдуллах-эфенди направился в хадж весной – летом 1848 г., а Бакиханов умер за год до того – весной 1847 г., возвращаясь из хаджа, имевшего место в ноябре 1846 г.

Как бы там ни было, в 1848 г., когда Гасан из Алкадара учился в медресе Исмаила-эфенди из Ярага, Эмину было всего 8 лет и он даже в мектебе не учился, что исключает его совместную учебу с Гасаном из Алкадара в это время в ярагском медресе.

С другой стороны, нам известно, что Эмин в Алкадар к Абдуллаху-эфенди явился не ранее конца 1855 г. Это было время, когда Гасан уже завершил свою учёбу по программе медресе в 1852 г. Значит, первый раз до 1852 г. Гасан в Яраге был без Эмина независимо от того, когда туда в связи с хаджем отца он отправился.

Но этот сын Абдуллаха-эфенди в Яраге жил не только тогда, когда он учился в медресе, но жил и тогда, когда в «*месяц Раби' альахир 1273 г. по Хиджре*» [17, с.46] прибыл в Яраг, чтобы работать секретарем канцелярии Юсуф-хана, находившейся в этом селе. Это время второго посещения Гасаном-эфенди Ярага соответствует декабрю 1856 г. по григорианскому календарю. Если при первом «походе» Гасана в Яраг – на родину своей матери – Эмин не мог с ним поехать туда для учебы в медресе Исмаила-эфенди в силу своего детского возраста, то во второй раз – в декабре 1856 г. – Эмин вполне мог быть в Яраге вместе с Гасаном.

В 1855 г., когда Эмин первый раз объявился в Алкадаре, Гасан жил в родном селе, и потому утверждение А. Г. Гусейнова о том, что его дед Абдуллах-эфенди «*воспитывал Эмина наравне со своим сыном Гасаном*», относится

именно к этому времени. Это продолжалось где-то до марта 1856 г., когда Гасан направился в Ахты для продолжения своего образования. Прочувшись 8 месяцев в 1856 г. у Мирза-Али из Ахтов [17, с.5], Гасан-эфенди в конце того года вернулся в Алкадар и оттуда сразу же уехал в Яраг, чтобы работать секретарем канцелярии Юсуф-хана и обучать его детей грамоте [17, с.46]. Видимо, именно в это время вместе с Гасаном его отец и направил Эмина к Исмаилу-эфенди для продолжения учёбы.

Скорее всего, совместный «поход» Гасана и Эмина в Яраг в декабре 1856 г. имел в виду внук Абдуллаха-эфенди А. Г. Гусейнов, когда об этом «походе» рассказывал Г. М. Садыки, за давностью лет ошибочно привязав его к 1855 г. Видимо, в это же время – в конце 1856 г. Абдуллах-эфенди начал готовиться к своему второму хаджу, из-за которого он второй раз временно прервал работу своего медресе и Эмина направил для продолжения занятий в медресе Ярага.

Как мы писали выше, началом хаджа считается 9-й день мусульманского месяца Зуль-хиджи. В 1855 г. по григорианскому календарю этот день приходился на 22 августа, в 1856 г. – на 10 августа и в 1857 г. – на 30 июля. Из этих дат видно, что, отправив Гасана и Эмина в Яраг в декабре 1856 г., Абдуллах-эфенди мог спокойно отправиться в хадж и с учётом того, что дорога туда занимала не более 6 месяцев, успеть ко дню хаджа – к 30 июля 1857 г. Этот день в григорианском календаре соответствует дню хаджа 1273 г. по Хиджре.

Поэтому необходимо корректировать год совершения второго хаджа Абдуллахом-эфенди, указанный А. Г. Гусейновым в пересказе Г. М. Садыки как 1855 г., и признать, что это было в 1857 г. К тому же, получивший образование до революции А. Г. Гусейнов не мог обозначить год совершения хаджа своим отцом на основе григорианского календаря, ибо в 50-х годах XIX в. и вплоть до 30-х годов XX в. в Южном Дагестане этим календарем не пользовались. Видимо, в данном случае произошла какая-то путаница при переводе дат мусульманского календаря в даты григорианского календаря..

Годы в памяти человека со временем, очевидно, могут путаться, но одно ясно: информация внука Абдуллаха-эфенди о том, что дед направил Эмина вместе с Гасаном в Яраг к Исмаилу-эфенди, для нас очень ценна и должна быть нами воспринята как достоверная. Ибо эта информация исходит от

человека, близко знавшего десятки лет самого Гасана-эфенди и очевидцев тех событий, и потому не может вызвать сомнения.

При этом мы точно знаем соответствующую дату переезда молодого Гасана в Яраг – это декабрь 1856 г. Если Эмин явился к Исмаилу-эфенди для продолжения своей учёбы в компании молодого Гасана из Алкадара, как свидетельствует А. Г. Гусейнов, то это могло быть только в тот момент, когда Гасан явился в Яраг для работы секретарем канцелярии Кюринского ханства и когда его отец Абдуллах-эфенди закрыл свое медресе по причине предстоящей его второй поездки в Мекку. Потому мы обоснованно утверждаем, что Эмин направился в Яраг для продолжения своей учёбы вместе с Гасаном в декабре 1856 г.

ЗАВЕРШЕНИЕ УЧЁБЫ И «СТОЛИЧНАЯ» ЖИЗНЬ В ЯРАГЕ

Прежде чем перейти к рассказу об учёбе Эмина в Яраге, в этом месте нашего повествования необходимо дать небольшие разъяснения по поводу титулов, которыми величали образованных людей в Южном Дагестане во второй половине XIX в.

Так, в те времена после окончания медресе его выпускник получал в качестве добавления к своему имени почетный титул, звучащий по-лезгински как «малла». Мы писали выше, что очень немногие, закончившие медресе, переходили к последнему, высшему звену исламского образования, которое было индивидуальным обучением у мусульманских ученых (алимов), носивших в Южном Дагестане титул «эфенди». Те, которые после окончания медресе продолжали учёбу у обладателей титула «эфенди», учились с целью получения такого же титула.

Известно, что к Исмаилу из Ярага, имевшему титул «эфенди», стремились для индивидуального обучения по тарикату¹ и филологии, а к Мирзе-Али из Ахтов, тоже имевшему титул «эфенди», – по естественно-научным дисциплинам и философии. Как правило, такое индивидуальное обучение продолжалось около года.

Достоверных сведений о том, отправил ли Абдуллах-эфенди Эмина в Яраг после завершения в Алкадаре программы медресе или эту программу поэт завершал у Исмаила-эфенди в Яраге, нет.

Свое суждение об этом мы сможем составить, если вспомним, во сколько лет в те годы дети – выходцы из среды духо-

¹ Тарикат – метод духовного возвышения и мистического познания «истины» в исламе.

венства, начинали и завершали учёбу в медресе. Это можно выяснить на примере Гасана – сына Абдуллаха-эфенди. В предыдущей главе нашего повествования мы показали, что Гасан завершил обучение в медресе не позже 1852 г., т.е. в возрасте 17-18 лет.

Эмин тоже, как и Гасан, начинал учёбу как сын представителя духовенства – отец Эмина, как известно, был кадием, т.е. у Эмина и Гасана были приблизительно одинаковые исходные условия для получения образования. Следовательно, Эмину тоже к моменту завершения учебы по программе медресе, вероятно, должно было быть 17-18 лет.

Но во время переезда из Алкадара в Яраг Эмину было не более 16 лет. Получается: не завершив обучения по программе медресе в Алкадаре, Эмин в конце 1856 г. вместе с Гасаном из Алкадара появился в Яраге и «предстал пред очи» Исмаила-эфенди.

Мы ранее выяснили, что Абдуллах-эфенди вторично направился в хадж в 1857 г. Нам также известно, что в конце 1856 г., до завершения Эмином медресе в Алкадаре, он направил этого юношу к Исмаилу-эфенди в Яраг. Очевидно, это было связано с предстоящим долгим отсутствием в родном селе Абдуллаха-эфенди в связи с совершением им хаджа во второй раз.

Гасан к этому времени завершил индивидуальное обучение в Ахтах у Мирзы-Али-эфенди по философии и астрономии [17, с.40] и приехал в Яраг для того, чтобы приступить к обязанностям руководителя канцелярии Юсуф-хана, резиденция которого была в этом селе, и к обязанностям учителя детей правителя Кюры.

А Эмину в Яраге, вероятно, предстояло завершить обучение по программе медресе и пройти индивидуальное обучение у Исмаила-эфенди. То, что Эмин учился у Исмаила-эфенди и учился до стадии обучения по индивидуальной программе, т.е. до стадии обучения после завершения учёбы по программе медресе, нам подтверждают сведения из стихов Эмина. Например, в стихотворении «**Мубарак Исмаил**» («Благословенный Исмаил») [14, с.164-165] поэт пишет об Исмаиле-эфенди:

Буна дуьнья нурламишна...
Вун са камил муршид я хьи,
гъич са кас жеч вав барабар.
(Ты мир сияньем озарил...
Ты совершенный по мастерству муршид,
ни один не может быть тебе равен.)

Здесь Эмин называет Исмаила-эфенди не мударисом, как именовали учителей медресе, а суфийским термином «муршид», что означает «духовный отец», и добавляет к этому термину определение «кадил» (достигший полного развития, совершенный по мастерству). Эти слова Эмина об Исмаиле-эфенди не оставляют никаких сомнений в том, что он был для поэта не только учителем в медресе, но и «совершенным по мастерству» «духовным отцом», к кому ученики стремились не для прохождения программы медресе, а для постижения его индивидуального «мастерства», чтобы тоже стать «эфенди», как он.

Ясно, что Исмаил-эфенди принял Эмина в своё учебное заведение. Как и в случае принятия его в медресе Абдуллаха-эфенди, это со стороны Исмаила-эфенди было проявлением его благородного нрава, ибо Эмин был сиротой и вместе с ним Исмаил-эфенди приобретал ещё и проблемы его материального обеспечения. Не потому ли, имея в виду этих своих учителей, в своём юношеском стихотворении Эмин сказал богу: *«Хвала тебе, единый Бог, сотворивший для нас время, в котором есть учителя-заступники»* (Шукур хъуй ваз чаз шафакъат устадар/ Авай аям халкъ авур сад илагъи¹)?!

Этот благородный шаг со стороны ярагского эфенди, очевидно, был ещё обусловлен наличием в своё время близких отношений между ним и покойным отцом Эмина, вероятно, сложившихся в годы учебы Севзихана в ярагском медресе [14, с.8] и совместных их скитаний по горному Дагестану, когда они сопровождали Магомеда Ярагского [17, с.72].

Какая бы ни была история того, как Эмин стал учеником Исмаила-эфенди, по свидетельству Г. М. Садыки [16, с.45], его учеба у этого известного эфенди в Яраге для формирования личности Эмина имела особое значение. Во-первых, сам Исмаил-эфенди был для тех времён прогрессивно настроенным человеком, уважающим литературу и поэзию.

¹ См.: Приложение №1

Во-вторых, в Яраге, который, как мы сказали выше, был резиденцией хана, в то время больше, чем где-либо в другом лезгинском ауле, проходили всякого рода мероприятия: выступления ашугов, состязания поэтов и ашугов, меджлисы и др. Кроме того, в медресе Исмаила-эфенди учились не только лезгины, но и представители других национальностей, в том числе и турки. Здесь обычным делом было сочинять стихи, обсуждать их. Все это имело для становления поэта большое значение. Немалую роль в его развитии, по мнению Г. М. Садыки, сыграли появившиеся в ярагском медресе произведения прогрессивных ученых и поэтов: М. Ф. Ахундова, А. Бакиханова, М. Казембека, а также некоторых дагестанских авторов.

Вот в такой благоприятной для духовного и интеллектуального развития обстановке проходило обучение Эмина в Яраге. Вероятно, он завершил обучение по программе медресе, о чем свидетельствует титул «малла», который Эмин в дальнейшем носил. Видимо, это случилось приблизительно в конце 1857 г. или в начале 1858 г., если исходить из того, что обучение в медресе он должен был завершить в 17-18 летнем возрасте. Далее он начал индивидуальное обучение у Исмаила-эфенди. Только в этом случае – в случае продолжения учёбы после окончания медресе – он мог заниматься усовершенствованием навыков стихосложения, в том числе на тюркском языке, так как программа медресе это не предусматривала. По тому, какие в последующем сложились уважительные и доверительные отношения у Эмина со своим учителем Исмаилом-эфенди, можно предположить, что Эмин в Яраге прошёл почти весь курс индивидуального обучения, т.е. у Эмина и Исмаила-эфенди было время, чтобы изучить друг друга и проникнуться друг к другу доверием и уважением.

Так, в своих письмах, адресованных Эмину, Исмаил-эфенди позже называл его «*мой благородный сын*»¹ [13, с.199]. Обращение «сын» встречается в письмах от старших к младшим и само по себе является признаком особого расположения, особенно среди духовенства, когда учитель обращается

¹ Видимо, из-за неимения в лезгинском языке односложного термина для обозначения определения «благородный», Г. М. Садыки в своей книге обращение Исмаила-эфенди к Эмину перевел по-лезгински «играми», что по-русски означает «дорогой» и по-арабски звучит «глазиз». Но Исмаил-эфенди в своем письме, адресованном Эмину, использует термин «**карим**», что означает «**благородный**», «**щедрый**» и что можно на лезгинский язык перевести описательно как «**члехи рикл авай**» (с большим сердцем).

к ученику. Но в данном случае имеют место особенные нюансы: эфенди своего ученика называет «*мой благородный сын*». Употребляя в обращении слово «мой», Исмаил-эфенди показывает свое особое, теплое отношение к Эмину. К этому теплому слову он ещё добавляет определение «благородный». Если вместо обычного в таких случаях слова «дорогой» Исмаил-эфенди специально для Эмина пишет «мой благородный сын», это о чём-то говорит. Значит, была у Исмаила-эфенди возможность удостовериться в *благородстве* Эмина, если учитель в ученике это подчёркивает. Поэт относился к своему учителю также с пиететом. Эмин его называл, как показано выше, тем, кто «мир сияньем озарил», а также «радостью сердца» [13, с.199], «сиянием глаз» [14, с.237], «средоточием кроткого нрава» [14, с.236]. Всё это можно было бы считать принятым на Востоке, ничего не значащим восхвалением «подчинённым» своего «начальника», если бы в дополнение к приведённым словам Эмин не обращался бы к старшему на 28 лет Исмаилу-эфенди ещё со словами «*мой друг*» [14, с.236], доказывающими отсутствие с его стороны чинопочитания.

Всё изложенное говорит о том, что Исмаил-эфенди и Эмин общались достаточно долго, чтобы проникнуться друг к другу уважением. Но в любом случае учеба по индивидуальной программе не могла продлиться больше года – дольше начала 1859 года.

Однако до наступления этой поры «что-то пошло не так»: Эмин до конца не завершил учёбу у Исмаила-эфенди. Об этом свидетельствует тот факт, что он так и не получил заветного титула «эфенди», полагающегося тому, кто подобающим образом завершал индивидуальное обучение у Исмаила-эфенди. На основании совокупности всех этих косвенных данных можно предположить, что Эмин учился у Исмаила-эфенди в 1857–1858 годах, но неожиданно, по каким-то чрезвычайным обстоятельствам был вынужден прервать обучение. Не только прервать, но и срочно удалиться на чужбину.

Естественно, это прервало связи Эмина с Тукезбан. То, что в этот момент любящие сердца были насильно разлучены, говорится в стихотворении Эмина, написанном им на азербайджанском¹ языке и переведенном Г. М. Садыки под назва-

¹ Во времена Эмина и позже язык, который мы сегодня называем азербайджанским, в русской литературе назывался, как правило, языком «кавказских татар» или «тюркским» языком. Хотя и идет речь здесь о временах Эми-

Перед этим бейтом (в третьем) Эмин сокрушается, что это случившееся с ним отдалило его от любимой («къакъат хъана»), что, мы полагаем, есть намек на то, что Эмин вынужден был куда-то удалиться из своих краев.

Из вышеприведенных бейтов следует, что с Эмином случилось нечто такое, что заставило его отдалиться от любимой, и это случившееся сам Эмин не может исправить, находясь на родине, и потому он уехал, предоставив исправление ситуации своим друзьям, но и они не могли ничего сделать. Очевидно, в Кюринском ханстве такое было возможно только в одном случае, если случившееся было связано с авторитарным правителем Кюринского ханства – Юсуф-ханом. Потому в свете вышеприведенного стихотворения вполне убедительным выглядит версия Г. М. Садыки о произошедших с Эмином злоключениях в период его учебы в Яраге [16, с.46]. Согласно этой версии, Исмаил-эфенди, чтобы спасти Эмина и свое учебное заведение от ожидаемого гнева Юсуф-хана, вынужден был срочно исключить Эмина из медресе, когда о стихотворении «**Акунач**» («Не видел») [14, с.213-215], сочиненном Эмином на азербайджанском языке, как подражание поэту Вагифу, о жадности и бесчеловечности всех феодалов, включая хана, узнало всё ярагское общество. Только такие обстоятельства, связанные с Юсуф-ханом, могли тогда привести к ситуации, когда «ни у кого не получается» его «горю лекарство придумать» и когда Эмин вынужден был прервать учёбу в Яраге и покинуть Кюринское ханство.

На обоснованность предположения о том, что у будущего поэта во время его учёбы в Яраге возникли проблемы, связанные с Юсуф-ханом, указывает также содержание недавно нами найденного, доселе неизвестного стихотворения Эмина, адресованного Исмаилу-эфенди из Ярага. Его мы обнаружили на страницах 20-21 рукописного поэтического альманаха XIX века, копия которого была издана в Махачкале в 2009 г.¹ Вот это стихотворение Эмина целиком, имеющее определённые признаки, присущие начинающим поэтам:

¹ См.: КИридай жагъай гъилин хатIарин шииррин алманах (XVIII-XIX асир). – Махачкала, 2009.

Чи дердериз са дава я¹,
Аман, мубарак Исмаил².
Вун чи кылин таж-гъава³ я, –
Аман, мубарак Исмаил.
*(Найди лекарство нашим горестям,
Умоляю, благословенный Исмаил.
Ты наш главный покровитель, –
Умоляю, благословенный Исмаил!)*

Чна кьунава Куь этег⁴,
Квевай кІан я хьи чаз куьмек,
Тахьун паталди чун гьелек,
Аман, мубарак Исмаил.
*(Мы держимся за Ваш подол,
Мы от Вас ждём помощи,
Чтобы не стать /окончательно/ изведёнными, –
Умоляю, благословенный Исмаил.)*

Устадар вири гъахъ я хьин,
Зун са лукІ я Загьирдин⁵,
Авач хьи (захъ) вав рахар чин,
Аман, мубарак Исмаил.
*(Учителя все /всегда/ правы,
Я /же всего лишь/ один из рабов Явного,
У меня не осталось права тебя просить,
/Но/ умоляю, благословенный Исмаил.)*

Аман, Аллагъ, низ гьарайин,
Кайи рикІи гьикІ кьарайин,
Гунагъриз за вуч чарайин?
Аман, мубарак Исмаил.
*(Пощади, Аллах: /мне/ кого звать на помощь,
Как обжегшемуся сердцу найти покой,
Что мне делать с грехами?
Умоляю, благословенный Исмаил.)*

¹ Дава я – это форма просьбы «дава ая» (найди лекарство).

² Мубарак Исмаил – благословенный Исмаил (здесь слово «мубарак» имеет смысл русского слова «благословенный», а не слова «поздравление», как бывает часто в лезгинском языке).

³ Кылин таж-гъава – главный верхний этаж (буквально: зонт-этаж). Здесь Е. Эмин Исмаилу-эфенди образно говорит, что для его учеников он – главное укрытие от всех невзгод.

⁴ Куь этег – Ваш подол (этег – пола, подол). Это фраза показывает, что в конце 50-х годов XIX в. в медресе Исмаила-эфенди ученики к преподавателям обращались на «Вы» (Куьн).

⁵ Загьир – одно из имен Аллаха, означает «Явный».

Гъахъ я вири энбияи¹,
Ибадатулла сифяи²,
Керематулла виляи³,
Аман, мубарак Исмаил.
*(Воистину, правы все пророки
/И/поклоняющиеся правоверные,
/Есть/ места, где являются чудеса божьи,
/Потому/ умоляю, благословенный Исмаил.)*

Эй, мубарак сагъиб иршад⁴,
Зи жилаврик⁵ жедайвал сад,
Зун паталди ая феряд⁶,
Аман, мубарак Исмаил.
*(Эй, благословенный обладатель знаний,
Чтобы я продолжил путь,
За меня заступись,
Умоляю, благословенный Исмаил.)*

Етим Эмин аси къул⁷ я,
Фидай⁸ я ваз, на къабул я,
Зулжалалдин регъим бул я,
Аман, мубарак Исмаил.
*(Етим Эмин – грешный раб,
Готовый жертвовать собой – ты прими /жертву/,
У Всевышнего милосердия в изобилии, –
Умоляю, благословенный Исмаил.)*

По нашему мнению, это стихотворение содержит явные сведения, проливающие определённый свет на злоключения, случившиеся с Эмином во время его учёбы в Яраге. То, что стихотворение относится именно к этому периоду его жизни, говорит факт его посвящения Исмаилу-эфенди из Ярага и то, что он его характеризует как своего учителя.

¹ Энбияи – пророки. Эмин дал это слово в обращении к руководителю учебного заведения в арабской форме.

² Ибадатулла сифяи – поклоняющиеся правоверные. Тоже дано в арабской форме.

³ Керематулла виляи – места, где проявляются чудеса Аллаха (арабская форма).

⁴ Сагъиб иршад – обладатель знаний, ставящих на верный путь.

⁵ Жилав – повод, вожжа. Здесь Эмин просит, чтобы ему дали направление, куда ему двигаться.

⁶ Феряд авун – выступить против.

⁷ Къул – раб.

⁸ Фидай – готовый к самопожертвованию. Слово восходит ко временам Хайяма и означало «смертник, идущий на смерть по указанию учителя».

В начале стихотворения Эмин обращается к учителю с просьбой: «Найди лекарство нашим горестям» (чи дердериз са дава (а)я), тем самым свидетельствуя, что речь идет о горестях не только его одного, но и его товарищей, что речь идет о большем, чем о проблеме одного человека. И тут же уточняет, почему он именно к нему обращается: «Ты наш главный покровитель» (вун чи кылин таж-гъава я), «мы держимся за Ваш подол, мы от Вас ждём помощи, чтобы не стать /окончательно/ изведёнными» (чна кьунава Куь этег,/ Квевай кІан я хьи чаз куьмек,/ Тахьун паталди чун гьелек). Эти слова свидетельствуют о том, что какие-то проявления «горестей», по поводу которых Исмаила-эфенди беспокоит Эмин, он и его товарищи уже почувствовали на себе. Далее он признается ярагскому эфенди, что он чем-то «подставил» своих учителей и ему стыдно перед ними. Это он говорит такими словами: «Учителя все /всегда/ правы,.. у меня не осталось права тебя просить (буквально: нет у меня лица, чтобы с тобой говорить)» (Устадар вири гъахъ я хьин,../ Авач хьи (захъ) вав рахар чин).

Очевидно, Эмин и его товарищи оказались в ситуации, из которого он выхода не видит, и потому своего учителя просит найти ему выход, говоря об этом образно: «чтобы я продолжил путь (буквально: чтобы к моим вожжам кто-нибудь был привязан), за меня заступись (буквально: иди против)» (Зи жилаврик жедайвал сад,/ Зун паталди ая феряд). Примененная здесь Эмином глагольная форма «феряд ая» в лезгинском языке означает «иди против». Следовательно, Эмин просит Исмаила-эфенди «идти против» воли какой-то могущественной силы.

Завершает он свое стихотворение словами, говорящими о бесконечном доверии с его стороны к Исмаилу-эфенди и о готовности принять любое его решение: «Етим Эмин – грешный раб,/ Готовый жертвовать собой – ты /только/ прими /жертву/» (Етим Эмин аси кьул я,/ Фидай я ваз, на кьабул (а)я).

Из изложенного следует, что Эмин, будучи учеником Исмаила-эфенди, совершил некий поступок, который навёл чей-то «гнев» на него, на его товарищей и учителей, и потому Эмин, прежде всего, извиняется перед своим главным учителем Исмаилом-эфенди и потом просит его защитить от того «разгневанного». Очевидно, тем, для защиты от кого был необходим человек статуса Исмаила-эфенди, мог быть только правитель Кюры Юсуф-хан. Вероятно, полагая, что учитель Исмаил-эфенди «всемогущ», Эмин просил его: «Феряд ая!» (Выступи против!) Как показали последующие события, ситуация была более сложной, чем предполагал молодой Эмин, и возможности Исмаила-эфенди повлиять на хана были ограниченными: вероятно, желая спасти своего любимого ученика Эмина от гнева

хана, Исмаил-эфенди вынужден был его удалить из медресе и отправить подальше от глаз правителя, чем, возможно, спас от непредсказуемого гнева хана и само учебное заведение, где «вырастили» такого «бунтаря». Вероятно, по этой причине начинающий поэт неожиданно, не завершив учёбу в Яраге, оказался на чужбине...

Резюмируя наш анализ всех имеющихся сведений об учёбе Эмина до его отъезда на чужбину и информации, содержащейся об этом в стихах поэта, мы приходим к выводу, что имели место приблизительно такие этапы учебы Эмина:

1848–1850 г. – занятия в мектебе при ялцугской мечети под руководством отца маллы Севзихана;

1850–1855 г. – учёба в медресе маллы Магомеда в селе Кеан, прерванная хозяином медресе, вероятно, из-за того, что Эмин стал сиротой и, к тому же, влюбился в его дочку Тукезбан;

1855–1856 г. – продолжение учебы в медресе Абдуллаха-эфенди в селе Алкадар;

1856–1858 г. – завершение обучения по программе медресе и начало индивидуальной учебы у Исмаила-эфенди в селе Яраг, которая была прервана, вероятно, в конце 1858 г., в связи с чем Эмин не приобрёл титула «эфенди», полагающегося тому, кто прошёл индивидуальное обучение у Исмаила-эфенди.

Подводя итог своему рассказу об учёбе Эмина, о его учителях, можно сказать следующее: никаких других сведений об учителях Эмина, кроме как о вышеперечисленных четверых, и о местах его обучения, кроме как в селах Ялцуг, Кеан, Алкадар и Яраг, не содержат ни произведения поэта, ни известные достоверные источники¹.

¹ Однако в литературе иногда встречаются высказывания о том, что Эмин после обучения у Исмаила-эфенди мог учиться в Нижнем Стале (Агъа Стлалар, Агъа Кран) то ли у Атлухана-эфенди, то ли у его сыновей, но эти высказывания очень сомнительны с точки зрения их близости к истине по двум причинам.

Во-первых, об этом нет где-либо объективных сведений, в том числе нет у Эмина в стихах никаких даже намеков на это, если таким намеком не считать выражение им сочувствия сыновьям Атлухана-эфенди, подвергшимся репрессиям со стороны царских властей за активное участие в восстании 1877 г., какое он выражал и другим репрессированным. (Правда, некоторое время считалось, что такую информацию об учебе Эмина в Нижнем Стале содержит в себе найденное Г. М. Садыки стихотворение [13, с.174], считавшееся адресованным Эмину лакцем из села Цыйша («Цуйши» по-лакски) Гаджимурадом-эфенди, где рассказывается о временах якобы их совместной с Эмином «учёбы у Атлухана-эфенди» в селе Ага-Кран (Нижний Стал). Однако в последующем выяснилось, что согласно посемейным спискам села Цыйша 1886 г. этот Гаджимурад-эфенди родился в 1854 г., т.е. он оказался моложе Эмина на 14 лет, что исключает их совместную учёбу в каком-либо медресе. (См.: Ахмедов С. Х. Избранные труды. – Махачкала, 2014 – С.100) }

Во-вторых, и это самое главное, в случае учебы Эмина в Нижнем Стале у Атлухана-эфенди или у его сыновей после обучения в медресе Ярага он должен был бы получить титул «эфенди», а его он так и не получил, что исключает учебу Эмина в Нижнем Стале.

ЧУЖБИНА: КУБА, ШИРВАН И ШЕКИ

Есть период в жизни Эмина, когда он перестал учиться у Исмаила-эфенди в Яраге, но ещё не женился на Тукезбан. Вероятно, 1858–1862 гг. относятся к этому периоду.

В это время поэт был на чужбине и вопросы о том, где конкретно Эмин был вне своей родины Кюры, бывал ли он на территории современного Азербайджана и что он там делал, в эминоведении до сих пор остаются открытыми.

Из тех, кто изучал биографию и творчество Эмина, никто не дал на эти вопросы какие-либо определенные ответы¹, основанные на документах или сведениях, содержащихся в произведениях поэта.

А ведь ответ на вопрос о том, бывал ли Эмин на территории современного Азербайджана, содержится в одном из его произведений. Мы имеем в виду стихотворение «**Чуьхвер**» («Груша») [14, с.118-119]. Оно было сложено Эмином после того, как он получил груши доселе «невиданных» размеров и вкуса в подарок от своего старшего товарища и друга Исмаила из Ярага, который был кадием (судьей) суда Кюринского округа. Эти груши, в свою очередь, были подарены Исмаилу-эфенди Казанфаром из Мамрача – секретарём того же суда, ставшим им после того, как эту должность в 1866 г. освободил Гасан-эфенди в связи с назначением его наибом Южно-Табасаран-

¹ Например, Ф. Р. Нагиев, резюмируя работы предыдущих исследователей и свои изыскания по поводу возможного пребывания Эмина на территории современного Азербайджана, неопределенно пишет:

«Некоторые исследователи утверждают, что по окончании учебы Эмин некоторое время пребывал в Азербайджане (автор, очевидно, здесь имеет в виду территорию современного Азербайджана, ибо во времена Етима Эмина на Кавказе Азербайджана не было, Азербайджаном называли северо-запад современного Ирана – авт.). Хотя прямых доказательств для такого утверждения нет, видимо, не следует также и игнорировать это положение». (См.: Нагиев Ф. Р. Етим Эмин: путь к истине. – Махачкала, 2002 – С.20)

ского наибства¹ Кюринского округа. Новый письмоводитель суда помогал царскому генералу К. П. Услару в изучении лезгинского (кюринского) языка и как-то попросил его привезти «из России» саженцы фруктовых деревьев. Генерал из какого-то питомника, находившегося, вероятно, на Северном Кавказе, привез саженцы селекционных груш. Так в Мамраче появились деревья, на которых росли груши, как написал поэт, доселе «невиданных» размеров и вкуса. Конечно, эти эпитеты гиперболичны, а само стихотворение в какой-то степени было гимном всему хорошему, что привнесло в жизнь горцев их соприкосновение с русской культурой...

Правда, существует и другая версия, согласно которой это стихотворение – саркастический ответ поэта друзьям, приславшим ему груши невзрачного вида [6, с.199]. Но такая интерпретация этого стихотворения не может иметь места, так как в нём прямо указано, что эти груши поэту подарил Забиюллах², а это – литературный псевдоним учителя и друга поэта – Исмаила-эфенди [14, с. с.119].

Но речь сейчас не о происхождении и смысле этого стихотворения, а всего лишь об информации, содержащейся в его третьей строфе. Вот эта строфа:

Заз, белки, гыч акурди туш икьван ч'авал чи уьлкведа,
Я Шекида, я Ширванда, я Хизрида, я Нуьгведа,
Белки, жер³ туш ихьтин емиш Тифлис,
Темир-хан-Шуьреда.
Ич-чуьхвердин тегьер ава, кьарпуздилай ам екеда,
Гьар са касдиз ибрет хьана, за им кьатлана, Зулжалал⁴.

*(Я, пожалуй, не видел до сих пор ни в нашей стране,
Ни в Шеки, ни в Ширване, ни в Хизри, ни в Нюгве,*

¹ Во второй половине XIX в. на Северном Кавказе были созданы так называемые округа во главе с царскими старшими офицерами, обладавшими на их территориях всей полнотой власти, а эти округа были разделены на так называемые наибства, в которых назначаемых царской властью главных администраторов называли наибями.

² Забиюллах по-арабски означает «пожертвование Аллаху».

³ Здесь мы взяли на себя смелость исправить, как нам кажется, опечатку, заменив слово «**жез**» словом «**жер**», ибо последнее слово больше соответствует лезгинской грамматике. К тому же арабские буквы, обозначающие звуки «з» и «р», при написании отличаются одной точкой, и потому полагаем, что переписчики этого стихотворения допустили ошибку при написании его арабскими буквами.

⁴ Одно из названий бога в лезгинской традиции.

*И, пожалуй, такого фрукта не будет
ни в Тифлисе, ни в Темир-хан-Шуре.
У яблок и груш должен быть свой вид,
/но/ этот крупнее арбуза,
Каждому он стал /особым/ примером,
я это понял, Зулжалал.)*

Если внимательно прочесть первые три строчки приведённой строфы, где поэт говорит: «Я такой фрукт, пожалуй, не видел («акурди туш») ни в своей стране («чи уьлкведа»), ни в Шеки, ни в Ширване, ни в Хизри, ни в Ньюгве» и, пожалуй, его не будет («жер туш») в Тифлисе и Темир-хан-Шюре», то становится ясным смысл этих слов: «Я там-то и там-то, пожалуй, не видел такого фрукта, а там-то и там-то, пожалуй, его не будет». Очевидно, поэт может утверждать, что таких груш он не видел там-то и там-то лишь тогда, когда речь идет о тех местах, где он бывал. А когда речь идет о тех местах, где поэт не бывал, он пишет, что таких груш там-то и там-то, может быть, не будет. Именно так и сказано у него в приведенном стихотворении: «Таких груш там-то не видел, а там-то, может быть, не будет».

Где же он бывал, но не видел таких груш? Во-первых, он их не видел в своей стране («чи уьлкве»). Вероятно, под «своей страной» он понимает Кюру или Дагестанскую область того времени в целом. Не видел в Шеки и Ширване – в исторических регионах современного Азербайджана, не видел в «Хизри» и «Нуьгве». Высказывалось мнение, что название «Хизри» и «Нуьгве» могут быть селами Кубинского уезда [6, с.84]. Высказывалось и другое мнение, что «Хизри» – это Хазария, а «Нуьгве» – это город Нуха в Закавказье того времени¹.

Вторую версию можно отместить сразу. И вот почему.

Город Нуха во времена Эмина был административным центром Шекинского уезда. Упомянув название уезда Шеки Эмин не стал бы упоминать ещё и его центр – в этом не было никакого смысла. К тому же нет никаких данных, говорящих

¹ О том, что у Эмина Хизри – это Хазария, а Ньюгве – это город Нуха, пишет, например, Ф. Р. Нагиев в статье «Эмин и его современники», опубликованной в интернете.

См.: www.academia.edu/10613564/Етим_Эмин_и_его_современники

о том, что в XIX в. город Нуха лезгины или какой-либо другой народ обозначали словом «Нуьгве».

Название «Хизри» могло произойти от слова «хазар» и могло обозначать в древности что-то типа «Северные территории», ибо владения древних хазар были расположены севернее мест обитания предков лезгин. Но нет никаких данных о том, что в XIX в. в каком-либо языке, включая лезгинский язык, наименованием «Хизри» обозначали территории, севернее ареала обитания лезгин. К тому же, нет никаких данных и причин, по которым Эмин должен был бы оказаться на «северных территориях».

Слово «хизри» в лезгинском языке имеет значение «северный ветер», но это значение явно не использовано в данной строфе. Мы полагаем, что объяснение этих названий «Хизри» и «Нуьгве» нужно искать, исходя из следующего соображения: рядом с известными в XIX в. историческими областями (Шеки и Ширван) и городами (Тифлис и Темир-хан-Шура) Эмин мог упоминать не так широко известные названия «Хизри» и «Нуьгве» только в том случае, если эти названия как-то по-особому связаны были бы с грушами и яблоками, о которых идет речь в стихотворении.

Если совершить экскурс в XIX в., то мы узнаем, что южнее Самура на всей территории восточного Кавказа основным центром выращивания яблок и груш был тогда Кубинский уезд. И сейчас в Кубе каждый год проводятся фестивали яблок. Так называемая Кубинско-хачмасская плодовая зона является основным местом сосредоточения плодоводства в современном Азербайджане. Так было и раньше. Когда в XIX в. Российская империя захватила Кубинское ханство, сразу же начались работы русских специалистов по оценке сельскохозяйственного потенциала этих мест. Они нашли эти места весьма пригодными для фруктовых деревьев, под Кубой создали питомник их саженцев.

Особой популярностью тогда пользовались красно-сладкие крупные яблоки сорта «джиргаджи», родиной которых были окрестности города Куба. Этот сорт яблок до сих пор известен и в Ахтах — там он называется «жыр-гъажи» и считается завезенным с территории современного Азербайджана, а согласно изысканиям филолога Ф. А. Ганиевой «в диалектных единицах кюринского наречия эти яблоки называются «нуьгвед ич» [29, с.189]. Видимо, название сорта яблок «нуьгвед

ич» появилось в результате распространения сорта яблок «джиргаджи» из села Ньюгеди Кубинского уезда в места расселения лезгин. Название этому селу дали таты, и происходит оно от татского выражения «Нюге дигь», где слово «нюге» означает «новое», а слово «дигь» – «село», т.е. собственно названием села является одно слово – «Нюге» (Новое). Потому форма этого слова в лезгинском языке, отвечающая на вопрос «гьина?» (где?), приобретает такой вид: «Нуьгве-да». Именно в таком виде Эмин это слово и использовал. Выражение «нуьгвед ич» в лезгинском языке тоже объяснимо: оно является сокращенной формой выражения «нуьгвед(ин) ич», означающего «нюгвейское яблоко». Потому мы уверенно можем сказать, что слово «Нуьгведа» в стихотворении Эмина является формой названия «Нуьгве» и относится к татскому селу под Кубой, ныне называемому «Нюгеди» и во времена Эмина считавшемуся местом, где росли лучшие в округе фрукты.

Что же касается названия «Хизри», приведенного Эмином, то оно, скорее всего, относится к лезгинскому селу Яргун, которому русские вслед за тюрками дали название Хезры (Хизри) и которое воспринимали как место, где произрастают хорошие фрукты, в том числе груши. Когда поэт перечислял места, где на чужбине (а Кубинский уезд в то время для Эмина, родившегося на территории Кюринского ханства, был чужбиной) есть хорошие фрукты, он, вероятно, эти места называл так, как их принято называть на чужбине. Потому, видимо, он название лезгинского села Яргун в стихотворении написал так, как оно было известно в Кубинском уезде – место хороших груш и яблок. А такое место в Кубинском уезде было известно как село под названием Хезри (Хизри).

Таким образом, сёла Кубинского уезда Ньюгеди и Хезры (в лезгинской интерпретации «Нуьгве» и «Хизри») Эмин упомянул, вероятно, как знаменитые центры плодоводства, где тоже нет таких груш, каких ему прислал Исмаил-эфенди.

Эти рассуждения о словах «Хизрида» и «Нуьгведа» нам позволяют предположить, что выражение «я Хизрида, я Нуьгведа» в стихотворении Эмина имеет смысл, близкий к смыслу выражения «ни в одном месте из тех, где растут хорошие яблоки и груши в Кубинском уезде». Но для нашего повествования главное в стихотворении «Чуьхвер» («Груша») – это то, что Эмин указывает здесь на свое пребывание в трёх регионах южнее Самура – в Шеки, Ширване и Кубе.

Значит, по собственному признанию поэта, он бывал, кроме своей родины Кюры, как минимум, в регионах под названиями Куба, Шеки и Ширван, но не бывал в городах Тифлис и Темир-хан-Шура.

Получается, что Эмин на территории современного Азербайджана был, и география его пребывания там достаточно обширна, если судить по сведениям, содержащимся в его стихотворении «Чуьхвер» («Груша»).

Теперь постараемся выяснить, какого рода делами он был занят на чужбине и как свое пребывание там он воспринимал? В этом нам поможет содержание стихотворения, написанного по-азербайджански и в литературе получившего название «**Ватан**» («Родина») [14, с.216]. В его третьей строфе говорится (в переводе Г. М. Садыки на лезгинский):

Гьик! ава жал зи стха, вах?!
Азиз арха, вил гала вахъ!
Етим Эмин хъана кьурвах,
Ви дерт чандай фидач, ватан».
*(Как там дела у брата, сестры?!
Моя опора, скучаю по тебе!
Етим Эмин мучается,
Грусть по тебе из души не выйдет, родина.)*

Из этих слов следует, что не по своей воле Эмин расстался с братом Наби, сестрой Эйлихан и братом Меликом, которого он называет «опорой» (арха), потому что в это время он на родине оставался за старшего. Видимо, с Меликом Эмин связывал большие надежды...

Сам же Эмин, очевидно, не прохлаждался на чужбине, где оказался вынужденно. Об этом свидетельствует стихотворение «**Ватандай катзавайбуруз**» («Убегающим, оставляя родину») [14, с.187-188], в котором поэт описывает состояние души того, кто находится не на родной земле. Очевидно, что он выражает состояние своей души на чужбине. В четвертой строфе этого стихотворения о душе «убежавшего», оставив родину, говорится:

Гьурбатда ваз: «Я кьураба» лагъайла,
Вун итимдай такъаз вавди рахайла,
Вилин накъвар чурудайгъуз чклайла,
Женнет ятлан, риклиз лянет къведа, дуст.

*(На чужбине, когда тебе скажут: «Эй, пришлый»,
Когда с тобой заговорят так, словно ты не мужчина,
Когда слезы из твоих глаз по бороде вниз скатятся,
Пусть будет хоть и рай /эта чужбина/,
для неё из души вырвутся /только/ проклятия.)*

Вот в таком положении, когда его называли «эй, пришлый!», когда с ним говорили, не считаясь с его достоинством, когда у него из глаз лились слёзы из-за своего положения и когда он проклинал чужбину, внешне похожую на рай, вероятно, был поэт в Шеки, Ширване и Кубе. Конечно же это – положение бесправного наемного работника, зарабатывающего «на хлеб» продажей своей рабочей силы. Состояние души такого «пришлого» наемного работника было знакомо Эмину, и он в вышеприведенной строфе стихотворения **«Ватандай катзавайбуруз»** («Убегающим, оставляя родину») пишет об этом.

То, что именно так, как состояние души человека, бесправного и не могущего рассчитывать на помощь со стороны, нужно понимать описанное Эмином положение покинувшего родину человека, нам подтверждает поэт и в последней строфе этого же стихотворения, где сказано:

Гъурбатда ваз стха-арха жагъидач,
Гъейри касди ваз са куьмек ийидач,
А члавуз на Эмин риклел хкидач,
Мез пелтек яз, гаф кьулухъ элкъведа, дуст.
*(На чужбине ни брата, ни родственника не найдешь,
Посторонний тебе ни в чём не поможет,
В это время ты не вспомнишь Эмина,
Будешь шепелявить и данное слово
заберешь обратно, друг.)*

У Эмина, вероятнее всего, были соученики – выходцы с территории нынешнего Азербайджана, с которыми он учился у Исмаила-эфенди или у Абдуллаха-эфенди и на помощь которых он рассчитывал, когда оказался там. Видимо, во времена ученичества, как это бывает, соученики клялись друг другу в вечной «верности и дружбе». Но, как убедился Эмин на их родине, никто из них реально не захотел ему ничем помочь – они, видимо, ему говорили что-то невнятное («шепелявили»), когда он обращался к ним за помощью, что поэт расценил как забирание назад («гаф кьулухъ элкъведа») слов о вечной «верности и дружбе».

Вот таким тяжелым для Эмина было пребывание на чужбине, которое, вероятно, длилось невыносимых 3-4 года (в 1858-1862 годах). И вряд ли в такой ситуации у Эмина, вынужденного зарабатывать «на кусок хлеба» для своей семьи, имелась там возможность посещать «литературные салоны» и прочие собрания местного «бомонда», как об этом иногда пишут в литературе о нём. Единственное, что он мог себе позволить тогда – это писать горестные стихи о своей беспросветной жизни не только на родном языке, но и на азербайджанском...

«Не было счастья, да несчастье помогло»: доведенные до отчаяния гнётом местных феодалов, получивших поддержку в лице нового покровителя – русского царя – кюринцы в самом начале 60-х годов XIX века выступили против Юсуф-хана и его многочисленного семейства, живших за счет поборов с местных жителей. В результате его трон после некоторых колебаний пал, что неожиданно открыло для просвещенных лезгин доселе невиданные перспективы...

ПЕРВЫЙ НАЧАЛЬНИК КЮРИНСКОГО ОКРУГА

Подробности падения ханской власти в Кюре, имеющиеся в современной исторической литературе, очень скудны и противоречивы. Но они очень важны для понимания сути того, что происходило на этом переломном рубеже местной истории, после которого изменились не только ход общественно-экономических процессов в Кюре, но и направление духовного развития лезгин. На таком историческом изломе личные качества и взгляды на жизнь русского офицера, получившего после хана всю полноту власти в бывшем Кюринском ханстве, естественно, имели исключительное значение для характера протекания в Кюре процессов, вызванных захватом Кавказа Российской империей. Потому мы несколько подробно остановимся на обстоятельствах смены власти в Кюре в начале 60-х годов XIX в. и на личности человека, взявшего после хана в свои руки власть в ней.

Как известно, эта историческая лезгинская область изначально состояла из вольных обществ. В 1791 г. казикумухский правитель Сурхай-хан II присоединил Кюру к Казикумухскому ханству. Но отход в начале XIX Закавказья от Персидского государства к Российской империи предопределил судьбу этого ханства. Царская власть в феврале 1812 г. признала отделение от него Кюры и образование отдельного Кюринского ханства, в состав которого вошли вся Кюринская плоскость, территория Курахского, Кошанского, Агульского и Ричинского союзов сельских обществ. Столицей вновь образованного ханства стало селение Курах. В 1812–1835 гг. ханом в Кюре был Аслан-хан – племянник казикумухского Сурхай-хана II. Потом кюринскими ханами последовательно были родственники казикумухского хана Нуцал-хан, Магомед-Мирза и Гарун-бек. В 1842 г. вместо Гарун-бека царскими властями кюринским ханом был назначен его брат Юсуф-бек, который с этого момента

начал именоваться Юсуф-ханом. В 1847 г. царь решил вновь вернуть на кюринский престол Гарун-бека, вернул его, но его правление длилось недолго: Гарун-бек скончался в 1848 г., и кюринским ханом опять стал Юсуф-хан, который правил ханством вплоть до его практического упразднения 1 сентября 1862 г. Придя вторично к власти, Юсуф-хан решил создать для себя ещё одну резиденцию, разместив её в селе Яраг. С этого момента – с середины XIX века – Яраг стал основной столицей Кюринского ханства, а Курах – второстепенной.

5 апреля 1860 г. по юлианскому календарю наместник царя на Кавказе князь Александр Иванович Барятинский в соответствии с данными ему полномочиями утвердил положение об образовании Дагестанской области, согласно которому вся система управления горным краем была нацелена на его преобразование в так называемое «военно-народное управление», территориально разделенное на округа во главе со старшими офицерами царской армии.

Для этих преобразований было необходимо определенное время, поэтому наряду с округами в состав Дагестанской области наместником царя были включены и некоторые ханства во главе с прежними правителями, имевшими заслуги перед царской властью. Видимо, власть в этих ханствах хотели оставить за «заслуженными» правителями до их «естественного» отхода от государственных дел. Среди таких ханств было и Кюринское ханство во главе с генерал-майором Юсуф-ханом. Но оно прекратило свое существование неожиданно и в связи с иными причинами, нежели по причине «естественного» отхода Юсуф-хана от государственных дел.

Как свидетельствует известный историк Е. И. Козубский [30, с.32], это случилось так. В июле 1861 г. в канцелярию военного начальника Южного Дагестана¹ в Дербенте была подброшена неизвестно кем жалоба на Кюринского хана от имени всего населения Кюринского ханства. Она заключала в себе описание непомерных налогов и натуральных повинностей, выполняемых жителями в пользу хана, и разных других притеснений, терпимых ими от его жестокости и корыстолюбия, и вместе с тем объяснение, что одно только опасение преследований

¹ Военным начальником Южного Дагестана и одновременно дербентским градоначальником в это время был тифлисский армянин генерал-майор Михаил Тариелович Лорис-Меликов (1824–1888), который в будущем станет министром внутренних дел всей Российской империи.

хана сдерживало до сих пор народ и заставляет теперь скрыть имена подавших жалобу; но если начальник пожелает войти в разбор претензий просителей, то они обнаружат себя и откроют своё горестное положение. Военный начальник Южно-го Дагестана подтвердил справедливость жалобы тогдашнему начальнику Дагестанской области¹. Скоро посыпались частные жалобы от жителей многих селений Кюринского ханства на невыносимую тягость их положения из-за непомерных налогов, отнятия у них земель и других притеснений. Хан Кюринский, Свиты Его Величества генерал-майор Юсуф-хан, имея огромное семейство, год от года расширял свое хозяйство и увеличивал размеры налогов и натуральных повинностей; жители, не видя никаких пределов возрастания налогов, вышли наконец из терпения – начали обращаться с жалобами на хана. Последний «смутился» этим и подал прошение об отставке, при этом попросив упразднить должность хана и учредить в ханстве «окружное управление». Начальник области, отказав ему в этом, назначил в качестве помощника хана одного из своих подчинённых – майора царской армии, на которого возложил обязанность, с одной стороны, удерживать хана от требования излишних повинностей, а с другой стороны – предупреждать дальнейшее развитие движения народа против власти.

Хан согласился, но для передачи наместнику повторил свою просьбу о сложении с него обязанности правителя ханства к весне следующего года, принимая во внимание его преклонные годы и давнишнее намерение отправиться в Мекку; в марте 1862 г. Юсуф-хан официально просил о разрешении ему двухгодичного отпуска для поездки в Мекку, Германию, Англию и Францию, который был ему Высочайше разрешен в июне 1862 г. Юсуф-хан, обратившись к начальнику Дагестанской области князю Л. И. Меликову с просьбой сделать распоряжение, *«чтобы семейство его, рогатый скот, лошади, овцы и прочее не было стеснено в жизни и содержании»*, 2 сентября 1862 г. выехал из ханства в отпуск.

Во время его отсутствия, согласно представлению начальника области, непосредственное управление ханством было поручено на правах окружного начальника тому самому майору, кто ранее по распоряжению начальника области был представлен к хану, и при нём было образовано окружное управле-

¹ Начальником Дагестанской области в начале 60-х годов XIX в. был другой тифлисский армянин генерал-лейтенант Леван Иванович Меликов (1817–1892).

ние и словесный суд (открыты 1 сентября 1862 г.); управление это считалось временным впредь до разрешения вопроса об образовании в Кюринском ханстве штатного окружного управления. Очевидно, это временное управление, начавшее работать за день до того, как Юсуф-хан отбыл в отпуск, изначально дислоцировалось в основной резиденции хана в Яраге.

Проявив большой такт, царь Александр II не стал разрешать судьбу Кюринского ханства до возвращения его бывшего правителя из отпуска. Завершив свой двухгодичный зарубежный вояж-отпуск, Юсуф-хан вернулся в Россию. После этого, в июле 1864 г. областными властями было представлено предложение наместнику на Кавказе об открытии в ханстве окружного управления по образцу прочих в области. Оно было открыто 1 января 1865 г. в Касумкенте, что было утверждено 16 марта 1865 г. приказом №1023 военного министра и что означало перемещение центра управления исторической областью Кюра из Ярага в Касумкент и окончательное упразднение Кюринского ханства. Бывший его правитель, однако, внакладе не остался. Он получил из ханских земель поместье в размере 4 тыс. десятин, пенсию 5 тыс. руб. в год с тем, чтобы после его смерти эта пенсия была предоставлена в равных частях вдовам и восьми сыновьям его пожизненно, а также за ним остался пожизненный титул хана Кюринского.

Таким образом, в самом начале 60-х годов XIX в. Юсуф-хан отошёл от управления Кюрой и ею начал управлять русский майор, до этого присланный в Яраг для того, чтобы он «присматривал» за ханом и не допустил на территории Кюры выступлений народа против царской власти. С самого начала своего правления он коренным образом изменил принципы формирования власти в этом крае, имевшие место при Юсуф-хане и при всех предыдущих правителях.

До этого человека власть в Кюре находилась в руках хана и его родственников. Тогда в чиновники хана попадали, как правило, благодаря родству с правителем и личной преданности ему. При этом образованность претендующего на попадание во власть человека тогда особого значения не имела.

Возможно, боясь дать повод для возникновения новых волнений среди народа, а возможно, из-за своих воззрений на власть или по обеим причинам царский офицер, поставленный во главе Кюры, привлек в систему власти самых образованных и самых незапятнанных представителей местного населения.

Причем к этому процессу формирования власти в Кюре из просвещённых аборигенов царский офицер подошёл со всей тщательностью и ответственностью. За два года до развала ханской власти он был освобождён от должности начальника Казикумухского округа, был зачислен в помощники военного начальника Южного Дагестана и прикомандирован начальником Дагестанской области к Юсуф-хану в Яраг, где была основная резиденция хана. Живя два года в Яраге, он имел прекрасную возможность познакомиться не только с руководителем ханской канцелярии Гасаном-эфенди, но и практически со всеми просвещёнными лезгинами того времени, ибо такие люди тогда так или иначе «вращались» вокруг сына Магомеда Ярагского Исмаила-эфенди и его знаменитого медресе. Видимо, в те годы этот приставленный к хану царский офицер близко познакомился с хозяином медресе и проникся к нему глубоким уважением. Это видно по тому, что он начальству области предложил, чтобы именно 50-летнего Исмаила-эфенди (1812–1904) назначили кадием Кюринского округа, когда пришло время формировать окружной суд, несмотря на то, что Исмаил-эфенди был сыном ярого врага царизма Магомеда Ярагского. Он же, царский офицер, предложил, чтобы секретарем окружного суда стал 28-летний Гасан-эфенди (1834–1910) – внук того же Магомеда Ярагского, к тому времени уже известный как один из самых образованных людей в Дагестанской области. Вот что говорит в книге «Диван аль-Мамнун» Гасан-эфенди о том, как этот майор приблизил его к себе: *«Он назначил меня одним из своих приближенных и членом канцелярии. Я не считал зазорным нести у него службу из-за необходимости в том и надежды, что от меня будет польза через него братьям-мусульманам»* [17, с.6]. Видимо, этот офицер был таким, что самый просвещённый человек того времени *«не считал зазорным нести у него службу»* и считал, что «через него» он сможет принести людям пользу.

Такую же политику в деле подбора кадров проводил начальник округа и при формировании администраций наибств – там тоже во главе были поставлены самые образованные и незапятнанные представители местного населения.

Но особо хочется обратить внимание читателей на один пример кадровой политики начальника округа, который явно показывает, какие у него были приоритеты в этом вопросе. Так, когда Гасан-эфенди стал наибом в 1866 г., начальник округа на

его место секретарём суда назначил Казанфара из селения Мамрач, который тоже был одним из просвещенных людей своего времени, дружившим с Эмином. Когда в Кюру приехал известный кавказовед Пётр Карлович Услар для изучения лезгинского языка, начальник округа определил ему в помощники этого Казанфара, как знатока лезгинского языка. Возможно, благодаря такой помощи со стороны местных властей тогдашние исследования Услара и сегодня не потеряли своего научного значения. Этот пример показывает, какое значение начальник Кюринского округа придавал просвещению, развитию национальной культуры лезгин.

Говоря образно, офицер царской армии, ставший начальником Кюринского округа, при формировании местной власти бросил клич: *«Все образованные и незапятнанные – во власть!»* Благодаря такой его политике просвещенность стала востребованным в обществе качеством. Эта политика начала культивировать в лезгинской среде тягу к образованию, она привела к тому, что в обществе на первые роли выдвинулись просвещенные люди, у которых появились источники существования и соответственно возможность заниматься творчеством. Полагаем, что именно поэтому 60–70-е годы XIX в. – это годы массового стихотворчества лезгин, вовлеченных в систему власти, что при реальном ослаблении влияния мусульманского Востока не могло не способствовать возникновению лезгинской литературы.

Начальник округа, наверно, понимал, что развитие духовной жизни лезгин на основе собственных культурных ценностей и традиций быстрее освободит лезгинский народ от остаточного духовного влияния прежних захватчиков с юга. Ослабление духовных связей лезгин с Востоком, конечно, отвечало глобальным интересам Российской империи. Но, с другой стороны, это способствовало процессам духовного развития лезгин на основе своих собственных культурных ценностей и традиций. По сути, это приводило к возрождению процессов этнического развития лезгин, прерванных за много веков до того нашествием арабов. Начался лезгинский «Ренессанс», который свои реальные плоды дал чуть позже – в период Советской власти. Но зародился этот «Ренессанс» при первом начальнике Кюринского округа и при его активном и осознанном участии, с вовлечения им образованных аборигенов во власть.

Можно сказать, царский офицер, поставленный во главе Кюры, выступил катализатором процесса возрождения после долгого перерыва лезгинской культуры на национальных традициях.

Есть ещё один результат деятельности первого начальника Кюринского округа, который, на первый взгляд, имел частный характер, а на самом деле имел важнейшее значение для развития лезгинской культуры. Благодаря тому, что Юсуф-хана как правителя не стало, а новый правитель Кюры начал политику вовлечения во власть просвещенных людей, Эмин смог вернуться на родину, и он оказался во власти – начальник округа утвердил поэта кадием (судьей) семи сёл. Естественно, без участия Исмаила-эфенди это назначение не могло состояться. Но, тем не менее, нужен был человек, способный слышать этого уважаемого эфенди и согласиться с ним, что Эмину, с «незаконченным» образованием, долгое время жившему «за границей» – в Кубе, Шеки и Ширване, – можно доверить соблюдение законности в семи сёлах, потому что он – образованный человек с незапятнанной репутацией. Благодаря назначению кадием Эмин обрёл источник существования, положение в обществе, что создало условия для женитьбы и, самое главное, создало возможность творить. Потому не будет преувеличением сказать, что русский офицер, ставший первым начальником Кюринского округа, дал дорогу в жизнь Эмину и многим другим просвещенным лезгинам, что превратило этого офицера в одну из ключевых фигур в деле дальнейшего развития лезгинской культуры.

Да, был такой офицер царской армии – сторонник просвещённой власти и просвещённого народа. А мы до сих пор даже точную фамилию этого человека, позвавшего в первый и, пожалуй, – в последний раз образованных лезгин во власть, не знаем, не говоря уж про его имя и отчество.

До настоящего времени известна лишь искажённая фамилия этого офицера – первого начальника Кюринского округа – «Кренков». Нашел эту фамилию в документах того времени, написанных на арабском языке, неутомимый собиратель творчества Эмина Г. М. Садыки. На найденном им документе, датированном 28 числом месяца Раби' аль-ахир 1288 г. по Хиджре¹ (16 июля 1871 г. по григорианскому календарю), фамилия

¹ Приложение №9.

начальника округа была обозначена арабскими согласными буквами: «К-Р-Н-К-В», так как в арабской письменности не принято обозначать гласные буквы. Г. М. Садыки интерпретировал это сочетание согласных букв как фамилию «Кренков». С легкой руки Галиба Мухиддиновича такое прочтение фамилии первого начальника Кюринского округа стало традиционным в лезгинской литературе.

Но при детальном изучении этого вопроса обнаружилось, что из-за отсутствия в арабском алфавите буквы, соответствующей звуку «г», в заимствованных словах звук «г» в арабском письме передается той же буквой, что и звук «к». Поэтому по-арабски фамилии «ГИРЕНКОВ» и «КРЕНКОВ» пишутся одинаково – «К-Р-Н-К-В», и потому без дополнительной информации написанные такими арабскими буквами фамилии трудно правильно прочесть.

Но в нашем случае есть такая информация. В книге «Диван аль-Мамнун», написанной Г. Алкадари после его возвращения из ссылки в 1883 г., вспоминая о том, как Юсуф-хан в 1862 г. отошел от дел и как в Кюре образовалось «окружное управление», он пишет [17, с.6]: *«Аль-Хаджи Юсуф-хан подал в отставку с государственной службы и отправился в паломничество-хадж. Его место занял другой русский начальник, генерал К-Р-Н-К-В»*. Здесь мы специально написали в кириллических буквах фамилию упомянутого Алкадари генерала без гласных букв – так, как она записана арабскими буквами у Гасана-эфенди. Это свидетельство Алкадари нам позволяет сделать важный вывод о том, что офицер, который в 1862 г. стал править Кюрой на правах окружного начальника, со временем дослужился до генерала, и потому его Алакадари в своем рассказе через много лет после описываемых событий уважительно называет «генералом».

Зная, что бывший начальник Кюринского округа дослужился до звания генерала, ищем в списках царских генералов лиц с фамилиями Кренков, Гиренко, Гиренков и Геренков. Самый полный такой список имеется на сайте www.rusgeneral.ru. В этом списке есть даже Юсуф-хан как генерал-майор Свиты Его Императорского Величества «Куринский Юсуф-Бек-Таир-Бек-Оглы», но нет генералов с фамилиями «Кренков», «Гиренко» и «Геренков». Зато в этом списке мы находим двух братьев-генералов с фамилией «Гиренков»: Гиренков Георгий Леонтьевич, получивший звание генерал-майора 01.01.1878,

и Гиренков Александр Леонтьевич, которому звание генерал-майора было присвоено 31.08.1874. Очевидно, будучи генералами, никто из этих братьев не мог быть начальником Кюринского округа в силу несоответствия этого высокого звания указанной должности.

Узнав, что один из этих братьев до 1874 г. точно был полковником, попробуем одного из них или обоих найти в изданных до 1874 г. списках полковников царской армии. В таком списке за 1873 г. мы находим Гиренкова Георгия Леонтьевича [31, с.305], ставшего офицером 26.05.1849, получившего звание полковника 23.10.1867 и являвшегося в 1873 г. Военным судьей Киевского военно-окружного суда, а также находим полковника Гиренкова Александра Леонтьевича [31, с.151], ставшего офицером 11.12.1841, получившего звание полковника 14.07.1865 и в 1873 г. являвшегося... начальником Кюринского округа. (Изображение страницы военного справочника за 1873 год, где указано, что полковник А. Л. Гиренков в 1873 г. был начальником Кюринского округа, мы приводим в приложении к настоящему сборнику¹.)

Звание генерала, как мы уже выяснили, А. Л. Гиренкову присвоили 31.08.1874. Это нам позволяет думать, что не позже указанной даты он перестал быть начальником Кюринского округа, ибо в таком звании начальником округа, должность которого соответствовала званию не выше полковника, он уже не мог оставаться.

Таким образом, нам стало точно известно, что первым начальником Кюринского округа был Александр Леонтьевич Гиренков. Но историк Е. И. Козубский [30, с.32] в качестве фамилии майора, прикомандированного в 1861 г. к Кюринскому хану, указывает фамилию «Гиренко». Но как майор «Гиренко», превратился в полковника «Гиренкова», указанного в официальных списках 1873 г. офицеров царской армии в должности начальника Кюринского округа?

Тут мы вынуждены признать, что историк Е. И. Козубский допустил ошибку в своей книге, записав фамилию командированного в Кюринское ханство в 1861 г. майора, как «Гиренко», вместо действительной его фамилии «Гиренков».

Дело в том, что в XIX в. военным ведомством Российской империи ежегодно издавались книги, содержащие списки

¹ Приложение №10

офицеров армии с указанием их звания, места службы и имеющих у них наград. Так вот, в соответствующих списках за 1859–1862 гг. нет ни одного майора с фамилией «Гиренко» и вообще нет майоров, фамилии которых содержали бы согласные буквы, идущие в таком порядке: «Г-Р-Н-К». В этих списках есть лишь майор, фамилия которого содержит сочетание согласных «Г-Р-Н-К-В». Это – майор Геренков Александр Леонтьевич, получивший первое офицерское звание 11.12.1841, ставший майором 19.01.1859 и являвшийся на момент издания списка в 1861 г. начальником «Казыкумьхского¹ округа» [32, с.440]. Но в 1863 г. этот человек в списках офицеров царской армии указан как подполковник Гиренков Александр Леонтьевич, получивший первое офицерское звание 11.12.1841, ставший подполковником 03.09.1862 и являющийся на момент издания списка помощником военного начальника Южного Дагестана [33, с.395]. И, наконец, в 1867 г. в списках офицеров царской армии он указан как полковник Гиренков Александр Леонтьевич, получивший первое офицерское звание 11.12.1841, ставший полковником 14.07.1865 и являвшийся на момент издания списка начальником Кюринского округа [34, с.543].

Из приведенных сведений видно, что в списках офицеров от 1861 г. будущий начальник Кюринского округа Гиренков числился как майор Геренков. Однако за год до выхода этого списка майоров царской армии в свет в списке кавалеров Золотой драгунской сабли с надписью «За храбрость» за 1860 г. награжденный ею 15 марта этот майор указан как Александр Гиренков [35, с.252], что говорит об опечатке в списке майоров, изданном в 1861 г.

Но есть ещё более весомый аргумент, позволяющий нам выяснить правильность определения фамилии первого начальника Кюринского округа. Сегодня нам доступен документ, находившийся среди артефактов, собранных Г. М. Садыки, и подписанный будущим начальником Кюринского округа до того, как он им стал. В этом документе, датированном 8 числа месяца Джумада аль-уля 1278 г. по Хиджре (10 ноября 1861 г.), тогда ещё прикомандированный к хану майор – «помощник губернатора» – пишет старосте села Кеан Нурали про некоего человека: *«Этот человек Исрафил пожаловался мне относи-*

¹ Так тогда писали название этого округа. Потом в русской литературе он стал называться Казыкумьхским округом.

тельно сирот»¹. Видимо, здесь речь идет о просьбе кеанского жителя по имени Исрафил о налоговых послаблениях для каких-то сирот из этого села и об указании майора старосте села Кеан обратить внимание на эту просьбу, что соответствовало задаче майора не допустить выступлений населения против власти. Но нам этот документ интересен не из-за его содержания, а по другой причине. В нём помощник Кюринского хана собственноручно по-русски написал свою фамилию как «Гиренков», чем не оставил никаких сомнений для исследователей, что у будущего начальника Кюринского округа была фамилия «Гиренков», а интерпретации его фамилии у Е. И. Козубского как «Гиренко», у Г. М. Садыки как «Кренков» и указание его фамилии в списке 1861 г. майоров царской армии как «Геренков» являются ошибочными.

Таким образом, мы установили, что первого начальника Кюринского округа звали **Александром Леонтьевичем Гиренковым**. Точно установив это имя, которое до сих пор в лезгинской истории не было известно, теперь мы можем воздать ему должное за его заслуги перед лезгинским народом. Мы должны за А. Л. Гиренковым признать заслугу (в широком смысле этого слова) в том, что он начал культивировать в лезгинской среде тягу к образованию, в обществе выдвинул вперёд просвещенных, у них появились источники существования и соответственно возможность занятий творчеством, что при реальном ослаблении влияния мусульманского Востока не могло не способствовать возникновению лезгинской литературы. В узком смысле этого слова его заслуга заключается в том, что, благодаря ему, Эмин перестал искать «кусочек хлеба» на чужбине, как он это делал до отхода от власти Юсуф-хана, вернулся в Кюру и занял в обществе такое положение, которое, по сути, вернуло лезгинской культуре своего будущего основоположника литературы...

¹ Приложение №11.

СЕМЬ ЛЕТ СТРАСТНОЙ ЛЮБВИ

Есть тема в биографии Эмина, рассказ о которой трудно привязать к какому-то конкретному географическому месту, как это мы делали, рассказывая о его рождении, перипетиях его учёбы и жизни на чужбине. Теперь перейдём к особой теме – о любви (без привязки к конкретному месту).

Любовь Эмина к Тукезбан, пронесённая им через всю жизнь – это особая часть его судьбы, ставшая для него одновременно и событием частной жизни, и явлением жизни вообще. История этого чувства оставила в творчестве поэта неизгладимые следы. По ним мы можем судить о многих перипетиях жизни Эмина в периоды, когда из-за любви он душой возносился до небес или его охватывало всепоглощающее отчаяние. Особенно это относится к полному возвышенным переживаний и трагизма периоду его любви, охватывающему годы от той случайной встречи с Тукезбан, когда он впервые почувствовал свою влюбленность, и до женитьбы на ней – всего семь лет.

Этот период в жизни поэта хорошо отражён в его любовной лирике. Поэтому для рассказа об истории любви поэта к Тукезбан в эти семь лет прибегнем к информации о ней, имеющейся в стихах поэта.

Рассказ о любви начнём с той случайной встречи поэта с его музой – Тукезбан, отраженной в стихотворении «**Гььюри-диз ухшар акуна**» («Увидел похожей на гурию») [14, с.66-67], где поэт описывает эту случайную встречу таким образом:

Рехъди винел фидайла зун,
Са кьудратдин кар акуна.
Гььюрини гьилмандиз ухшар,
Лап тенг барабар акуна.

(Когда я шёл вверх по дороге,
Одно диво-дивное увидел,
На /райскую/ деву и на /райского/ юношу похожую,
Уж совершенно равную увидел.)

Эту строфу мы один раз уже анализировали, когда касались сведений об учёбе Эмина в Кеане. Здесь же, в отличие от ранее нами данных комментариев к этой строфе, мы хотели бы привлечь внимание читателей к содержащемуся в ней выражению, которое, возможно, является важнейшим для понимания философии Етима Эмина, для понимания того, какое место в своей жизни он отводил возлюбленной. Мы говорим о фразе «тенг барабар» из четвертой строки приведенной строфы, которая в данном контексте может относиться не к обитателям рая, а к самому поэту. Тогда эта фраза приобретает значение фразы на русском языке «ровня себе». Эмин, впервые увидев Тукезбан, может быть, сразу посчитал её «ровней себе». Если даже наше понимание конкретно этого стихотворения неверно, тем не менее, в целом созданный им образ возлюбленной – это «ровня» его лирическому герою. Это представление о женщине – совершенно новое явление в восточной поэзии, на образцах которой рос Эмин. В восточной поэзии принято воспевать красоту и нежность женщины, в ней *«идеальной представляется такая женщина, которая физическое совершенство сочетает с послушным нравом»* [2, с.207]. Но ни один восточный поэт до Эмина избранницу сердца не определял как человека, равного себе. Эмин же не только воспел красоту своей возлюбленной, но и сразу, возможно, в первом же стихотворении, посвященном возлюбленной, отвел ей место, как равному себе человеку, как другу. Этой своей философии, в которой возлюбленная является равным ему человеком, Эмин в дальнейшем всегда следовал и в жизни, и в творчестве. Этого – эминовского понимания места женщины – не было до него ни в восточной поэзии в целом, ни в лезгинском ашугском искусстве.

Следующим стихотворением, посвященным возлюбленной и описывающим развитие чувств Эмина к ней, мы полагаем, является стихотворение **«Назани»** («Капризная») [14, с.30]. Судите сами. После одной случайной встречи на улице Эмина и Тукезбан у юноши в душе вспыхнула любовь, но она, как и положено скромной девушке, не подала никаких знаков, говорящих о её отношении к нему, и нетерпеливый

юноша это воспринял как проявление капризности. При такой «неопределенности», как мы писали выше, он не рискует открыто поделиться своим «секретом» со всем миром и потому прямо не называет её заветное имя в первых стихотворениях, посвященных ей. Он пока обходится иносказательными выражениями для обозначения её имени. Таким обозначением её имени является слово «назани», которое поэтом используется в смысле «капризная», «кокетливая».

Да, при написании стихотворения «Назани» Эмин ещё не дождался каких-либо проявлений ответа со стороны девушки на его чувства. Это говорит о том, что это стихотворение было сочинено почти сразу после той случайной встречи с нею, когда он навсегда влюбился в Тукезбан. По этой причине поэт пока описывает её внешне. Одну черту этого описания из стихотворения «Назани» мы приводили в другом месте своего рассказа, но в силу её важности для понимания этапов развития любви между Эмином и Тукезбан мы повторяем её здесь:

Къизилгуьлдиз ухшар ава...
Уьмуьр цувад яшарава.
(Похожа на розу...
Жизнь /её/ в пятнадцатилетнем возрасте.)

Значит, в момент, когда у Эмина вспыхнула любовь к Тукезбан, ей было 15 лет. Возраст Эмина в этот момент, вероятно, был тот же или чуть больше.

В это же время отец Эмина умирает, и слухи о том, что юный поэт-сирота испытывает «тайные» чувства к Тукезбан, доходят до её отца маллы Магомеда – хозяина медресе, где учился будущий поэт. Вероятно, по причине того, что Эмин стал сиротой, т.е. экономически невыгодным учеником и малоперспективным женихом, малла Магомед выгоняет его из своего медресе, и он вынужден перебраться для продолжения учёбы в Алкадар – в медресе Абдуллаха-эфенди. Как мы писали в том месте нашего повествования, где речь шла об учёбе Эмина, приблизительно через год после начала учёбы в медресе Абдуллаха-эфенди он оттуда переходит в Яраг к Исмаилу-эфенди для завершения учёбы по программе медресе и совершенствования своих знаний. В Яраге Эмин пребывает, вероятнее всего, около двух лет.

После ухода из кеанского медресе молодой поэт, вероятно, посредством писем поддерживает отношения с Тукезбан, если судить по стихам, но не получает от девушки «определенного» ответа, что он воспринимает как проявление кокетства и капризов с её стороны. Именно об этом периоде взаимоотношений с Тукезбан Эмин в стихотворении **«Вун зи рикле гьат хьана»** («Ты запала мне в душу») [14, с.19-20] пишет, что уже два года Тукезбан с ним кокетничает и он от неё никак не получает «окончательного» ответа:

Дугъри кар я, куь адет я наз авун,
Къве йис бес я, мад хъийимир, къваза¹ вун.
*(Известное дело, для вас кокетство – нечто привычное,
Два года хватит, больше не продолжай, остановись ты.)*

После этого с Эмином происходит нечто такое, что заставляет его прервать учёбу в Яраге и покинуть пределы Кюринского ханства. Об этом мы писали в том месте нашего повествования, где рассказывали об учёбе Эмина в Яраге. Полагаем, что большинство стихотворений Эмина, написанных им о любви на азербайджанском языке, относится именно к тому периоду, когда он после прерывания учёбы в Яраге оказался на чужбине.

Например, в стихотворении, написанном на азербайджанском языке и переведённом Г. М. Садыки под названием **«Шеда зун»** («Я буду плакать») [14, с.224], есть такая строфа:

Азиз яр, зун акъатнавай гъурбатда,
Вун риклеллаз, агъузариш шеда зун.
Хифетариз зи рикл хурай акъатда,
Ви т1вар даим зикир ийиз шеда зун.
*(Милый друг, на чужбине, где я оказался,
Думая о тебе, буду плакать навзрыд я.
Горюя, моё сердце выскочит из груди,
Твое имя постоянно повторяя, как молитву, плачу я.)*

¹ В сборнике стихов Эмина, составленном Г. М. Садыки, это слово записано как «акъваза» (остановись), что в строке создает лишний слог. Если это слово записать в виде «акъваз», то количество слогов в строке не нарушается, но нарушается рифма. Потому, полагаем, что это слово надо писать в сокращенной форме «къваза», которая и рифму не нарушает, и создает в строке необходимые для размера 11 слогов. Тем более, такая форма слова для лезгинского языка не является чужеродной: она встречается в фразе лезгинской разговорной речи «къваза вун».

В этом стихотворении Эмин как бы говорит возлюбленной, что он плачет навзрыд, думая о ней, желая её увидеть, но это невозможно, так как он находится на чужбине. Причем на чужбине он не по своей воле, как видно из стихотворения, написанного им по-азербайджански в виде газели и в переводе Г. М. Садыки называемого «**Гуъзел яр, вун мус аквада?**» («Любимая красавица, когда я тебя увижу?») [14, с.217-218], в четвертой строфе которого поэт вопрошает: «*Райская дева, ты же знаешь, чему моя голова подверглась?*», тем самым намекая на причину его нахождения за пределами родины. В этой же строфе Эмин иносказательно пишет о непреодолимости этой причины: «*Ни у кого не получается моему горю лекарство придумать*». Это намек на то, как мы отмечали ранее, что случившееся с ним он не мог исправить и потому уехал, предоставив его исправление своим друзьям, но и они не могут ничего сделать. Очевидно, в Кюринском ханстве такое было возможно только в одном случае: если случившееся было связано с авторитарным правителем Кюринского ханства – Юсуф-ханом.

Но со временем фактор, державший Эмина на чужбине, перестает быть решающим, актуальным. Это видно по тому, что из стихов поэта исчезают намёки на его вынужденное пребывание на чужбине. Как бы там ни было, в определенный момент граница между чужбиной и родиной для Эмина перестала быть непреодолимой, но он по какой-то причине все ещё не соединяет себя с Тукезбан узами брака. Он продолжает писать пылкие любовные стихи о возлюбленной, рассказывает, как ему тяжело не быть вместе с ней, и иногда просит её не отдавать себя другому. Среди произведений любовной лирики поэта того времени есть три стихотворения, которые должны были любителей творчества Эмина, на наш взгляд, заставить посмотреть на взаимоотношения поэта и его возлюбленной совсем по-другому – не так, как мы до сих привыкли.

Так, первым из трёх стихотворений, на которые мы хотим обратить внимание читателей, является стихотворение «**Ак-ваз кІан я**» («Хочу увидеться») [14, с.49]. В этом стихотворении есть такая строфа:

Ша, фимир, яр, вун паталди,
Сабур ая кьвер гаталди.
Клани ярдин чан паталди
Вун ватанда аваз клан я.
*(Прошу, не направляйся, любимая, в сторону,
Потерпи до следующего лета.
Чтобы ты принадлежал возлюбленной,
Ты должен быть на родине.)*

Иными словами, поэт просит любимую не выходить за другого замуж и ждать его до следующего лета, когда он вернется на родину. Значит, возможность такого возвращения, полагает Эмин, возникнет следующим летом.

Что же такого примечательного для Эмина должно было произойти в Кюре «к лету следующего года», чтобы он просил Тукезбан ждать его до этого времени? Смеем утверждать, что надежда на свое возвращение в Кюру у Эмина появилась осенью 1861 г., когда Юсуф-хан обратился с просьбой к наместнику царя на Кавказе освободить его весной 1862 г. от обязанностей правителя Кюры [30, с.32]. Видимо, это было известно поэту, и он предполагал, что после весны 1862 г. – летом этого же года – сумеет вернуться в Кюру...

Тукезбан ждёт. Эмин возвращается летом на родину, и это возвращение, вероятно, связано с тем, что Юсуф-хан в июне 1862 г., как мы выяснили ранее, по сути, оставил свою ханскую должность в связи с разрешением ему уехать в отпуск [30, с.32]. Вернувшийся на родину Эмин пишет возлюбленной стихотворение «**Аман яр**» («Ох, любимая») [14, с.24-25], где в первых двух строчках сообщает:

Аман яр, зи хажалатар гзаф я,
Гила кьванни чавай шадвал жедачни?
*(Ох, любимая, я грущу безмерно,
Хоть теперь мы сможем радоваться /жизни/?)*

Видимо, здесь поэт говорит: я вернулся, больше нет расстояний между нами – хоть теперь мы можем быть вместе? И тут же (в первой строке следующей строфы) очень осторожно себя готовит к возможному «отказу»: «ХупІ четин я клан хьайиди тагайла...» (*Очень тяжело бывает, когда любимую /за тебя/ не выдают замуж...*), а в последней строфе обреченно себе ставит границу во времени, дальше которой он не

выдержит мук любви: «Вун тахъайтIа, чан куда зи зулалди...» (*Если ты не станешь моей, то душа моя сгорит до осени...*).

Он даже знает, по чьей вине Тукезбан может не выйти за него замуж. В стихотворении «Эй зи гуьзел» («Эй, моя красавица») [14, с.39-40] есть такая строка: «Ви стхайри, икьрабайри вун масадаз гуда жед ман...» (*Твои братья, родственники, может быть, тебя за другого выдадут...*). Что здесь интересно, так это то, что отец не упомянут среди тех, кто выдает замуж Тукезбан, в то время как разрешить или не разрешить девушке выйти замуж – это в те времена при живом отце было его прерогативой. Отец Тукезбан, вероятно, был жив в тот момент, но Эмин даже в такой исключительной ситуации не захотел его упомянуть в своём стихотворении, обозначив его общим словом «родственники». Видимо, рана, нанесённая им Эмину, когда он выгнал осиротевшего пятнадцатилетнего юношу из своего медресе, так и не зажила в душе поэта...

По всей видимости, худшие опасения Эмина оправдались, и ему «главный родственник» возлюбленной Тукезбан отказывает в праве жениться на ней. Это мы видим по стихам, в которых поэт обреченно рассказывает о том, что к ней со всех сторон посылают сватов другие женихи. Об этом мы узнаем, в частности, из его стихотворения «Алагуьзли» («Красавица») [14, с.34-35], в третьей строфе которого он пишет:

Атана хьи, яр, ви чамар¹, –
ЦIай кукьIуьнна куда чанар,
Гьикьван чIуган за и гьамар,
Чан эрзиман алагуьзли?
*(Явились ведь, любимая, за тобой сваты,
Воспламенившись сгорят сердца².
Сколько же я буду скорбеть,
Милая /и/ желанная красавица?)*

Но поэт не сдаётся, он отчаянно просит подождать до той самой осени, после которой он не выдержит мук несчастной любви, полагая, что к этому времени он преодолет пока неизвестное нам «препятствие», которое стало причиной отказа

¹ Возможно, эта строка «испорчена» переписчиками. Судите сами: в ней говорится, что сваты уже пришли, а в следующей строке – о том, что в связи с приходом сватов в будущем сгорят сердца. По всей видимости, это строка изначально была похожа на такую строку: «Кьведа мукьва, яр, ви чамар...» (Придут скоро, любимая, за тобой сваты...)

² О чьих сердцах здесь поэт пишет, остается загадкой...

ему со стороны родственников возлюбленной. Поэтому Эмин в последней строфе стихотворения «Алагуззли» предлагает Тукезбан с замужеством подождать «до осени», а пока быть у него «дорогой гостьей», что, возможно, означает «быть в невестах»:

Акъваз, яр, вун и зулалди,
Девран гъалин шадвилелди.
Ша вун Эминан квалелди,
Азиз мугъман, алагуззли.
*(Подожди, любимая, ты до осени,
Будем жить привольно и радостно.
Иди ты к дому Эмина,
/Будь/ дорогой гостьей, красавица.)*

Из этих трех стихотворений, как нам кажется, видно, что Тукезбан мужественно и терпеливо отбивается от своих родственников, желающих её выдать замуж не за Эмина, и ждет его, пока он решит все свои проблемы и будет готов к женитьбе.

И ждет она его не год, не два, а целых семь лет. Но на седьмом году ожидания у родственников Тукезбан терпение лопнуло, и они насильно выдали её замуж за другого, не за Эмина. Выяснить, что именно через семь лет знакомства с Эмином Тукезбан выдали замуж за другого, нам помогает стихотворение «**Лагъ зи ярдиз**» («Скажите моей любимой») [14, с.46]. Приводим его целиком:

«ЛАГЪ ЗИ ЯРДИЗ» («Скажите моей любимой»)

Уьмуурда гъич алат тийир хажалат
Сефил кваллиз мугъман я, лагъ зи ярдиз.
Ирид йисуз рикле хвейи аманат,
Масадаз хьун залан я, лагъ зи ярдиз.
*(Нескончаемое пожизненное горе
В печальный /мой/ дом пришло, скажите моей любимой.
В течение семи лет в сердце хранимая надежда
Когда другому достается –
/это/ тяжело, скажите моей любимой.)*

Дад чин тийиз, какатай шей недалди,
Халкъаризни твар гъакI ужуз жедалди,
Чуру гафар япуз гъахъсуз къведалди,
Къиникъ гзаф хъсан я, лагъ зи ярдиз.

*(Не зная вкуса, чем есть всё, что попадётся,
Чем уронить своё имя в глазах народа,
Чем услышать /о себе/ незаслуженные сплетни,
Умереть намного лучше, скажите моей любимой.)
Сирер-савда вичи захъди санална,
Ахмакь хъана, вичихъ умуд акална.
Етим Эмин акурла рак акъална,
Гиладуьнья таклан я, лагъ зи ярдиз.
(Сокровенные тайны она со мною делила,
Я, по глупости, связал надежды с нею.
Перед Етимом Эмином дверь закрыла,
Теперь свет мне не мил, скажите моей любимой.)*

Очевидно, это стихотворение написано поэтом в момент, когда он узнал, что Тукезбан вышла замуж. Он пишет, что ему тяжело (залан я), когда «в течение семи лет в сердце хранимая надежда» (Ирид йисуз рикге хвейи аманат) «досталась другому» (масадаз хъун), а перед ним она «закрыла дверь» (рак акъална). Здесь речь идет о состоявшемся факте, выраженном словами «закрыла дверь» (рак акъална).

Итак, Тукезбан вышла замуж за другого. Поэт страдает, мучается из-за безысходности своего положения. Некоторые друзья пытаются его успокоить, призывая прекратить плач по возлюбленной. Об этом нам сообщает сам поэт в стихотворении «**Заз сабур гузвайбуруз**» («Тем, кто меня успокаивает») [14, с.120-121], в котором он риторически вопрошает: «*Как не плакать тому, у кого случилось то, из-за чего плачут?!*» (Бес ишедай кар хъайи кас шедачни?) – и объясняет безысходность ситуации: «*/Если/ слягу /я/, не осталось любимой, кто могла бы навестить...*» (Чан месеваз, къвалав къвери яр амач?). Однако в восьмой строфе поэт, находясь на грани отчаяния, просит Тукезбан напоследок хотя бы взглянуть на то, как он страдает:

*Аман гуьзел, килиг тун вун атана,
Садлагъана риклин мурад атлана,
Ви азиз яр шехъзава хьи датлана.
Жегьил чан бизар хъайи кас шедачни?
(Умоляю, красавица, приди, хоть посмотри /на меня/
/Я/ в одно мгновение потерял надежду,
Твой дорогой возлюбленный плачет непрерывно.
Как не плакать тому, у кого молодое тело исстрадалось?)*

Видимо, после написания этого стихотворения что-то произошло, и он узнал нечто такое, что дало ему хоть и призрачную, но надежду. В связи с этим меняется интонация его стихов. В стихотворении «**Туйкезбан**» («Тукезбан») [14, с.18], во второй его строфе, Эмин говорит возлюбленной:

Вун жагъайдаз гъич ви къадир чизавач,
Зар-зибада гъамиша вун хуъзавач.
Бес за гъикда, вун риклелай физавач,
Зав гвайди ви гъам-хифет я, Туйкезбан.
*(Тот, кому ты досталась, не ценит тебя,
В шёлковые одеяния постоянно тебя не облачает.
Что же мне делать, не могу забыть тебя,
Думами только о тебе я охвачен, Тукезбан.)*

Здесь Эмин говорит возлюбленной: твой муж тебя недо-стоин, ибо тебя не ценит.

Следующее стихотворение, как нам кажется, говорит о том, что слова поэта возымели действие: между ним и Тукезбан, ставшей чужой женой, установилась какая-то связь.

В том, что такая связь в виде переписки во время замужества Тукезбан между нею и Эмином была, в четвертой строфе стихотворения «**Пакисат**» [14, с.83] признается сам поэт:

Жегъил вахтар хкиз риклел,
Эцигиз ви кагъаз пелел,
Гагъ темен гуз, гагъ ийиз клел,
Вахъ я зун гъелек, Пакисат.
*(/То/ вспоминая молодые годы,
/То/ прикладывая твоё письмо ко лбу,
То его целуя, то его читая,
/Мыслями/ о тебе я изведён, Пакисат.)*

Значит, Эмин и Тукезбан во время её замужества переписывались, т.е. были «на связи», и потому поэт знал о фактических отношениях Тукезбан с её мужем. Видимо, зная реальное положение вещей, Эмин назвал чужую жену именем «Пакисат», образованным из персидского слова «пак» (святой) и арабского слова «зат» (личность, сущность, существо, создание), имеющим вместе смысл выражения «святое создание», что в случае имени женщины одним словом может быть выражено прилагательным «непорочная». Правда, некоторые филологи считают, что и вторая часть этого имени имеет пер-

сидское происхождение, и она восходит к персидскому слову «зад(е)» (ребёнок). Очевидно, и такое объяснение происхождения имени «Пакисат/Пакизат» не изменяет его смысла, соответствующего смыслу слова «непорочная».

Основываясь на анализе стихотворения «Пакисат», из содержания которого следует, что оно тоже, как и стихотворение «Тукезбан», написано во время первого замужества возлюбленной поэта («*Ты теперь в чужом светильнике светящийся луч...*») (Гил масадан вун чирагъда/ Куз(а)вай са экв я...), поэт А.Кардаш пришел к выводу, что Тукезбан знала, что Эмин её ждёт, потому не подпустила своего первого мужа к себе, и по этой причине поэт назвал Тукезбан именем «Пакисат» (Непорочная) [36, с.167-168].

То, что Тукезбан во время замужества оставалась «непорочной», по всей видимости, было связано не только с большой любовью между нею и Эмином, но ещё и с тем, что Эмин в письмах её обнадеживал по поводу скорейшего преодоления того «препятствия», из-за которого они не могли быть вместе.

Полагаем, что именно тот факт, что Эмин не относился к духовному сословию, а Тукезбан была дочкой представителя этого сословия, являлся тем «препятствием», которое не позволяло ему жениться на любимой. Как свидетельствует большой знаток горских адатов аварский поэт Гамзат Цадаса, в Дагестане адаты не допускали браков между женщиной и женщиной из различных сословий [22, с.55].

В соответствии с этой традицией дочка представителя духовного сословия Тукезбан не могла быть выдана замуж за Эмина, не относящегося к этому сословию. Такое возможно было бы только в одном случае: если бы Эмин влился в это сословие, например, при назначении его кадием или муллою. При правящем Юсуф-хане, без согласия которого такие назначения были невозможны, Эмину ничего «не светило», хотя, возможно, через Исмаила-эфенди, Абдуллаха-эфенди и Гасана-эфенди он рассчитывал добиться смягчения позиции Юсуф-хана в отношении себя.

Но в июне 1862 г. Юсуф-хан отошел от дел и готовился к отъезду осенью из Кюры в Мекку. Видимо, летом шла работа по формированию новых органов власти в Кюре, и друзья Эмина, прежде всего Исмаил-эфенди и Гасан-эфенди, обещали ему «трудоустроить» его, как только Юсуф-хан отбудет осенью в отпуск. Не с этим ли фактом были связаны

отчаянные просьбы поэта, адресованные Тукезбан, «*дотерпеть до осени*»?

Наступила осень, 2 сентября 1862 г. Юсуф-хан покинул пределы Кюры, сдав всю полноту власти на её территории майору А. Л. Гиренкову. Вероятно, после этого Эмин сразу был назначен кадием семи сёл и в этой своей должности стал приемлемым для Тукезбан женихом. Таким образом, к заветной осени Эмин преодолел ту сословную преграду, из-за которой он раньше не мог жениться на Тукезбан.

При новых обстоятельствах Тукезбан, которая не подпустила к себе первого мужа, могла расстаться с ним, так как шариат такую «патовую» ситуацию между мужем и женой считал основанием для развода.

Действительно, через какое-то время Тукезбан рассталась с первым мужем и вышла замуж за Эмина. Об этом свидетельствует его стихотворение «**Мубарак**» («Поздравляю») [14, с.85], в котором поэт в полшутливой форме поздравляет возлюбленную с тем, что она вышла за него замуж:

«МУБАРАК» («Поздравляю»)

Эдеб, камал, марифат ви бегьем я,
Назик беден тешпигь таза къелем я.
Зун – ви Къариб, вунни зи Шагсенем я,
Ик! сад садаз играми чан мубарак!
*(Благонравие, ум, просвещенность твои – на высоте,
Нежное тело /твоё/- тело непорочной возлюбленной.
Я – твой Кариб, и ты – моя Шахсенем,
С жизнью, где /мы/ друг другу так дороги, поздравляю!)*

И дуьньядал амукьдайди гьюьрмет я,
Клани ярдихъ галай уьмуьр женнет я,
Намрудавай дуьзмиш тахъай зинет я,
Ихътин уьмуьр жагъай жанан мубарак!
*(В этом мире останется лишь уважение /друг к другу/,
Жизнь рядом с любимым человеком – это рай,
/Такая жизнь/ – это украшение,
которое Намруд не смог примерить,
Такую жизнь нашедшую возлюбленную поздравляю!)*

¹ Контекст стихотворения дает возможность и такого смыслового перевода данной строки: «С обретением друг друга нас с тобой поздравляю!»

Заз чида, и халкъдиз дуйнья фана я,
Ам садбуруз ажеб кейфи сафа я.
Заз ярдивай кIаниди тек вафа я,
Къисмет хъайдаз гъа яр масан мубарак!
*(Я знаю, для /большинства/ людей /этот/ мир тленен,
/Но/ для некоторых он –
уж больно приятное удовольствие.
Я от любимой лишь верности жду,
Кому такая любимая судьбой подарена, того поздравляю!)*

Фагъумна за бязи гъалар дуйньяда:
Са-садбуруз югъ аквадач фанада.
Саймиш авун герек тушир чарада
Тукъезбаназ Эмин жаван мубарак!
*(Поразмышлял я над некоторыми делами в /этом/ мире:
Иные счастья не находят в этом тленном мире.
Не нуждающуюся в чужом внимании
Тукъезбан поздравляю с возлюбленным – Эмином!)*

В этом стихотворении, в отличие от всех предыдущих изданий стихов поэта, в первой строфе имевшееся в них имя Керем нами заменено на Кариб («Къариб» по-лезгински). Это сделано в соответствии с предположением поэта Арбена Кардаша, сделанным им в его последней книге об Эмине. Он там справедливо указал, что в восточных сказках и легендах их героиня «Шахсенем» является возлюбленной Кариба, а не Керема, имя возлюбленной которого «Эсли» [36, с.171–172].

Так вот, в этом стихотворении Эмин свою жену, которая уже была замужем, называет «таза къелем». Здесь нужно вспомнить, что в лезгинской поэзии, в том числе у Эмина, слово «къелем», кроме прочих значений, имеет значение слова «возлюбленная». Получается, что побывавшую замужем Тукъезбан Эмин сравнивает с «непорочной возлюбленной» («таза къелем»)?! Дальше – больше. Эмин в третьей строфе стихотворения говорит, что он от любимой хочет лишь верности («Заз ярдивай кIаниди тек вафа я»), и в следующей же строке добавляет, что он поздравляет того, кому такую драгоценную любимую дала судьба («Къисмет хъайдаз гъа яр масан мубарак»), открыто намекая на то, что судьба и во время первого замужества Тукъезбан сохранила её верной ему!

Известный сюжет сказки «Ашуг Кариб» сводится к тому же: Кариб успевает прямо к свадьбе его возлюбленной Шахсенем с другим и уводит её до того, как к ней притронет-

ся жених. Уводит непорочную возлюбленную, выходящую замуж за другого, не дождавшись Кариба, обещавшего семь лет странствовать по свету (Эмин тоже «странствовал» семь лет!), чтобы нажить себе богатство для женитьбы. Не потому ли Эмин сравнивает Тукезбан с Шахсенем и называет её непорочной, что они обе расстались с засватавшимися их мужчинами, оставаясь непорочными?!

Таким образом, мы привели доводы из произведений Эмина, подкрепляющие наше предположение о том, что после семи лет любви между Эмином и Тукезбан родственники не выдали её за Эмина, а выдали за другого. Она некоторое время была замужем за нелюбимым мужем, но через какое-то время развелась с ним, не дав ему притронуться к себе.

Можем ли мы говорить точно о продолжительности первого замужества Тукезбан? Об этом делать вывод нам позволяет стихотворение **«Герек туш»** («Не нужно») [14, с.102], где в последней строфе Эмин о себе сообщает, что он *«на пути поисков жены был в течение семи лет»* (папан рекье кьекъвез хъана ирид йис). Получается, согласно стихотворению **«Лагъ зи ярдиз»** [14, с.46], Тукезбан вышла замуж за другого через семь лет после того, как Эмин на неё первый раз посмотрел влюблёнными глазами, а согласно стихотворению **«Герек туш»** [14, с.102] Эмин женился на Тукезбан через семь лет после того, как в неё влюбился. Когда такое возможно? Лишь тогда, когда срок первого замужества Тукезбан был очень коротким, и им можно пренебречь при исчислении времени в годах. Это делает понятным, как Тукезбан удалось сохранить верность Эмину – первый раз замужем она была очень короткое время.

Таким образом, мы можем обоснованно предположить, что Тукезбан вышла замуж первый раз в конце лета 1862 г. и, расставшись с мужем в начале осени этого же года, вероятно, почти сразу вышла замуж за Эмина, так как согласно нормам шариата жена, расставшаяся с мужем до его прикосновения к ней, не обязана выжидать какой-либо срок перед следующим замужеством¹. И ключевым моментом, сделавшим возможным этот счастливый семейный союз между Тукезбан и Эмином, стало назначение Эмина кадием осенью 1862 г. майором А. Л. Гиренковым, управлявшим Кюрой после отъезда в отпуск Юсуф-хана.

¹ Эта норма шариата определена в 49 аяте 33 суры Корана.

ГОДЫ В ДОЛЖНОСТИ СУДЬИ

Итак, к 1 сентября 1862 г. в Кюре ханская власть фактически пала и вместо неё было организовано «временное военно-народное управление», в рамках которого был учрежден окружной суд, вероятно, в Яраге, где была основная резиденция Юсуф-хана. Благодаря этому событию Эмин осенью 1862 года стал кадием села Ялцуг и ещё шести сел вокруг него – Кеана (Къеан), Бигера (Бигерар), Макара (Макъар), Хпита (ХпитГар), Цицера (ЦицІер) и Чухвера (Чуъхвер)¹.

Став кадием, Эмин согласно представлениям того времени оказался причисленным к духовному сословию. При этом исчезли сословные препятствия, вероятно, мешавшие его союзу с Тукезбан – дочерью представителя духовного сословия. Она рассталась со своим первым мужем и вышла замуж за Эмина. Это случилось, видимо, осенью 1862 г.

До этой осени прошли 7 лет их мучений с того момента, когда Эмин влюбился в 15-летнюю Тукезбан. Получается, что в 1862 г. ей было 22 года. Это значит, что она родилась в 1840 г., как и Эмин, и начали они свою совместную жизнь тогда, когда им было по 22 года.

Таким образом, в 22 года, наконец, у Эмина жизнь наладилась: он создал семью, получил стабильную работу (источник существования) и стал востребованным обществом человеком.

Как сельский кадий, Етим Эмин не имел специального помещения, где он мог бы принимать жалобщиков, работников

¹В 1868 г. в Дагестанской области была произведена реформа управления сельскими обществами. Согласно этой реформе было образовано «Ялцугарское сельское общество» в составе Кутур-Кюринского наибства Кюринского округа, куда входили пять сёл: Бигер, Макар, Хпит, Цицер и Ялцуг. Для этого «сельского общества» из пяти сёл был организован общий «Ялцугарский сельский суд», кадием которого стал Эмин из Ялцуга. Таким образом, с 1868 г. сёла Кеан и Чухвер перестали быть подсудными суду, где кадием был Етим Эмин, хотя до этого времени они таковыми были.

Кутур-Кюринского наибства и Кюринского округа. Вот что об этом пишет писатель К. Х. Акимов: *«По всем вопросам люди шли к Етиму Эмину домой. А отцовский дом был низок и тесен, как все сакли горцев, принимать в нём гостей было невозможно. Поэтому на севере-восточной окраине села поэт построил себе двухэтажный дом из четырех комнат на каждом этаже, с закрытым двором и балконами вовнутрь. (Автору этих строк в 1967 году посчастливилось увидеть перед переселением село Ялцуг, ещё до переселения его жителей, белый двухэтажный дом, а также фруктовый сад и могилу поэта.) Дом построили известные мастера-каменщики в классическом стиле по чертежам самого Етима Эмина»* [3, с.67].

Эти «чертежи», вернее, схематическое изображение дома на отдельной бумаге, по которому мастера строили его дом, было найдено благодаря стараниям Г. М. Садыки. Помимо этого изображения на бумаге имеются, вероятно, более поздние записи Эмина, не имеющие отношения к строительству. Копию этого документа с «чертежами» и записями мы приводим в приложении к настоящему изданию¹. Эти «чертежи» указывают на то, что не так уж неправы те, кто утверждает, что Эмин был строителем и что на чужбине он зарабатывал на жизнь этим ремеслом – строительством домов для жителей Кубы, Шеки и Ширвана...

Вот в этом новом доме Эмин принимал людей, проводил судебные слушания. Это было время, когда поэт, разбирая различные судебные дела, практически непрерывно сталкивался с человеческим горем. Он, знавший, что такое горе с юных лет, очевидно, беды каждого обратившегося в суд человека принимал близко к сердцу, что, вероятно, не укрепляло его здоровье.

С другой стороны, на этой работе он близко соприкоснулся с проблемами лезгинского общества. Полагаем, что именно из своей судебной практики он сделал свои основные философские выводы о жизни, которыми изобилует его гражданская поэзия.

В процессе работы кадием общительный и искренний Эмин сдружился практически со всей лезгинской «элитой» того времени, которая так или иначе была вовлечена в управление Кюринским округом его начальником А. Л. Гиленковым. В это время особенно укрепились отношения Эмина с Исмаи-

¹ Приложение №12.

лом-эфенди, которые и до этой совместной работы были очень хорошими. Этот мудрый человек шаг за шагом воспитывал и возвращал Эмина как человека и судью.

Сегодня одно удовольствие читать их деловую переписку того времени, словно это не деловые письма, а разговор между любящими друг друга отцом и сыном. В этот период совместной работы Исмаил-эфенди пишет письма Эмину, обращаясь к нему со словами: «Кадий Ялцугского суда, мой благородный сын», а Эмин пишет ответы, обращаясь: «Мой друг – средоточие кроткого нрава» [14, с.236]. (Копию оригинала письма на арабском языке от 2 числа месяца Шаабан 1291 г. по Хиджре (13 сентября 1874 г. по григорианскому календарю), где Исмаил-эфенди называет Эмина своим «благородным сыном», мы впервые приводим в этом издании в качестве приложения¹.)

Чтобы понять на основе этих обращений степень взаимоважания авторов писем и их близости друг к другу, нужно вспомнить, что Исмаил-эфенди на 28 лет старше Эмина и является авторитетнейшим алимом (богословом), сыном знаменитого Магомед Ярагского и кадием всего Кюринского окружного суда, а Эмин – его подчинённым рядовым кадием. Занимая такую скромную должность, Эмин пользовался безграничным доверием своего начальника. Об этом, например, свидетельствует письмо, направленное Эмином своему старшему брату Шахламазу [14, с.235-236]. В этом письме, обратившись со словами, выражающими особое уважение к адресату – к старшему брату («свет моих очей, радость души, лекарство для сердца»), поэт доверительно сообщает, что по его просьбе он о каком-то важном для старшего брата деле два раза откровенно поговорил с Исмаилом-эфенди и тот сказал, что он всё зависящее от него сделал и соответствующие документы передал для окончательного решения дела начальнику округа.

Из содержания этого письма следует, что брат Эмина Шахламаз в то время, по всей видимости, тоже работал в судебной системе, раз обращается по каким-то делам к кадию округа. Но при этом к Исмаилу-эфенди обращается не напрямую, а через брата Эмина, что говорит об особых доверительных отношениях как между поэтом и его сводным братом Шахламазом, так и между поэтом и кадием округа Исмаилом-эфенди.

¹ Приложение №13.

В этот период к Эмину люди обращались не только как к судье, но и как к мудрому советчику. Это касалось, видимо, всех вопросов, имеющих важное значение для их жизни.

Так, согласно преданию известно, что один человек обратился к нему за советом по поводу того, стоит ли ему взять себе вторую жену или нет. Как показывают исследования последнего времени, это был друг Етима Эмина и Гасана-эфенди, кадий села Гильяр малла Мисрихан¹ (1834–1885), который сам тоже писал прекрасные стихи, правда, на арабском языке². Поэт отсоветовал ему это делать, сказав, что его спокойная семейная жизнь может превратиться в череду скандалов. Не удовлетворившись его советом, будущий многожёнец, ожидавший от поэта другого подхода к «вопросу», пошел «жаловаться» на Эмина его коллеге – кадию села Икра (Кйири), также по имени Эмин. Этот икринский тёзка поэта сказал, что ялцугский Эмин, отсоветовав взять вторую жену, был неправ, ибо «шариат разрешает иметь до четырех жён». Получивший «нужный» ему ответ Мисрихан из Гильяра, вероятно, где-то рассказал о том, как икринский Эмин «исправил» ялцугского Эмина. Разговоры об этом дошли и до поэта. Он, вероятно, обиделся на Мисрихана и, не упомянув его, написал в адрес икринского кадия стихотворение «**Тварун стхадиз**» («Тёзке») [14, с.149]. В нём он в ироничной форме высмеял и того, кто желал стать многожёнцем, и порядки, дающее ему такое право. В первых же строках он говорит, что ни с кем не намерен спорить по поводу многожёнства, ибо сей вопрос – это личное дело каждого:

Тварун стха, зид а касдив гьуьжет туш³...
Гьардан вичин кар я – вичиз аквада...

¹ См.: Куьреви М. Чалал гъиз тахъай гиливи... // газета «Лезги газет». – Махачкала, 2020, 2-январь.

² См.: Куьреви М. Гиливи Мисрихан // газета «Лезги газет». – Махачкала, 2020, 30-январь.

³ В издании сборника стихов Эмина 1995 г., составленном Г. М. Садыки, эта строчка дана в таком виде: «*Тварун стха, зид СА касдив гьуьжет туш*». Полагаем, что здесь вкралась ошибка. На основе правил лезгинского языка составленная строка выглядела бы так: «Тварун стха, зид СА касдивНИ гьуьжет туш», но это привело бы к возникновению лишнего слога в строке. В теме о многоженстве участвуют не только два Эмина, но ещё и тот, кто хочет стать многожёнцем. Вот о НЕМ и говорит поэт, когда говорит фразу «зид А касдив гьуьжет туш...» (у меня нет спора с ТЕМ человеком...). В сборнике стихов, составленном Г. М. Садыки в 1980 году, имеется правильный вариант обсуждаемой строки...

*(Тёзка, /мною данный совет/ – это не спор с кем-то..
/Женитьба/ – это /личное/ дело каждого,
каждый сам видит /свою пользу/...)*

И тут же с иронией объясняет, в чём и кому «польза» от многоженства:

*Мубарак хъуй, гьйдаи касдиз – пудни гъуй,
Вуч гаф ава, шариат я – кьудни гъуй,
Мални меслят вичинди я – цудни гъуй¹,
Мадни артух сандухдин паяр жеди.
(Поздравляю, кто хочет – пусть три возьмёт,
Нечего возражать, шариат же – пусть четыре возьмет,
Дело его – пусть десять возьмёт,
Ещё больше гостинцев /ему достанется/.)*

*Маса гъейри хабар къадайди атайтIа.
Шариатдал адаз рекьер къалайтIа,
«Пуд паб гъунугъ хъсан кар я», – лагъайтIа, –
Течир гъейри кесибдиз хабар жеди.
(Если кто другой придет спрашивать,
Если ему пути будешь указывать на основе шариата,
«Хорошее дело иметь три жены», – если скажешь, –
/Тоже ничего/, неведующий /об этом/
иной бедняк тоже узнает.)*

Здесь Эмин с иронией говорит, что разрешенное шариатом многожёнство полезно для тех, кто желает, чтобы ему много «гостинцев» от жён досталось, т.е. кто желает жить за счет имущества жён. Чтобы сказать так открыто в то время, необходимо было иметь не только мужество и ум, но и такое положение в обществе и такой авторитет, которые позволили бы это сделать. Видимо, так и было – у поэта был высокий авторитет в лезгинском обществе.

Иными словами, период работы Эмина судьей был самым счастливым периодом его жизни, когда у него была любимая семья, когда он мог встать на защиту униженных и оскорблен-

¹ Практически во всех изданиях стихов Эмина эта строка приводится в форме «Мал, меслягъат вичинди я – цудни гъуй». Мы полагаем, что в эту строку вкралась ошибка при переписываниях: первые два слова в более подходящей для лезгинского языка форме нужно написать в виде «мални меслят», что придает этой строке большую «певучесть» и большую смысловую стройность. Кроме того, «мални меслят вичинди я» – это идиоматическое выражение, фразеологизм в смысле: «это его личное дело».

ных и сделать что-то конкретное для их защиты и когда он мог вот так открыто, как в стихотворении «Тварун стхадиз» («Тёзке») [14, с.149], выражать свои мысли, часто не соответствующие религиозным представлениям о жизни, религиозным догмам.

Видимо, об этом счастливом времени работы судьей вспоминает поэт, когда в самом печальном и знаменитом стихотворении «Дустариз» («Друзьям») [14, с.196] пишет:

Жув хъайила эвел халкьар арада,
Ги́ла хелвет хажалатдик кьурада...
(Когда раньше ты был в гуще народа,
Теперь, когда ты наедине с грустью, она тебя иссушает...)

В этих строках поэт, вероятно, сравнивает наиболее тяжёлый период своей жизни – дни неизлечимой болезни, когда он остался с нею наедине, со временем работы кадием, как с лучшим периодом своей жизни, когда он был в «гуще народа».

Жизнь поэта, когда он был здоров, нужен семье, занят работой, а положение позволяло ему открыто выражать свои мысли, длилось более или менее безмятежно до середины 1871 г. Летом этого года с Эмином случилась роковое событие: как-то ночью, возвращаясь от Исмаила-эфенди из Касумкента в Ялцуг, он оступился и упал, в результате чего на его колене остался глубокий порез от острого камня, валявшегося на дороге. Вот как описывает случившееся сам поэт в письме Исмаилу-эфенди от 3 числа месяца Джумада аль-уля 1288 г. по Хиджре (от 20 июля 1871 г. по григорианскому календарю), где он объясняет окружному кадию, почему он не сможет явиться к нему по его вызову в назначенное время:

*«...как мне на словах сообщил тот, кто пришёл ко мне с Вашим письмом, Вы хотите, чтобы я явился в окружной суд... для разговора с Вами. Я не смогу туда явиться. В прошлый базарный день, когда я от Вас возвращался, находясь в пути ночью, оступился, упал лицом вниз на каменистое место, и в результате один камень на моём колене оставил глубокий порез – сейчас на мне большая рана. Поэтому я не смогу к Вам явиться»¹ (письмо **на арабском***

¹ Из этого письма можно сделать вывод о таких редких для судей скромности и честности Эмина. Проработав к этому моменту судьей 9 лет, он себе даже на лошадь не заработал и потому ночью добирался из Касумкента в Ялцуг, преодолевая 12-13 км пешим ходом...

языке, откуда взята эта цитата, впервые публикуется в этом издании¹).

Этот случай произошел в воскресенье 16 июля 1871 г. по григорианскому календарю или 28 Раби' аль-ахир 1288 г. по Хиджре – так показывают простые расчеты на основе сведений, содержащихся в указанном письме. В этот день после случайного падения на землю Эмин получил ранение, которое так и не зажило и в конечном счёте свело поэта в могилу. Потому мы должны считать **16 июля 1871 г.** роковым днем для лезгинской литературы – в этот день начался закат «Солнца лезгинской поэзии».

После этой раны Эмин продолжает исполнение функций кадия. Но постепенно, видимо, начались осложнения. Об этом свидетельствует письмо Эмина в Кюринский окружной суд от 5 дня месяца Сафар 1290 года по Хиджре, что соответствует 3 апреля 1873 г. по григорианскому календарю. В этом письме он впервые подписывается, обозначив себя, как «*Ваш больной и немощный Эмин*» [13, с.199]. Видимо, состояние поэта к этому моменту ухудшилось, раз он, не любивший жаловаться на свои невзгоды, пишет о своём «немощном» и «больном» состоянии непосредственному начальнику.

Некоторое время и после этого больной Эмин продолжал свою службу. Имеется письмо Исмаила-эфенди, адресованное поэту 2 числа месяца Шаабан 1291 г. по Хиджре (13, с.199), **Приложение №13**), где окружной кадий ему всё еще дает указания как ялцугскому кадию. Указанная на письме дата соответствует 13 сентября 1874 года² по григорианскому календарю (1 сентября 1874 г. по юлианскому календарю). У нас сегодня нет никаких документальных сведений, что после указанного дня (13 сентября 1874 г.) Эмин продолжал работу ялцугским кадием.

Но известно, что к этому времени главный покровитель просвещенных людей Кюры – начальник Кюринского округа А. Л. Гиренков – покинул свою должность. Это следует из таких соображений. В списках действующих полковни-

² Приложение №14.

² Исходя из неправильного перевода мусульманской даты, указанной на упомянутом письме от Исмаила-эфенди поэту, в григорианскую дату, Ф. Р. Нагиев неправоммерно считает, что она соответствует 15 сентября 1877 г. и потому пишет, что Эмин был судьей до октября-ноября 1877 г. (См.: Нагиев Ф. Р. Етим Эмин: путь к истине. – Махачкала, 2002. – С.24).

ков по состоянию на 1 сентября 1874 г. [37] и генералов по состоянию на эту же дату [38] А. Л. Гиренков уже не числится, в то время как в списках полковников по состоянию на 1 марта 1874 г. [39, с.151] он ещё числился как начальник Кюринского округа, и нам известно, что согласно сведениям сайта www.rusgeneral.ru ему 31.08.1874¹ было присвоено звание генерал-майора. Значит, полковник А. Л. Гиренков в августе 1874 г. был отстранен от должности начальника округа и отправлен в отставку с присвоением перед отставкой звания генерал-майора.

Вместо А. Л. Гиренкова начальником Кюринского округа осенью 1874 г. был назначен князь Иван Давыдович Орбелиани², к тому времени имевший воинское звание полковника и служивший помощником военного начальника Западного Дагестана [31, с.646].

То, что после полковника А. Л. Гиренкова начальником Кюринского округа стал полковник И. Д. Орбелиани, подтверждается сведениями из доступного нам списка полковников царской армии по состоянию на 1 января 1876 г., где мы находим, что князь Орбелиани в начале 1876 г. является начальником Кюринского округа [40, с.534].

И наконец Гасан Алкадари подтверждает эту информацию о смене власти в округе, когда пишет, что правителем Кюры после «генерала Гиренкова»³ был назначен «один из самых знатных людей Тифлиса» князь Иван Давыдович Орбелиани [17, с.7].

По всей видимости, именно тогда, когда начальником Кюринского округа стал князь Орбелиани, Эмин ушел в отставку с должности кадия. Болезнь поэта была причиной того, что он оставил свою работу. Как нам кажется, это подтверждает сам поэт в стихотворении «Къази» («Кадий») [14, с.110]. В нём он сравнивает судейство нового кадия с «охотой» на людей. Для нашего повествования в этом стихотворении важно ука-

¹ В этом абзаце все даты указаны по действовавшему тогда в Российской империи юлианскому календарю, отстававшему в XIX в. от григорианского календаря на 12 дней.

² Иван Давыдович Орбелиани (1822–1893) – русский генерал-майор (с 1881 г.), военный чиновник для особых поручений при командующем войсками Кавказского военного округа (по состоянию на 01.01.1886).

³ Полковник А. Л. Гиренков, отправленный в отставку, напоследок получил звание генерал-майора. Поэтому Алкадари в своей книге называет его «генералом Гиренковым».

зание времени, с которого началась «охота» нового кадия. В последней, четвёртой строфе этого стихотворения сказано:

Етим Эмин месе гьатна,
Вун, азгун, гьурчез акьатна.
Шумуд фагьир плуз аватна,
Таз на ц'раз-к'уьрез, кьази.
(/Как/ Етим Эмин захворал (слёг),
Ты, алчный, на охоту вышел.
Сколько же бедолаг /тобою/ обиженных,
/Которые/ по твоей воле чахнут, кадий?)

В этой строфе речь не идет о личной обиде поэта, здесь он пишет о находящихся кругом бедолагах, обиженных кадием. И вот эта возможность обидеть людей, открыть «охоту» на них возникла, как пишет Эмин, тогда, когда он захворал, слёг («месе гьатна»). С нашей точки зрения, здесь поэт говорит новому кадию: как я слёг, так ты стал кадием и смог выйти на «охоту» на бедняков. Значит, в этом стихотворении Эмин свидетельствует, что новый кадий появился вместо него из-за того, что он слёг («месе гьатна»), т.е. его болезнь есть причина того, что он оставил должность кадия и им стал другой, алчный человек.

Упомянутая поэтом причина появления нового кадия указывает на то, что Эмин сам оставил эту должность. Это следует из сопоставления этой причины с основаниями, по которым во времена Эмина кадий оставлял свою должность или происходило его отрешение от должности.

Нормы шариата и особенности их применения в XIX в. мусульманских регионах Российской империи подробно изложены в книге Н.Е. Торнау под названием «Изложение начал мусульманского законоведения» [41], изданной в Санкт-Петербурге в 1850 г. по специальному распоряжению царя.

Согласно этим нормам *«неприлично и не советуется кадию заниматься решением дел, когда находится сам в нездоровом положении, огорчён чем-либо... ибо подобные обстоятельства могут препятствовать ему вникать с должною основательностью в существо дела и отвлекают его посторонними мыслями»* [41, с.389]. Что касается отрешения от должности из-за болезни, то такое допускается в отношении кадия только в тех случаях, если он: *«впадет в сумасшествие или слабоумие», «ослепнет», «оглохнет»* или

«сделается немым» [41, с.398]. Вышеперечисленные обстоятельства, которые могли привести к отрешению Эмина от должности по болезни, не имели место, потому, вероятно, он сам подал в отставку с должности кадия, находясь «в нездоровом положении» и будучи «огорчён» этим...

Как мы писали ранее, последний по времени и известный исследователям биографии поэта документ, имеющий отношение к работе Эмина в качестве кадия, относится к сентябрю 1874 г. Но отставка его с этой должности, вероятно, произошла не ранее 1876 г. Так нам позволяют думать следующие обстоятельства.

Имеется документ об опекунстве кадия Кюринского окружного суда Магомеда-эфенди из Алкадара над младшей дочкой Эмина Муслимат после смерти поэта. Его в оригинальном виде (на арабском языке) мы впервые публикуем в приложениях к настоящему изданию¹. Согласно этому документу, опека завершилась в конце 1308 г. по Хиджре. То, что окончание опеки приходится именно на конец указанного года, подтверждает тот факт, что в этом последнем году опеки Магомедом-эфенди осуществлены траты на содержание Муслимат в том же объёме, как и в предыдущие годы. В соответствии с нормами шариата опека завершается в связи с совершеннолетием ребенка. Совершеннолетие девочки определяется наступлением половой зрелости, что в свою очередь считается свершившимся в любом случае, если ей исполнилось 15 лет или если она вышла замуж до этого возраста и при этом подтвердила мулле свою половую зрелость. Как следует из упомянутого документа, Муслимат в период опеки не вышла замуж, значит, её совершеннолетие наступило, как следует из документа, в конце 1308 г. по Хиджре в связи с достижением ею 15-летнего возраста. Простые расчеты показывают, что это соответствует рождению Муслимат в начале 1294 г. по Хиджре (в начале 1877 г. по григорианскому календарю).

Это означает, что весной 1876 г. её отец еще надеялся на своё выздоровление, имел планы на будущее и его физическое состояние ещё позволяло хотеть и иметь детей. Ушедший по болезни с должности судьи Эмин не решился бы завести ещё одного ребенка. Раз поэт решился на это, значит, весной 1876 г.

¹ Приложение №15.

он всё ещё имел надежды на поправку и, по всей видимости, всё ещё работал кадием.

С другой стороны, взгляды Эмина на природу царской власти кардинально изменились в 1877 г., когда на Северном Кавказе случилось восстание против неё.

Как мы покажем в том месте своего повествования, где речь пойдёт об этом восстании, до него Эмин в своих стихах, когда писал о проявлениях несправедливости со стороны власти, апеллировал к её человечности и великодушию. Но после этого события поэт настаивал на необходимости активного протеста против любого угнетения, так как пришёл к выводу, что апелляция к великодушию власти завоевателя – это всего лишь проявление наивности, а не способ освобождения от угнетения.

В то же время, в стихотворении «**Дуванбегдиз**» («Судье») [14, с.111], написанном после ухода Эмина с должности кадия, он обращается к вершителю правосудия – представителю царской власти со словами: *«Пусть это будет ради Аллаха, посмотри /ты/ в сторону пустой руки»* (Аллагь патал хьуй, ичИи гьилиз килиг). Иными словами, поэт просит власть в лице судьи посмотреть в сторону того бедного человека, у кого в руке нет ничего, что может послужить в качестве взятки, т.е. апеллирует к человечности и великодушию царской власти, что стало невозможно для него после восстания 1877 г. Эти рассуждения позволяют нам сделать вывод, что Эмин перестал быть кадием ещё до этого события – до восстания 1877 г.

Есть ещё один довод в пользу того, что поэт перестал быть кадием чуть раньше, чем произошло восстание. В том месте повествования, где будет рассказано о детях Эмина, мы покажем, что свою старшую дочь Кизхалум поэт выдал замуж не позже начала 1877 г. и в стихотворении «**Къавумдиз**» («Куму») [14, с.112], написанном по этому поводу, называет себя *«Етим Эмин /– это тот, кто/ слаб и /у кого/ нет здоровья»* (Етим Эмин, зайиф я, гьал авачир). Такое свидетельство поэта позволяет нам думать, что в начале 1877 г. он уже не был кадием, так как тот, кто «слаб», не мог быть кадием по нормам, которым в то время в Российской империи следовали при назначении кадиев и при их отстранении от должности [41, с.389].

Таким образом, мы приходим к выводу, что Эмин, вероятно, оставался в должности кадия в первой половине 1876 г. и уже не мог им быть в первой половине 1877 г. Следовательно, мы можем предположить, что поэт перестал быть кадием приблизительно во второй половине 1876 г.¹

¹ Сохранились отпечатки личной печати Эмина, которой он пользовался, будучи кадием Ялцуга, и печати коллегиального «Ялцугарского сельского суда», организованного в 1868 г., где с момента его организации и, вероятно, до 1876 г. председательствовал поэт. Изображения этих отпечатков нами приведены в Приложении №16 к настоящему изданию.

ОТ ОТСТАВКИ И ДО ВОССТАНИЯ

Потеряв здоровье, Эмин перестал быть кадием. Оказалось, что за более чем дюжину лет работы в этой должности он богатств не накопил. Вот для этого небогатого и больного человека начался новый этап его жизни – этап личных утрат.

Лишившись должности судьи, поэт попал в положение обычного лезгинского крестьянина, постоянно находящегося под гнётом несправедливости жизни. Эмин оказался под градом беспощадных «ударов» не только со стороны судьбы, но и сородичей, что заставляет Эмина по-новому смотреть на жизнь и это отражается на его поэзии: *«в поэтическую ткань его произведений врывается реальная личность автора, его действительные переживания, а вместе с ними и реальные приметы его времени»* [2, с.208].

Именно в этот период жизни поэта окончательно утвердилось зародившееся ранее новое направление его поэзии, связанное с объективизацией образа самого поэта, – появился новый лирический герой – Сирота (Етим) Эмин, символизирующий образ человека, чувствующего себя чужим по отношению к мировым порядкам и сиротой в окружающем его мире. Этот образ оказался огромным завоеванием поэта на пути реалистического отображения действительности. Но, как писала литературовед Ф. И. Вагабова, *«едва ли завоевания Эмина-художника хоть сколько-нибудь компенсировали утраты Эмина-человека»* [2, с.208].

Ведь утраты у Эмина-человека были реальными и невозполнимыми. О таких утратах рассказывает А. Г. Агаев в предисловии к сборнику стихов Эмина, изданному им в 1960 г. Там он пишет, что когда поэт сильно захворал и оставил должность кадия, против него ополчились родственники во главе с его братом Меликом [6, с.23]. Под разными предложениями они начали

растаскивать и присваивать себе имущество тяжело больного человека. Видимо, изъятие у больного его имущества часто оформлялось разными решениями «Ялцугарского сельского суда», где ещё недавно сам Эмин председательствовал. Об этом красноречиво свидетельствует стихотворение «*Дуванбегдиз*» («Судье») [14, с.111]. В его первой строфе Эмин обращается к вершителю правосудия с просьбой: «*Пусть это будет ради Аллаха, посмотри /ты/ в сторону пустой руки*» (Аллаг патал хъуй, ичИи гъилиз килиг), т.е. поэт просит посмотреть в сторону того бедного, у кого в руке нет ничего, что может послужить для судьи в качестве взятки. Во второй строфе он продолжает:

Ваз чида зун, гьалар зи ваз аквада,
Хеб хъиз я зун жанавуррин арада...
(Ты меня знаешь, /а теперешнее/ состояние моё увидишь:
Я как овечка среди волков...)

и далее:

Жафа я хьи, жувал са гъахъ алачиз,
ИкI тарашун, даях-арха галачиз...
(Трудно же, когда ты ни в чём не виноват,
А тебя грабят, и нет у тебя поддержки
со стороны родичей...)

Тот, кто совершал «правосудие», был хорошо знаком Эмину, и потому он говорит судье: «*Ты меня знаешь*» (ваз чида зун). По всей видимости, это указание на то, что кадием стал кто-то из «простых» судей, работавших с ним, когда он был председательствующим в суде. Уточним: «простые» судьи в судах появились после 1868 г., когда «шариатские суды», состоявшие лишь из одного кадия, в Дагестане были заменены на «сельские суды», состоящие из нескольких «простых» судей и кадия в качестве председательствующего в судебном заседании. Как бы там ни было, знакомый Эмину судья «*ради Аллаха*» не стал смотреть в сторону того, у кого «пустая рука». Он подтвердил поэту справедливость лезгинской пословицы о том, что «*ради Аллаха даже кошка мышку не поймает*», и грабёж имущества Эмина его родственниками и на этот раз получил одобрение алчного кадия...

Можно обоснованно предположить, что Эмин в своих произведениях оставил намек на имя нового, алчного кадия, кто участвовал в грабеже поэта. Этот намек содержится в третьей строфе стихотворения «**Къязи**» («Кадий») [14, с.110]:

Виртедин кьеч гъайла квализ,
Шариатар физва гъуьлуьз,
Са касдин паб маса гъуьлуьз
Дугуруз-рахкуриз, къязи.
*(Когда горшок с мёдом принесут домой,
Законы шариата уходят прочь (в море),
Жену одного замуж за другого
То выдаешь /ты/, то вновь разводишь, кадий.)*

Здесь речь идет о кадии – любителе мёда, который за взятку в виде такого «натурального продукта» всегда готов законы шариата выкинуть «в море».

Конкретный представитель правосудия, любивший мёд и работавший с Эмином в качестве «простого» судьи, указан в стихотворении «**Вирт квахъайдаз**» («Мёд утерявшему») [14, с.114-115]. Оно было опубликовано впервые в сборнике стихов Эмина, изданном в 1948 г., и приводилось с комментарием М. М. Гаджиева [42, с.44]. В комментарии отмечено, что больному Эмину знахари рекомендовали медолечение. Зная, что у односельчанина Тахира есть мёд, он отправил к нему человека с деньгами, чтобы купить немного мёда. Говорят, Тахир постеснялся продать Эмину мёд, но и душевной щедрости не хватило у него, чтобы бесплатно подарить его больному человеку. В результате посыльному он сказал: «*Больше нет мёда, кончился*». А сам, когда посыльный ушёл, сказал жене: «*Раз так получилось, что Эмину мёда не дал, поди, жена, принеси кувшин: сами отведаем и заодно посмотрим, сколько там мёда ещё осталось*». Жена принесла кувшин, а он оказался пустым. Оказывается, место, где был спрятан мёд, знал слуга, который потихоньку, тайком от хозяина весь мёд и съел.

Эта история стала предметом рассмотрения суда, подробности её, в том числе о том, что Тахир пожалел дать мёд больному другу, узнал Эмин, который в тот момент был кадием, под председательством которого это дело должно было рассматриваться. По мотивам этой истории поэт написал упомянутое шутовское стихотворение «**Вирт квахъайдаз**» («Мёд утерявшему»), из текста которого следует, что Тахир и сам

был судьей. Об этом говорит следующая строка стихотворения: «Вуна хиялна: ...суду хьуналди ви кІвализ чуьнуьхдайди къвеч лагъана» (*Ты подумал: ...раз ты судья, то в твой дом вор не заявится*).

Значит, написано стихотворение после утверждения 26 апреля 1868 г. наместником царя на Кавказе «Проекта положения о сельских обществах и общественном управлении и повинностях государственных и общественных в Дагестанской области», согласно которому шариатские суды, состоящие из одного кадия, преобразовывались в сельские суды, где дела должны были рассматривать в коллегиальном составе – под председательством кадия и при участии нескольких «простых» судей. Так в Дагестане после 1868 г. наряду со словом «кадий» появилось слово «судья», которое в стихотворении Эмином применено в адаптированной к лезгинскому языку форме «суду». Видимо, Тахир был одним из таких «простых» судей. Согласно преданию перед заседанием суда по этому делу о «пропавшем» мёде Эмин как председательствующий в заседании кадий зачитал судьям, вместе с которыми он должен был рассмотреть дело, стихотворение **«Вирт квахъайдаз»** («Мёд утерявшему»), где есть строфа, оправдывающая «вора»:

Етим Эмин саймиш тийиз, вун паталди рахайла, на,
Авачир са акьул гана, «им акьул я» лагъайла, на
Гьар жуьреда кьинер къадай, яр-дуст гьенел атайла, на,
Бес жечни ваз ихьтин хифет, ви дустариз тагайла на?
Дуьз дуван им хьайтIа эгер, тухвайдаз гьалал хьана хьи.
(Ты не признавал Етима Эмина,
когда он для твоей пользы говорил,
Когда с тобой делился своими знаниями
и тебе говорил: «Это – знание»,
Разные клятвы ты произносил,
когда к твоему дому приходили друзья,
Как же не быть такому твоему горю,
если друзьям ты не дал /мёд/?
Если это будет справедливый суд,
то для вора случившееся является «дозволенным».)

В пятой строке этой строфы Эмин пишет: «Если это будет справедливый суд, то для вора случившееся является «дозволенным». Значит, перед «простыми» судьями Эмин как кадий высказывает свое мнение о том, что пожалеть и не дать мёд нуждающемуся в нём другу – это большее преступление,

чем красть мёд у столь жадного человека, что кражу у него превращает в «дозволенное» деяние.

К тому же в первых четырех строках вышеприведённой строфы Эмин рассказывает, по сути, о дурном нраве Тахира. Видимо, тот называл себя другом Эмина, когда поэт занимал должность кадия. Но Эмин не отвечает ему тем же – в стихотворении «Вирт квахъайдаз» («Мёд утерявшему») он не стал называть Тахира «другом» (дуст), а назвал насмешливо «приятелем» (ашна)¹. Ничего другого, что можно было бы интерпретировать как проявление уважения поэта к герою произведения, в стихотворении нет. Это стихотворение о «просто» судье Тахире – любителе мёда Эмин написал, вероятно, в 1868–1876 гг., когда ещё был кадием.

Упоминание в стихотворении «**Къази**» об алчном кадии, о его любви к мёду и упоминание о любви Тахира к мёду, а также намёки Эмина на его алчность, содержащиеся в стихотворении «**Вирт квахъайдаз**», являются, видимо, как-то связанными. Вероятно, они свидетельствуют о том, что именно Тахир после Эмина стал кадием в Ялцуге. А называл он себя официально Гаджи-Тахиром в силу того, что посещал Мекку.

Как известно, имена посетивших Мекку с добавлением титула «Гаджи» Эмина особо не смущали. Очевидно, ему была известна лезгинская пословица о том, что «Из-за посещения Мекки верблюд не становится святым» (Меккадиз финалди деведикай гъажи жедач). Тем более он по жизненному опыту хорошо знал цену многим носителям чалмы – признака «святости» (совершившие паломничество тогда носили чалму). Ему также было известно, что самый знаменитый и самый святой для него и для многих других кюринец Магомед Ярагский не носил чалму, не добавлял к своему имени слово «Гаджи», так как не совершал паломничества в Мекку и не пытался это сделать.

Вот когда Эмин сам столкнулся с «правосудием» таких «святых», носящих чалму, когда почувствовал то бесправие, которое постоянно испытывают лезгинские крестьяне, лирический герой поэта Сирота Эмин окончательно встал на пози-

¹ В личном архиве Г. М. Садыки нами найден вариант этого стихотворения, где вместо обращения к Тахиру «эй, зи ашна» (эй, мой приятель) используется обращение «эй, зи азиз» (эй, мой дорогой), что более соответствует характеру Эмина, чем вариант «эй, зи ашна» (эй, мой приятель). В любом случае Тахира он «другом» не называет...

ции человека, который сочувствует обездоленным и стремится помочь им. Именно с этих позиций написаны лучшие произведения гражданской лирики поэта, именно с этих позиций смотрит на общественное устройство его лирический герой.

Одно из таких стихотворений, где он определяет свой взгляд на современное ему общественное устройство с позиций человека, который сочувствует обездоленным и стремится помочь им, – это стихотворение «**Гъарай, эллер!**» («Взывайте, люди!») [14, с.132]. Оно, пожалуй, одно из самых выдающихся произведений не только в его, но и во всей лезгинской гражданской поэзии. Потому приводим его здесь целиком с параллельным дословным переводом на русский язык:

«Гъарай, эллер!» («Взывайте, люди!»)

Гъарай, эллер, пис ксариз
Ажеб дунья хъанавачни!
Дугъри ксар дуньядикай
Хуп! гуьгуьлар ханавачни!
(Взывайте, люди, мерзавцам
Этот дивный мир отдан!
А честные этим миром
Уж больно разочарованы!)

Лагъайла, яз¹ кылиз сирих,
Ахпа жез дуньядихъ къаних,
Фагъирд балк!ан ийиз чуньух,
Квез маса гъайван амачни?
(Когда скажешь /о ваших грехах/
/вы/ сразу надеваете на голову чалму,
Потом, /опять/ становясь жадными до всего мирского,
Крадёте лошадь бедного, –
Неужели /для этого/ другого животного не нашлось?)

Залумдин нефс хуп! екеда;
Шумуд гъарай гваз хкведа,
Тарашна, лугъуз, уьлкведа, –
Хуп! гъарай-афгъан авачни.
(У деспота жадность уж больно велика;
Сколько же возвращающихся /со всех сторон/
с криками о помощи,
С /вестями/ об ограблениях в стране, –
Сколько же /кругом/ крика и стона?)

¹ Яз – краткая форма слова «ягъиз».

Чал алайди вуч къаза я?
Хуп! дарман тежер суза я!
Им чѣхи касдиз арза я.
Агакьуниз фарман авачни?
*(Что за беда нависла над нами?
Нет лекарства, могущего унять /этот/ стон.
Это – самому главному жалоба.
Есть ли указание, чтобы /она/дошла?)*

Тахсир вуч хьуй, Эмин ик! куз?
Гъар вахтунда квалер атлуз,
Гъиле къуна, «зав гвач» лугъуз,
Хуп! кесибар канавачни!
*(В чём вина Эмина, чтобы его так терзать?
Постоянно грабя,
/Награбленное/ держа в руке, но говоря «у меня нет»,
Как же /такими/ бедняки замучены!)*

Это произведение имеет строгую логику и чёткий ряд образов, которые позволяют однозначно понять, где «свои» и где «чужие» для Эмина.

Первая строфа говорит о том, что окружающий мир принадлежит мерзавцам («пис ксариз... дуйнья хъанавачни»), а честные, благородные души этим миром только разочарованы («дугъри ксар дуйньядикай хуп! гуьгъуьлар ханавачни»).

Вторая строфа дает первый и самый заметный отличительный признак правящих миром мерзавцев – демонстративная религиозность, заключающаяся в публичном ношении чалмы («сирих»). Чалму тогда носили мусульмане, побывавшие в Мекке, и как правило, это были представители духовенства и феодалы. Поэт говорит: когда мерзавцам указываешь на их делишки, они тебе сразу показывают на свою чалму («лагъайла, яз къилиз сирих»), тем самым, как бы утверждая, что они – «святые», с них всё «списано». Но тут же забывают про неё и опять начинают грабить («ахпа жез дуйньядихъ къаних») (потом, /опять/ становясь жадными до всего мирского); «залумдин нефс хуп! екеда» (уж больно велика жадность деспота), т.е. внешним признаком «хозяев жизни» Эмин определил наличие чалмы, символизирующей демонстративную религиозность, за которой скрываются жажда наживы, угнетение (эксплуатация) бедных и несправедливость. Потому для Эмина носитель чалмы – «чужой».

А где в обществе, разделённом на «мерзавцев» и «чистых», Эмин видит себя? В четвёртой строфе он говорит от лица тех, кто живёт под гнётом: «ЧАЛ алайди вуч къаза я?» (*Что за беда НАД НАМИ нависла?*), т.е. он причисляет себя не к тем, кто ходит в чалме, кто грабит, кто властвует, а к тем, кого они угнетают. Угнетённые для поэта – «свои».

А есть ли лекарство от горя, связанного с несправедливостью и гнётом, господствующими в мире? Религиозный человек ответил бы: «Да, это – вера в бога и вера в загробную жизнь!». Но Эмин мыслит категорично: этим страданиям нет конца и против них нет лекарства («ХупІ дарман тежер суза я!») (*Нет лекарства, могущего унять /этот/ стон!*).

Эмин сомневается, что Господь им поможет. Он считает, что его стих – это обращение к Нему, но не уверен, что оно до него дойдёт («Им чЕхи касдиз арза я. Агакъуниз фарман авачни?») (*Это – самому главному жалоба. Есть ли указание, чтобы /она/ дошла?*). Если бы поэт обращался к земному начальству, то жалобу можно было бы отправить письмом, т.е. известным способом, и не было бы сомнений, что она дойдёт до адресата. Эмин же высказывает сомнение по поводу того, что есть «указание», чтобы жалоба дошла до главного «начальника». Для религиозного человека Бог есть главный и единственный «начальник» и он уверен, у него есть такой способ доведения своих жалоб и просьб до «начальника» – как молитва. Эмин же сомневается в том, что молитвы угнетённых дойдут до адресата – до Бога, сомневается, что есть «указание» с Его стороны, чтобы они дошли до него. Разве это не является поэтическим воплощением известного высказывания Магомеда Ярагского о том, что «*молитвы рабов не будут услышаны*»?!

В последней строфе рассматриваемого стихотворения Эмин даёт указание на социальный статус «честных и благородных душ» («дугъри ксар»). Для него теми «честными и благородными» людьми, кто противостоят «мерзавцам» и кому он сочувствует, являются бедняки («ХупІ кесибар канавачни!») (*Как же бедняки замучены!*)

Таким образом, для Эмина того периода, когда он перестал быть судьей, мир стал состоять из мерзавцев-хозяев жизни (духовных лиц и феодалов) и угнетённых благородных людей (бедняков). Страданиям благородных нет конца, и для них нет даже утешения («дарман»), хотя ислам приводит в качестве утешения веру в загробную жизнь. Эмин и на это не надеет-

ся, так как не уверен, что стоны честных и благородных кто-то услышит где-либо, даже на небесах. Такова участь бедняков, к которым Эмин относит и себя.

В силу того, что стихотворение «Взывайте, люди!» является ключевым стихотворением для понимания мировоззрения Сироты Эмина, в конце его анализа мы приводим для русскоязычных читателей его поэтический перевод на русский язык, осуществленный поэтом Арбеном Кардашем.

ВЗЫВАЙТЕ, ЛЮДИ!

*Взывайте, люди! Этот мир
Злодеям дан в усладу. Так ведь?!
У тех, кто беден, гол и сир,
Сей мир украл отраду. Так ведь?!*

*Иной надел чалму и рад
Считать, что он безмерно свят.
Сам кляч у тех, кто жизнью смят,
Уводит – конокрад он. Так ведь?!*

*Предела жадности твоей
Вовек не будет, лиходей.
О грабежах не счесть вестей
В стране, лишенной лада. Так ведь?!*

*Доколе будем мы страдать?
Боль нашу некому унять.
Мы от царя на злую рать
Управы ждём с досадой. Так ведь?!*

*Етим Эмин виновен в чём?
Опять его ограблен дом.
Вор, пойманный, не под судом...
Жизнь бедных – хуже ада! Так ведь?!*

...Эмин, конечно, не был марксистом, но, в отличие от своих предшественников-ашугов, из-за бедственного положения народных масс проклинавших отдельных ханов и беков, он восстал против всей системы организации современного ему общества.

На это отличие взглядов Сироты Эмина от взглядов ашугов указывал литературовед Г. Г. Гашаров следующим образом: «В поэтических раздумьях *Етим Эмин с большим мастерством*

и глубокой проникновенностью развивает демократические традиции своих предшественников. Если ашуги – Режеб из Ихрека, Эмин из Ялцуга, Саид из Кючхюра, Лезги Ахмед – социальное зло видели главным образом в деспотизме ханов, беков, обрушивали на их головы поток проклятий, то Етим Эмин уже в новую эпоху восстает против всей общественной системы, в которой «козни плетут, честь предают: нет правды нигде, нет счастья в труде; куда не пойдешь – господствует ложь» [43, с.74]¹.

В таком состоянии душевного протеста, с пониманием того, что вся система власти порочна, тяжело больной и «общипанный» родней, но обладающий крепостью духа и огромным масштабом таланта, Эмин подошёл к кульминации своей жизни – к восстанию горцев против царской власти.

Оно произошло в 1877 г. в местах расселения лезгин на берегах Самура и в местах обитания других горцев севернее Лезгистана. Это восстание было серьёзным событием народной жизни, имеющим связь с ходом войны того времени между Россией и Турцией.

Крайняя бедность большей части горцев, находившихся под двойным гнетом местных богачей и царских чиновников, и провокации турецких властей и их эмиссаров привели к тому, что тогда на Северном Кавказе вспыхнуло восстание, в конечном счете в интересах Турции, в результате которого погибло много людей с обеих сторон.

Восстание в Лезгистане было коротким – всего несколько месяцев на стыке лета и осени 1877 г. В силу того, что формально оно было направлено против власти русского царя, установленной относительно недавно силой оружия, его в Кюре многие воспринимали как акт «национального освобождения». До этого восстания «*притеснителям отчизны ашуги сулили божью кару и кровавое возмездие*» [2, с.230], а Эмин, понимая всю порочность системы власти, тем не менее, апеллировал к человечности и великодушию завоевателя. Но после него поэт настаивал на необходимости активного протеста против национального и колониального угнетений, вообще против любого угнетения, так как пришел к выводу, что апелляция к великодушию угнетателя – это всего лишь проявление наивности, а не способ приобретения свободы.

¹ Здесь Г. Г. Гашаров приводит слова из стихотворения Эмина «Пагь, чи уьмуьрар...» (Ах, наши жизни...) [14, с.141-142].

И что интересно, никто из зачинателей литератур других дагестанских народов – ни Йирчи Казак, ни Омарла Батырай, ни кто-либо ещё, будучи современниками Эмина, не освещал в своём творчестве это историческое событие – восстание горцев 1877 г. И лишь Эмин из всех дагестанских классиков поэзии оказался способным к философскому осмыслению и освещению этого восстания, причём заняв позицию свободолюбивого человека. Не эта ли позиция Эмина по отношению к восстанию 1877 г. стала причиной дальнейшего разорения, обнищания и трагического одиночества поэта в последние годы его жизни?

Да, много горя принес 1877 год Эмину и его народу. Но, *«не рискуя впасть в ошибку, скажем – этот год решил и вопрос бессмертия Этима Эмина»* [2, с.223]. Его бессмертие – в его шедеврах гражданской лирики, созданных им во время восстания и после него.

Поэт оставил несколько стихотворений, посвященных непосредственно этому исключительному событию в жизни горцев: **«Наиб Гьасаназ»** («Наибу Гасану») [14, с.177-179], **«1877-йисан бунтариз»** («Бунтам 1877 г.») [14, с.183-184] и **«Фэгьумна за гьар жуьре гьал»** («Размышлял я по-разному над положением дел») [14, с.185-186]. По всей видимости, в приведенном хронологическом порядке они и были сочинены поэтом. Они показывают то, как со временем эволюционировало его отношение к восстанию.

В виде послания **«Наибу Гасану»** Эмин нам оставил, как писала Ф. И. Вагабова, *«первую во всей лезгинской поэзии и единственную свою поэму»* [2, с.224]. Эта поэма была адресована Гасану-эфенди из Алкадара. В этой поэме Эмин такими словами выразил своё отношение к восстанию:

Бунтар авур члавуз еке,
Члур хьана чи гьар са уьлкве...
Къупарламиш хьана эллер,
Буьтуьн далда хьана чуйллер...
*(Когда подняли большое восстание,
Разрушился каждый уголок нашей земли...
Взбудоражились люди,
Одним большим укрытием стала пустошь...)*

Здесь нужно понимать, что Эмин знал свое место в общественном сознании, знал, что его слова дойдут до властей, и поэтому в этом стихотворении в какой-то степени пытался огоро-

дить народ от мстящей жестокости власти, для чего включил в него слова, которые могли быть восприняты властью как выражение народом (устами своего поэта) своего сожаления по поводу случившегося. Можно сказать, в этом стихотворении поэт всё ещё апеллировал к великодушию царской власти.

Но когда Эмин увидел то, с какой жестокостью прошла эта власть по виноватым и невинным, по всему Лезгистану, он всецело встал на сторону восставших и написал в стихотворении «**1877-йисан бунтариз**» («Бунтам 1877 г.») строки, которые возвысили его над временем и оказались пророческими для судьбы царской власти в Российской империи:

Урусатдин кIеви зулум
Са кьуз вичиз жеда кьалум.
Стха, вуна ая фагьум,
Гьар садаз успат хьана хьи.
(Жестокое насилие /царской/ России
В один день к ней самой вернется.
Брат, ты подумай,
Это же стало очевидным для каждого.)

Тут Эмин говорит о том, что тирания рано или поздно приведёт к реальной и большой революции, которая низвергнет царскую власть (очевидно, под термином «Урусат» (Россия) поэт имеет в виду власть в лице всех тех карателей, которых лицезрели лезгины после восстания), и восстание 1877 г. покажется тогда царизму «мелочью». Чем же не пророческое предсказание революций 1917 года?! К тому же он утверждает, что изначальная порочность существующей власти стала очевидной «для каждого» после того, как люди увидели её методы подавления восстания 1877 г. По крайней мере, для самого Эмина эта порочность власти без всякого сомнения стала очевидной.

Но изменить что-то прикованный к постели поэт не мог. Он только словом мог поддержать участников восстания. Поэтому в стихотворении «Фагьумна за гьар жуьре гьал» («Размышляя я по-разному над положением дел») Эмин каждому заметному участнику этого события, репрессированному царскими властями, нашел добрые слова и открыто выразил своё восхищение их поведением в дни восстания, что в тех условиях было открытым вызовом власти со стороны тяжело больного поэта. Жестокость царской власти, проявленная при подавлении восстания, превратила Эмина в поэта-бунтаря. Только бо-

лезнь, думаем, спасла его от тогдашней карательной системы – арест прикованного к постели любимца народа для царской власти был чреват большими, как нынче говорят, «репутационными потерями». На это власть догадалась не пойти...

Тут вспоминается общеизвестный случай с Пушкиным. Когда после восстания декабристов в 1825 г. царь Николай I встретился с великим русским поэтом и спросил у него о том, принял бы он участие в восстании, если был бы в это время в Санкт-Петербурге, говорят, Пушкин ответил: *«Неизбежно, государь, все мои друзья были в заговоре, и я был бы в невозможности отстать от них. Одно отсутствие спасло меня...»*

Как Пушкина спасло от охраны его отсутствие в Санкт-Петербурге во время восстания 1825 г., так и Эмина спасла от царских карателей его прикованность к постели во время восстания 1877 г. Если бы не эта страшная болезнь, поэт *«был бы в невозможности отстать»* от активных участников восстания 1877 г. и *«неизбежно»* был бы репрессирован вместе с ними.

Эмин пережил восстание, но для него лично оно всё же имело катастрофические последствия: самые образованные и близкие ему люди подверглись казни и репрессиям, и он остался без друзей и без интеллектуальной среды, в которой привык жить.

Естественно, и власть в Кюре после восстания стала другой. До него, в 1874–1877 гг. начальником Кюринского округа был грузинский князь полковник Иван Давыдович Орбелиани. Это был человек благородный, ценящий образованность и порядочность людей. Наглядный пример тому – его участие в судьбе Гасана-эфенди, когда того сразу после восстания заключили в Дербентскую тюрьму. Князь, уже переведенный на работу из Кюры в другое место – в Гуниб, посчитал нужным написать поручительство за Гасана-эфенди наместнику царя на Кавказе. Вот что об этом писал сам Гасан-эфенди: *«Влиятельным чиновником, помогшим мне освободиться под свое поручительство из-под стражи... во время заключения меня в тюрьму, был грузинский князь из Тифлиса Иван Давыдович Орбелиани»* [17, с.125]. Из тюрьмы Гасана-эфенди тогда под поручительство князя освободили, но затем все равно отправили в ссылку. Однако из-за этого зигзага судьбы Гасана-эфенди сам поступок князя Орбелиани, поручившегося,

несмотря на возможные последствия для своей карьеры, за сидевшего в тюрьме бывшего наиба Южного Табасарана, не становится менее благородным поступком.

До этого первым начальником Кюринского округа в 1862–1874 гг. был русский офицер Александр Леонтьевич Гиренков. Как мы до этого писали, это он позвал просвещенных и незапятнанных людей Кюры во власть, благодаря чему Эмин стал востребованным в обществе человеком.

Пришедшим к власти в Кюре в 1877 г. (после восстания) вместо благородного князя Орбелиани, думавшего о благоприятной для населения службе, был тифлисский армянин Иван Моисеевич Аствацатуров. Он ещё в 1872 г. стал помощником начальника Кюринского округа, но, когда в округ пришел князь И. Д. Орбелиани, его перевели в Аварский округ, и там он стал «исполняющим должность»¹ начальника округа. После восстания он был переведен обратно в Кюру, где стал начальником округа.

Если для бывших начальников Кюринского округа А. Л. Гиренкова и И. Д. Орбелиани Гасан-эфенди в своей книге «Диван аль-Манун» находит много тёплых слов, то для действовавшего в момент её написания начальника округа И. М. Аствацатурова он не находит ни одного. И это не случайно. Новый начальник, видимо, не особо любил просвещённых людей – при нём дорога во власть, открытая при А. Л. Гиренкове, стала для них очень узкой: те исключительные в истории лезгин 15 лет с 1862 по 1877 год, когда во власть звали просвещённых горцев, канули в Лету.

Это еще при И. М. Аствацатурове, а не сегодня, власть в Кюре стала инструментом для «бизнеса» власть имущих. Он преуспел в этом, формально «побочном» для власти деле: за время службы в Кюринском округе он стал владельцем крупных земельных угодий под Дербентом, в этом городе построил «огневой завод» (для утилизации остатков от виноделия), совместно «с другими местными предпринимателями» выкупил у казны ртутные рудники в селении Гапцах [44, с.70].

Царские власти, очевидно, знали, что новый начальник Кюринского округа живет не только «службой». Потому ему долго не присваивали очередные звания: он с 1877 г., как стал начальником Кюринского округа, и до 1897 г., когда покинул

¹ Тогда говорили не «исполняющий обязанности», как сейчас говорят, а говорили «исполняющий должность».

эту должность, «поднялся» от звания «майора» лишь до звания «подполковника», в то время как А. Л. Гиренков за 12 лет службы в этой должности – за 1862–1874 гг. – «поднялся» со звания «майора» до звания «генерал-майора». Вот такое новое «лицо»¹ с коммерческой «жилкой» появилось у власти в Кюре после восстания 1877 г. «Лицо» у власти поменялось, но проблемы кюринского общества остались прежними, они даже усугубились.

В такой обстановке, когда «язвы» общества стали кровоточащими, Эмин в творческом плане встал на путь осмысления действительности и поиска путей разрешения общественных проблем. На этом пути поэт своим умом и житейским опытом впервые в лезгинской истории осознаёт, что только объединённые выступления бедных в своих осознанных интересах могут дать желаемые результаты. Об этом он пишет, в частности, в стихотворении «**Дуьнья гургьагур**» («Беспорядочный мир») [14, с.135], где есть такие строки:

Фагьум ая, стха, вунни хьухь устлар,
Нехирбанни чубан хьайила дустар,
Чанах-чанта, санал вегьин я къастар,
Къведни санал хьайла, чан я дуьньяда.
(Подумай, брат, ты тоже стань мастером
/разрешения житейских проблем/,
Когда скотник и чабан станут друзьями,
Когда /у них/ будет желание объединить свою утварь,
Когда они будут вместе –
это /объединение/ будет основой мира.)

После жестокого подавления восстания Эмин становится глашатаем активного сопротивления любому угнетению. Там, где нет социальной справедливости, считает поэт, там нет и свободы. Для Эмина, выросшего под влиянием учения Ярагского о «свободе человека», социальная справедливость и есть свобода. Для него становится идеалом тот человек, кто готов пожертвовать собой ради социальной справедливости, т.е.

¹ Правда, сын этого начальника Кюринского округа Михаил Иванович Аствацатуров (1878–1936), родившийся в Дербенте, не пошел по стопам отца – не стал коммерсантом во власти, а стал учеником знаменитого академика В.М. Бехтерева, в 1908 г. – доктором медицинских наук, после революции – одним из выдающихся нейрохирургов в СССР, с 1917 г. до самой смерти в 1936 г. возглавлял кафедру нервных болезней Военно-медицинской академии.

ради свободы. Вот как Эмин пишет о найденном им после восстания идеале в стихотворении «1877-йисан бунтариз» («Бунтам 1877 г.») [14, с.183-184]:

Кыиникь са затI туш хьи акьван, –
Адалат чаз хьана масан.
(Смерть ведь ничто,
/Когда/ свобода – наша вожденная мечта.)

Это восстание создало поэта-бунтаря, творчество которого приобрело высокий гражданский и революционный накал. Многие знакомые поэта, не желая попасть в опалу, после восстания стали избегать контактов с Эмином.

По сути, поэт, занимая активную позицию во время восстания и после него, пожертвовал своей жизнью, считая, что *«смерть – ничто, когда свобода – наша вожденная мечта»*. Тяжело больной поэт с такой позицией, привыкший быть нужным людям и быть в их среде, в результате восстания 1877 г. оказался практически в полном одиночестве, которое он переносил, очевидно, гораздо тяжелее, чем неизлечимую болезнь. Только любимая жена Тукезбан осталась вместе с ним. После этого восстания в жизни Эмина начались последние и самые страшные неполных три года...

БОЛЕЗНЬ

Состояние полного одиночества, в котором поэт оказался после восстания 1877 г., усугубило его болезнь, начавшуюся в 1871 г., когда он, случайно споткнувшись, упал на камни и поранил колено. Она, болезнь, в последние годы жизни поэта после восстания, вероятно, уже не отпускала его из своих страшных «объятий» ни днём, ни ночью. Она стала его постоянной и страшной спутницей.

Для понимания характера великого поэта, для понимания его отношения к жизни, а иногда и смыслов его некоторых произведений большое значение имеет понимание того, чем и как он болел и во что превратилась его жизнь в плену болезни.

По поводу того, что это был за недуг, который свёл молодого поэта в могилу, достоверно практически ничего не известно. В литературе встречаются четыре версии.

Первая версия была изложена филологом М. М. Гаджиевым в сборнике стихов Эмина, изданном им в 1941 г. Со слов внука поэта он в предисловии к сборнику написал, что Эмин болел «проказой» («жузам» по-лезгински) [24, с.7] – тяжелой кожной заразной болезнью.

Две другие версии изложил А. Г. Агаев в своей монографии 1958 г. об Эмине и его творчестве. В качестве одной возможной болезни, которой мог заболеть Эмин, он указал заразную болезнь, известную лезгинам под названием «суйзенек», а в качестве другой возможной болезни – неизвестную болезнь, которой по слухам поэт заболел после того, как *«уронил на ногу камень, когда кому-то строил дом»* [12, с.32].

Четвертую версию болезни предложил известный собиратель наследия Эмина Г. М. Садыки. Он высказал предположение, что поэт упал и поранил ногу, после чего рана долго не заживала, и она «превратилась» в слоновость [13, с.14] – в болезненное утолщение кожи и подкожной клетчатки.

Имеем ли мы право, не являясь специалистами в медицине, высказаться определённо об этих предполагаемых болезнях поэта? Думаем, что имеем, правда, лишь в той мере, в какой это позволяют сделать сведения из произведений поэта и элементарная логика, которая должна быть при любых рассуждениях о причинно-следственных связях между очевидными явлениями.

Сегодня нам достоверно известно, что поэт умер в результате долгой и тяжелой болезни. В его произведении **«Завуч ийин, аман, Ребби?»** («Что мне делать, скажи, о Боже?») [14, с.192-193] есть строфа, которая может помочь нам приоткрыть завесу тайны над болезнью Эмина. Вот эта строфа:

Жув ажуз я беден зурзаз,
Дустар къведа гьалар жузас:
«Ихьтин азар акунач чаз».
За вуч ийин, аман, Ребби?
(Я слаб, тело охвачено холодной дрожью,
Друзья приходят проведать /и говорят/:
«Такую болезнь мы не видели».
Что мне делать, скажи, о Боже?)

Из этой строфы можно сделать два важных вывода. Первый вывод: в те времена не было известно, какая болезнь поразила поэта, — его современники, как и он сам, не могли по симптомам понять, что это была за болезнь. Этот вывод из стихотворения позволяет нам отбросить три из четырех версий болезни — заразные болезни «жузам» и «суьзенек», а также слоновость. Эти болезни тогда были известны, они имеют ярко выраженные внешние признаки. Если бы Эмин болел хоть одной из них, её явные симптомы не позволили бы его друзьям сказать: «Ихьтин азар акунач чаз» (*Такую болезнь мы не видели*). Следовательно, Эмин не болел ни названными заразными болезнями, ни слоновостью — их очевидные симптомы нельзя скрыть.

Версия о том, что Эмин болел некой заразной болезнью, вероятно, родилась из того факта, что влюбленные друг в друга Эмин и Тукезбан достаточно долгое время по тем временам оставались неженатыми. По этой причине уже после смерти поэта возникли слухи, что, мол, Эмин стеснялся какой-то заразной болезни, которой болел, и потому долго не решался жениться на возлюбленной. Современные данные о жизни Эмина

не делай, любимая!» То есть Эмин этими словами проявляет заботу о её репутации как замужней женщины.

Именно имея в виду это – заботу о репутации Тукезбан, – через одну строфу после вышеприведенной Эмин пишет:

Чи арада авай маса инсандин
Риклиз зи дерт вуна ашкар имир, яр.
(Душе другого человека, кто между нами,
Ты не делай известной мою печаль, любимая.)

Очевидно, здесь человек, кто между ними, – это муж Тукезбан, и поэт просит её, чтобы она не говорила о его страданиях от разлуки с ней своему мужу. Опять беспокоится о её репутации...

Как бы там ни было, Эмин прожил с женой около 18 лет, они совместно родили детей, и на семье никак не сказалась предполагаемая заразная болезнь, которой на самом деле не было.

...Но вернемся к первой строке выше нами приведенной строфы стихотворения **«За вуч ийин, аман, Ребби?»**. В ней есть указание на один симптом болезни Эмина. Поэт пишет, что из-за болезни его тело охвачено *«холодной дрожью»* («беден зурзаз»).

Когда тело человека охватывает «холодная дрожь» («озноб»)? Согласно современным медицинским справочникам, основными причинами озноба являются: сильное переохлаждение, простудные заболевания или ОРВИ, инфекционные заболевания, эндокринологические нарушения, эмоциональное перенапряжение или стресс, вегетососудистая дистония, резкое изменение уровня артериального давления и некоторые другие, сугубо женские болезни.

В случае Эмина известно, что болезнь, вызывавшая у него озноб, началась после ранения колена, полученного 16 июля 1871 года при случайном падении на землю. Избавиться от последствий этого ранения поэт не смог – рана так и не зажила, Эмин начал постепенно угасать, часто его тело охватывалось холодной дрожью. И продолжалось это 9 лет.

С нашей точки зрения, холодная дрожь, вероятнее всего, указывает на то, что в организм Эмина через рану попала какая-то инфекция, которая начала постепенно разрушать его тело изнутри и в конечном счёте доконала поэта, не имевшего возможности лечиться. Ведь много лет после его смерти в наро-

де ходила молва о том, что его досрочно выписали из Дербентской больницы из-за того, что он не смог купить необходимые лекарства для собственного лечения.

Думаем, из этих фактических обстоятельств и симптомов болезни и появилась версия о неизвестной болезни, возникшей после «падения камня на ногу» поэта при строительстве какого-то дома.

Наш анализ позволяет исключить все имеющиеся в литературе версии о болезни Эмина и остановиться на пока неустановленной болезни, которая, вероятно, была связана с инфекцией, проникшей в его организм, и у которой симптомом была холодная дрожь в теле больного. Больше сказать о болезни Эмина, не будучи специалистами в медицине и не имея конкретных данных о болезни, мы не можем, ибо высказывания о болезни поэта, выходящие за рамки общих рассуждений, с нашей стороны были бы безответственными.

...Эмин на глазах у жены угасал из-за болезни. Он был в полном сознании, понимал всё, что с ним происходит, понимал, к какому итогу его подводит болезнь. Поэтому в последней строке стихотворения «Дуст» («Друг») [14, с.200-201] он написал:

Амач, белки, кьведай лукьман зи дармансуз хирел, дуст.
(Нет, пожалуй, исцелителя,
кто придёт /излечить/ мою неизлечимую рану, друг.)

Очевидно, здесь он прямо сообщает о том, что его убивает «неизлечимая рана».

СМЕРТЬ ПОЭТА

Когда поэт пишет, что его убивает «неизлечимая рана», его нельзя понимать буквально – нельзя считать, что он говорит лишь о своей физической ране на теле. Мы полагаем, что он имел в виду и душевную рану, которую ему нанесли родственники и бывшие друзья.

В нанесении Эмину душевной раны существенную роль сыграли его брат Мелик и другие родичи. Правда, не все с этим мнением, преобладающим в литературе и имеющим устойчивое хождение в народе, согласны.

Какими же на самом деле были взаимоотношения между Эмином и его братом Меликом в те годы, когда поэт болел? Чтобы ответить на этот вопрос, мы вначале обратим внимание на сохранившееся письмо, которое в отрочестве было написано Меликом Эмину. Оно не датировано, но по тексту можно понять, что относится к периоду, когда Мелик завершал обучение в медресе, а Эмин уже вернулся в Ялцуг после скитаний по чужбине.

По этим данным и на основании информации посемейного списка Ялцуга можно определить период времени, к которому относится это письмо Мелика.

Так, в посемейном списке села Ялцуг¹ под №9 указан «**Меликъ Савзиханъ оглы**», которому к моменту переписи 1886 г. исполнилось 40 лет по мусульманскому календарю, что соответствует 39 годам по григорианскому летоисчислению. Значит, Мелик родился в 1847 г. Раз письмо написано в Ялцуг после возвращения туда Эмина в 1862 г., это значит, что письмо должно быть датировано 1862–1865 гг., когда Мелику было 15–18 лет и когда он учился в медресе.

¹ Посемейный список селения Ялцугар Ялцугарского сельского общества Кутур-Кюринского наибства Кюринского округа, ГАРД, фонд 21, опись 5, ед. хранения 86.

По возрасту Мелик должен был поступить в медресе в 1857 г. В это время Эмин учился у Исмаила-эфенди, а Абдуллах-эфенди был в хадже, следовательно, Мелик мог поступить только в ярагское медресе, куда его как сына покойного друга Севзихана мог принять Исмаил-эфенди. В другие медресе ему как сироте дорога была заказана.

Получается, в возрасте 15-18 лет, обучаясь в медресе селения Яраг, Мелик пишет Эмину в Ялцуг письмо. Оно обнаружено Г. М. Садыки [13, с.203-204]. Письмо начинается со слов: *«Мой дорогой брат малла Магомед-Эмин! Салам!»*

Но эти слова ни о каких «братских» чувствах их автора в отношении адресата не свидетельствуют. Во-первых, слово «дорогой» было шаблонным словом в письмах того времени. Во-вторых, автор письма «бросает» фамильярное «Салам!» старшему брату, не утруждая себя добавлением к этому выражению каких-либо уважительных слов, характерных эпистолярному жанру горцев того времени, и сразу переходит к обозначению того, что он хочет от брата. Он хочет, чтобы тот прислал ему тулуп. Когда хочешь получить от человека ценную вещь, как тулуп, разве сложно назвать его «дорогим»?!

Посмотрите на то, в какой наглой форме он преподносит своё желание старшему брату далее в письме:

«Отдав этому Абдурахману, сыну Сефера, который со мной учится, СРОЧНО (выделено нами – авт.) отправь мне один тулуп. ЧТОБЫ НИ НА ОДИН ДЕНЬ НЕ ОПОЗДАЛ (выделено нами – авт.) с отправкой... Воротник тулупа пусть будет из белой овчины».

Любой, кто немного понимает в горских обычаях и в том, какое уважение должен проявить младший брат к старшему, из этого письма видит, что Мелик с малолетства был тем, кому неведомо чувство уважения, кто не ценил брата, давшего ему возможность учиться, когда подобные ему сироты не могли мечтать даже о работе скотником, кто не просит что-нибудь теплое, что у брата есть, а требует, чтобы тот прислал тулуп «срочно» и непременно с воротником «из белой овчины». То есть Мелик был избалованным и думающим только о себе эгоистичным человеком. Из этого письма также видно, что до этого Эмин, вероятно, ни разу не сказал брату «нет», когда он что-то для себя требовал.

В этом письме нет ничего, что говорило бы о какой-нибудь хорошей черте характера Мелика – оно показывает лишь то,

что он смолоду был человеком «с червоточиной». Выясним теперь, как он вёл себя в отношении старшего брата тогда, когда Эмин страдал от тяжёлого заболевания.

Согласно мнению лезгинского поэта Ибрагима Абдулкеримовича Гусейнова, выраженному в его пьесе «Етим Эмин», Мелик глумился над больным братом. Автор пьесы приходился правнуком Абдуллаху-эфенди, который дружил с Севзиханом – отцом Эмина. После смерти поэта дети Абдуллаха-эфенди приняли самое деятельное участие в судьбе его детей, в частности, сын Абдуллаха-эфенди Магомед-эфенди взял на себя опеку над младшей дочерью Эмина – Муслимат. Иными словами, потомки Абдуллаха-эфенди лучше многих других должны были знать подробности жизни Эмина. Поэтому мы можем предположить, что у И. А. Гусейнова как у потомка Абдуллаха-эфенди были веские основания создавать в своей пьесе образ Мелика, как образ брата-злодея.

Однако филолог Р. И. Гайдаров высказал предположение, что небратское, нечеловеческое отношение Мелика к тяжело больному старшему брату, о котором писали многие и о котором в народе до сих пор жива молва, было невозможно со стороны Мелика, работавшего кадием, так как *«в те времена в тех кругах, которые имели отношение к шариату, в маленьком жамаате¹ позволять себе подобные отрицательные действия было невозможно, в противном случае он покрыл бы себя всеобщим позором и бесчестьем»* [15, с.14].

Эти слова отражают высокие нравственные позиции самого Ражидина Идаятовича, прошедшего страшную войну и думавшего о людях только хорошее, не допуская с их стороны злых чувств и намерений, но они ничего не опровергают из имеющихся в народе слухов о неподобающем поведении Мелика в отношении больного Эмина. Эти слова показывают также то, что уважаемый филолог по какой-то причине не учёл следующее.

Разве Мелик не покрыл себя *«всеобщим позором и бесчестьем»*, если до сих пор лезгинский народ не может забыть и передает из поколения в поколение рассказы о позорящих человеческий облик его поступках в отношении прикованного к постели Эмина? Разве не эти рассказы слышали известнейшие представители культуры лезгин М. М. Гаджиев, А. Г. Ага-

¹ Жамаат – религиозное сообщество.

ев, И. А. Гусейнов и другие, писавшие о злодеяниях Мелика по отношению к своему брату?

Неутомимый собиратель наследия Эмина Г. М. Садыки в последних трудах «смягчил» свои оценки взаимоотношений между Эмином и Меликом по сравнению с теми, которых придерживался вначале. Он в издании стихов 1995 года написал: *«Когда человек долго болеет, он из-за мелочи может обижаться. Может быть, когда Эмин заболел, Мелик проявлял заботу о нём не в той мере, чтобы Эмин был доволен...»* [14, с.15]. Эти слова Г. М. Садыки мы можем понять: большую часть своих документов об Эмине Г. М. Садыки получил от сына Мелика Мугудина, который жил в доме Етима Эмина до последних своих дней. Видимо, «смягчение» позиции Г. М. Садыки, выраженное в этих словах, было проявлением с его стороны такта к старому человеку, предоставившему ему особо ценные документы о поэте.

При всём сказанном выше Г. М. Садыки остался объективным исследователем, который оставил сведения о том, что сын Мелика Мугудин признавал наличие вражды между Эмином и его отцом. В качестве таких сведений в одной из своих работ Г. М. Садыки приводит слова Мугудина, сказанные ему:

«На моего отца жалующиеся, его позорящие, – подчеркнул Мугудин, – стихи написал наш амле¹ Эмин. Но виновник всего – сам Етим Эмин: когда его болезнь доконала, он ослабел умом и перестал что-либо принимать от нашего отца и от другого амле Наби, он отвергал любую помощь от них» [16, с.48].

Г. М. Садыки дал такой комментарий к высказанной здесь мысли об «ослабевшем умом» Эмине, написавшем о Мелике «позорящие» его слова: *«Разговор о том, что он умом ослабел, – абсолютно несправедливый разговор»* [16, с.48].

В действительности же из последних стихов, написанных во время обострения болезни, мы видим не ослабевший, а наоборот, обострённый ум поэта, который доходит до глубин понимания бытия, до философского охвата больших проблем мироздания. Поэтому слова сына Мелика «об ослабевшем умом» поэте можно оценить как признание неподобающего для добропорядочного человека поведения своего отца во вре-

¹ Слово «амле» по-лезгински означает «дядя со стороны отца».

мя болезни поэта и как неуклюжую попытку оправдать это его поведение перед судом потомков.

Что же сам поэт написал про своего брата? Разве то, что Эмин написал о нём, не является для нас достаточным основанием, чтобы сформировать соответствующее представление о Мелике? Например, как же оценить строки из стихотворения «Веси» («Завещание») [14, с.203], где поэт говорит о своей родне то, что он о ней думает? Бывает так, что люди в жизни обижают друг друга по мелочам, но перед смертью, как правило, эти обиды прощаются. Что же такое нужно было сделать родному брату, чтобы он сказал перед смертью то, что сказал Эмин о Мелике?

Стихотворение «**Веси**» («Завещание») Эмина – одно из лучших, если не самое лучшее произведение в лезгинской поэзии по искренности, эмоциональному накалу и изящности приемов, использованных в нём для усиления выразительности. Приводим его в оригинале и в поэтическом переводе на русский язык.

ВЕСИ

Зун кьейила тазиятдиз кьведайди
Ачух дуьнья, я сагъ чан тахъайд атуй.
Зи гьалдикай хабар тирбур ягъади:
Архадикай хъсанвал тахъайд атуй.

Килиг, за хьиз, ик1 етимар хвейиди,
Зун хьиз, эхир кана кабаб хъайиди,
Зун хьиз, гъавая чан гъиляй фейиди,
Зи рикликай гъам-пияла хъвайд атуй.

Зун хьиз, архадикай са югъ тахъайди,
Зун хьиз, алтлушна, пехъери чухвайди,
Зун хьиз, тарашна вири мал тухвайди,
Заз хьиз, гъа ихътин зулумар хъайд атуй.

Зун хьиз, етим хвена пашман хъайиди,
Заз хьиз, хвейидакай душман хъайиди,
Зун хьиз, зайиф, гьал перишан хъайиди,
Я са кесиб, гъахъ риклел алайд атуй.

Етим Эмин, на етимар хуьналди,
Ваз арха жеч ви весияр туналди,
Татуй залум зи мейитдин чиналди,
Яд кас атуй – са инсаф авайд атуй.

Мы здесь приводим поэтический перевод указанного стихотворения «Веси» на русский язык, осуществленный поэтом Арбеном Кардашем, чтобы читатели, не знающие лезгинский язык, смогли хоть как-то прочувствовать поэтику Эмина.

ЗАВЕЩАНИЕ

*Когда умру, на мой помин прощальный
Здоровьем обделённый пусть придёт.
Поймёт меня такой, как я, печальный:
Родными оскорблённый пусть придёт.*

*Тот, кто, как я, сирот согрел немало
И под конец в огне сгорел скандала,
Тот, чья душа все силы потеряла, –
Моей тоской вспоённый пусть придёт.*

*Тот, кто, как я, родней к одру прикован,
Тот, кто, как я, воронами заклёван,
Тот, кто, как я, до нитки обворован, –
Насильем уморённый пусть придёт.*

*Тот, кто от доброты своей страдает,
Тот, кто врагов нашел в друзьях, и тает,
Тот, кто как я, слабеет и вздыхает, –
Лишь правде подчинённый пусть придёт.*

*Етим Эмин, в безумном мирозданье
Никто твоё не слышит завещанье...
Со мною на последнее прощанье
Чужой - к добру лишь склонный пусть придёт.*

В этом стихотворении поэт о себе пишет, что он тот, «*у кого ни одного дня покоя не было от родственника со стороны отца*» (архадикай са югъ тахъайди), «*кого вороны толпой общипали*» (алтГушна пехъери чухвайди), «*кого обобрали и унесли всё его имущество*» (тарашна вири мал тухвайди), «*кто выросл сироту и пожалел*» (етим хвена пашман хъайиди) и «*для кого родич стал врагом*» (хайидакай душман хъайиди). Каким же «братом» для Эмина должен был быть Мелик, чтобы Эмин перед смертью его проклял и оставил такие тяжёлые обвинения в отсутствии у него человеческих черт? Эмин о себе пишет, что у него «*ни одного дня покоя не было от родственника со стороны отца*». Эти слова показывают, что

Мелик «покоя» не давал Эмину не только во время болезни – он не давал ему «покоя» всю жизнь.

Вот такой был братец у Эмина. Поэтому в своем «Завещании» поэт писал, чтобы этот братец не приходил на его похороны:

Татуй залум зи мейитдин чиналди,
Яд кас атуй – са инсаф авайд атуй.
*(Пусть мучитель /мой/ не придет на мои похороны,
Пусть посторонний придёт, /но/ знающий пощаду придёт.)*

Получается, что для Эмина Мелик был «мучителем», «не знавшим пощады». По большому счёту, Эмин на него давно «махнул рукой», как на того, от кого невозможно ожидать проявления человеческих чувств. Об этом говорят две последние строки в стихотворении «**Фана дуйнья, вавди я зун...**» («Бренный мир, я к тебе обращаюсь...») [14, с.194-195]:

Гьар са касдин югъ ам я хьи, кылиив
кьвери багъри (а)вачир,
Майил, стха, хва амукъуй, Эмин, ви дустар гьинава?
*(Каждого постигнет эта /напасть, что меня постигла/
у кого нет близких, кто навелит бы его, –
Родственник, брат, сынок – эти уж ладно,
но где твои друзья, Эмин?)*

Мы полагаем, что здесь словом «майил» (родственник) поэт обозначил своего неродного по отцу брата Шахламаза, словом «стха» (брат) – Мелика, а словом «хва» (сынок) – младшего брата Наби¹, который с трёхлетнего возраста был на попечении Эмина – поэт его вырастил как своего сына. Называя Наби так, он как бы его упрекает за непосещение больного, кто ему был, по сути, в качестве отца.

¹ В Посемейном списке селения Ялцугар Ялцугарского сельского общества Кутур-Кюринского наибства Кюринского округа (ГАРД, фонд 21, опись 5, ед. хранения 86) под номером 7 указан «Наби Севзихань оглы», которому в 1886 г. по григорианскому календарю было 35 лет в соответствии с мусульманским летоисчислением, что соответствует 1852 г. рождения по григорианскому календарю. Соответственно, в 1855 г., когда умер их отец Севзихан, а мать сразу же вышла замуж за другого, оставив детей одних, Наби было 3 года, и потому правомерно считать, что для него в качестве отца стал его старший брат Эмин.

Эти строки свидетельствуют о том, что ни Шахламаз, ни Мелик, ни Наби своего больного брата не навещали. С таким их поведением Эмин смирился.

Он также смирился с тем, что общественные порядки бывают только несправедливыми, он перестал ожидать что-либо хорошее от властей. Он, вероятно, разочаровался в милосердии и справедливости бога, как творца этой власти и этих порядков. Во всяком случае, в стихотворении **«Пагь, чи уьмуьрар...»** («Ах, наши жизни...») [14, с.141-142] он прямо заявил, что ищет что-то земное, за что можно «ухватиться», «отбросив религию»:

Эй, Етим Эмин,
Зая уна дин,
Бес вун дуйньядин
Квехь гелкъвезава?
(Эй, Етим Эмин,
Отбросив религию,
За что же в этом мире
Ты хочешь ухватиться?)

Тут надо подчеркнуть, что и в молодые годы у него было своё особое понимание религии. Когда все его соученики по медресе сочиняли хвалебные оды богу, клялись ему в послушании и просили у него «награды», Эмин и тогда себя объявлял «грешным рабом» (аси лукл) и говорил богу: «Хвала тебе, единый бог, сотворивший для нас время, *в котором есть учителя-заступники*» (Шукур хуй ваз, чаз шафакъат устадар/ Авай аям халкъ авур сад илагъи¹).

Поняв жестокою суть власти, разочаровавшись в религии, измученный болезнью и замученный родственниками Эмин в последние годы своей жизни хотел «ухватиться» за дружбу как за опору в этой юдоли. Но и здесь его поджидало разочарование: лучшие друзья оказались казнёнными или отправленными в ссылку, а другие от него отвернулись, перестали его навещать, видимо, боясь продолжением отношений с ним вызвать у властей подозрения в сочувствии к восставшим, сочувствие к которым поэт выражал открыто. Если с бесчеловечным поведением власти и родственников он как-то смирился, то трусливое отношение и равнодушие к нему

¹ См.: Приложение №1

вчерашних друзей принять не смог. Потому в вышеуказанном стихотворении «**Фана дуьнья, вавди я зун...**» («Бренный мир, я к тебе обращаюсь...») он как бы сам себе задаёт вопрос: «*Братъя тебя не навещают – эти уж ладно, но где твои друзья, Эмин?*»

Само это стихотворение в творческом развитии поэта и в его психологическом и физическом самочувствии является этапным. Физическое состояние Эмина к моменту его написания резко ухудшилось – он слёг и попал, по утверждению А. Г. Агаева, в Дербентскую больницу [6, с.27]. Там поэт окончательно понял, что болезнь его неотвратно ведёт к смерти, что нет ему спасения. И в этот отчаянный момент он вдруг, вероятно, осознал, что его смелые и благородные друзья все оказались казненными или высланными в Сибирь, а оставшиеся в Кюре – оказались равнодушными к чужому горю трусами. Он понял, что не сможет за них «ухватиться» как за «опору» в юдоли плача. Казалось бы, все надежды поэта на земные «силы» рухнули, он должен был бы, повернувшись к богу, просить у него прощения. Но он этого не сделал. В этот момент он возвышается над своей личной болезнью, над своим отчаянным положением, подобно Хайяму, размышляя о смысле так называемого божьего промысла. Вопрос об этом, довольно риторический, поэт ставит перед людьми во второй строке первой строфы стихотворения «**Фана дуьнья, вавди я зун...**» («Бренный мир, я к тебе обращаюсь...») [14, с.194-195]:

Агъади халкъ авуна, чаз гуьгуьл ачух къар гынава?
(Господь /нас/ создал, но где счастливые дни для нас?)

За риторическим вопросом, однако, виден мужественный поэт, душой болеющий за всё человечество в тот момент, когда ему самому до могилы осталось всего ничего.

Зная, что современники не могут ответить на его вопросы, Эмин в четвертой строфе указанного стихотворения уважительно, но как равный у равного, спрашивает уже у Господа по сути то же самое:

Зи рикле са метлеб¹ ава, аси лук! я, инсан я хьи:
Ви хиялар яргъа амаз хъайла, ви къастар гынава?
*(У меня в сердце есть одно желание
/спросить, простите, я/ – грешный раб, ибо я человек:
Пусть твои замыслы от нас далеко
/спрятаны/, но где же твоя воля?)*

Здесь мы видим, что на последнем этапе жизни поэта, когда он стал физически немощным, когда неизбежность смерти в ближайшее время была уже для него очевидной, он не впал в истерику, не стал просить у бога райские кущи на том свете, а поднялся до хайямовского уровня свободомыслия. Мы можем даже установить, в каком году это случилось, на основе содержания третьей строфы обсуждаемого стихотворения в варианте, приведенном в сборнике стихов Эмина, изданном в 1960 г. А. Г. Агаевым. Там есть такие строки [6, с.27]:

Ирид йис я зун и гьалда ширин чандикай яз бизар,
Бязибуру «мерез» лугъуз, са бязибуру - «бедназар»...
*(Семь лет я в этом положении, когда мучаешься
из-за /состояния/ собственного тела,
Когда одни говорят, что это –
тяжелый недуг, а другие – «дурной глаз»...)*

Из этих строк следует, что в момент их написания поэт уже семь лет как страдал от болезни. Нам известно, что серьезные проблемы со здоровьем у Эмина начались в середине лета 1871 г. Тогда, как читатели уже знают, он случайно упал и поранил колено. После этого рана не зажила, поэт мучился и не находил лекарства против свалившейся на него напасти. Потому полагаем, что о семи годах мучений Эмин мог говорить в 1878 г. Получается, что именно в этом году написано стихотворение,

¹ В сборнике стихов Эмина 1995 г. издания вместо приведенного нами слова «метлеб» (желание, цель) написано слово «тлалаб» (просьба). В случае употребления слова «тлалаб» (просьба) не ясно, почему потом следует вопрос богу, а не просьба к нему. Мы нашли в архиве Г. М. Садыки другой вариант этого стихотворения, записанный где-то сто лет назад, в котором в данном месте написано слово «метлеб» (цель, желание), что по смыслу связывает приведенные строки. Видимо, в это стихотворение вкралась ошибка при его переписываниях. В Приложении №16 к настоящему изданию мы приводим изображение документа, найденного в архиве Г. М. Садыки, где текст этого стихотворения записан арабскими буквами, и запись этого стихотворения кириллическими буквами. Полагаем, что это позволит читателям получить представление о том, в каком виде и с какой любовью записывались стихи Эмина его почитателями.

известное как «**Фана дунья, вавди я зун...**» («Бренный мир, я к тебе обращаюсь...»).

Действительно, с 1878 г. у Эмина начался тяжёлый период жизни: он окончательно лишился свободы передвижения и оказался прикованным к постели, перестал на кого-либо надеяться, включая бога, рассчитывая лишь на общение с друзьями. Поэтому в этом стихотворении, написанном в указанном году, махнув рукой на родственников, на власти и на бога, поэт спрашивает о том, почему друзья не приходят к нему...

Очевидно, Эмин здесь не спрашивает о своих друзьях, повешенных или посаженных в тюрьмы, отправленных в ссылку после восстания. О них он написал в своих произведениях как о людях «высокой пробы», ему известно, почему они не приходят и потому о них не пишет. Он пишет о друзьях, оставшихся в Кюре после восстания 1877 г. и забывших дорогу к нему. Во многих людях в то время пробудились самые низменные качества, многие начали доносить на соседей и знакомых, как на «скрытых» врагов власти. В такой ситуации оставшиеся в Кюре бывшие друзья поэта, так сказать, «от греха подальше», отвернулись от человека, в связи с бунтом против власти сказавшего так:

Кьиникь са затI туш хьи акьван, –
Адалат чаз хьана масан.
(Смерть ведь ничто,
/Когда/ свобода – наша вожденная мечта.)
.....
Урусатдин кIеви зулум
Са кьуз вичиз жеда кьалум.
Стха, вуна ая фагьум,
Гьар садаз успат хьана хьи.
(Жестокое насилие /царской/ России
В один день к ней самой вернется.
Брат, ты подумай,
Это же стало очевидным для каждого.)
(«1877-йисан бунтариз» («Бунтам 1877 г.») [14, с.183-184])

...Из больницы Эмин вернулся в родное село, потеряв всякую надежду на выздоровление. Тяжелобольной, брошенный братьями и друзьями, не имевший средств к существованию, он остался в полном одиночестве, если не брать в расчет жену Тукезбан, которая всё время находилась с ним и которая была всегда частью его души и теперь стала, можно сказать, частью

его тела: поэт стал недвижимым и его на себе передвигала хрупкая жена. Такими жизненными обстоятельствами Эмин был доведён до физического изнеможения и до полной нищеты. Об этом свидетельствует его стихотворение **«Азиз дустар, килигдачни зи гьалдиз?»** («Дорогие друзья, не взглянете ли на моё состояние?») [14, с.197]. В его первой строфе поэт пишет:

Салам дуьа я квез ширин мецелай.
Азиз дустар, килигдачни зи гьалдиз?
Саил атайла куь патав кьецелай,
Мегер зун гьич кьведачни куь хиялдиз?
(Приветы вам /направляю/ из сладких слов.
Дорогие друзья, не взглянете ли на моё состояние?
Когда нищий к вам заглядывает с улицы,
Неужели никогда не навещают вас мысли обо мне...)

Хотя и заявил здесь поэт друзьям о том, что он тяжело болен и нищенствует, ситуация не изменилась: они продолжали безмолвствовать. Если верить народным преданиям, один из бывших друзей Эмина по имени Муслим из Кабира (Кьепир) сам не приехал к больному поэту, а по случаю кого-то попросил наведаться к нему и выяснить его состояние. Узнав от явившегося к нему человека о том, кто его послал и с какой целью, Эмин написал стихотворение **«Дустариз»** («Друзьям») [14, с.196] и попросил «посыльного» передать стихотворение Муслиму.

Некоторые авторы считают, что настоящее имя того, кому поэт адресовал это известнейшее в народе стихотворение, было Абумуслим. Но архивные данные их мнение не подтверждают. Согласно посемейным спискам селения Кабир 1886 г.¹ в селе жил человек по имени Муслим, отцом которого был совершивший паломничество и потому носивший титул «Гаджи» Севзихан и который был знаком с арабской грамотой, т.е. мог прочесть послание поэта. В то же самое время, человек с именем Абумуслим, знакомый с арабской грамотой, как показывает посемейный список, тогда в Кабире не проживал.

В этом списке семья человека под именем **«Муслимъ Гаджи Савзиханъ оглы»** указана под номером №10. Согласно сведениям, указанным там, ему к моменту переписи

¹ Посемейный список селения Кабир Кабирского сельского общества Кутур-Кюринского наместства Кюринского округа, ГАРД, фонд 21, опись 5, ед. хранения 83

исполнилось 54 года по мусульманскому календарю (52 года по григорианскому календарю), следовательно, он родился в 1834 г. по григорианскому летоисчислению. Вместе с ним тогда жили 8 его сыновей и 4 человека женского пола. Но не это самое интересное в сведениях, приведенных в этом списке. Там ещё указано, что этот Муслим имел в собственности неполивной земли 66 капанов¹ (16,25 га), поливной земли – 45 капанов (11,25 га), (крупного) рогатого скота – 11 голов, лошадей – 3, баранов – 68². Это свидетельствует о том, что в условиях того времени друг Эмина был очень богатым человеком.

Так что написание стихотворения «Дустариз» («Друзьям»), вероятно, было спровоцировано следующим обстоятельством: после объявления поэтом в стихотворении «Азиз дустар, килигдачни зи гьалдиз?» («Дорогие друзья, не взглянете ли на моё состояние?») о болезни и нищенстве один из его богатых друзей услышал об этом, но не протянул ему руку помощи, а попросил случайного человека проведать его состояние.

Это стихотворение стало со стороны Эмина своеобразным разрывом отношений с теми друзьями, которые после подавления восстания 1877 г. отвернулись от него, чтобы не вызвать у властей подозрения в сочувствии к восставшим. В нём поэт попросил передать таким друзьям, что у него «всё хорошо» («хъсан я лагъ дустариз»), что ему лично от них ничего не надо и что он их просит лишь об одном: чтобы они помолились за него и раздали беднякам милостыню.

Так, отчаявшись дождаться от друзей, оставшихся в Лезгистане после подавления восстания 1877 г., хотя бы простого общения, поэт в стихотворении «Рекьидайла лагъай чал» («Слова, сказанные перед смертью») [14, с.202] возвращается к ранее «отброшенному» богу и просит его, чтобы для него одного бог сделал отсрочку от смерти:

Гъахъ я халкъар къиникъ вири,..
Са касдиз муьгълет ая тлун!
(Это – правда, что все умрут,..
/Но/ сделай хоть одному отсрочку!)

¹ Капан – единица для измерения площади земельного участка, 1 капан = 0,25 гектара.

² Приложение №18.

Даже в таком отчаянном состоянии одиночества и нищеты прикованный страшной болезнью к постели Эмин цеплялся за жизнь на этой грешной земле, не стремился к «удовольствиям» на том свете.

Вначале попросив только для себя отсрочку от смерти, он тут же «исправляется» и почти требует от Всевышнего и Пророка не для себя одного, а для всех «рая», но не на том свете, а на земле:

Я сад Аллагь, я Пайгъамбар,
И дуьнья женнет ая тлун!
(О Единый Бог, о Пророк,
Превратите же этот мир в рай!)

Кто после этих слов скажет, что Эмин был поэтом печали?! Это требование было последним требованием поэта к небесам. Вероятно, он не представлял какой-либо другой жизни, кроме земной. Представляющий себе другую жизнь человек не написал бы:

Вил атлудач дуьньядихъай – ширин я,
Айиб мийир, инсан я, лагь дустариз.
(Не насытиться этим миром – так он сладок,
Пусть меня за это не осуждают,
ведь я человек, передай друзьям.)
(из стихотворения **«Дустариз»** («Друзьям»)).

Эти строки показывают, что Эмин умер, до последнего своего вздоха оставаясь жизнелюбом, несмотря на все невероятные тяготы, выпавшие на его долю в жизни...

Наступил последний акт в жизни поэта – его смерть, а затем похороны. Зная, что творил брат Мелик при жизни Эмина, полагаем, что у нас есть все основания считать соответствующим действительности приведенный А. Г. Агаевым в сборнике стихов Эмина 1960 г. издания рассказ о его похоронах и о стихотворении **«Веси»** («Завещание») [6, с.24]:

«Как утверждает внук Эмина Ярахмедов Ярахмед, это стихотворение поэт сочинил и отправил своему другу из соседнего села Эмирхану. Ему поэт поручил, чтобы он на кладбище во время его похорон прочёл это стихотворение и, говорят, Эмирхан исполнил поручение поэта. Как оказалось, Мелик в это время был на кладбище и, услышав это

стихотворение, он пришёл в ярость. Говорят, когда он вернулся в село с кладбища, то ли подумал, что у Эмина есть ещё сочинённые про него стихи, то ли по иной причине, но он все исписанные /стихами/ тетради, которые были у Эмина дома, собрал, вывалил во дворе и сжёг».

Мы полагаем, что эти слова внука поэта по сути своей достоверно отражают произошедшее с записями стихов Эмина: они были уничтожены. Однако думаем, что это произошло не сразу после похорон поэта, а через некоторое время. На это указывает тот факт, что часть стихов, безусловно принадлежащих Эмину, через несколько лет после его смерти «всплыли» в качестве стихов Мелика. Это свидетельствует о том, что акт уничтожения тетрадей со стихами Эмина не был актом спонтанным, вызванным внезапным гневом Мелика, а был актом, как мы полагаем, продуманным и совершённым с целью уничтожения следов присвоения Меликом части стихов покойного брата, заблаговременно переписанных из уничтожаемых тетрадей.

Как бы там ни было, записи со стихами, сделанные рукой Эмина, после его смерти пропали, вероятно, навсегда и «выгуду» от этого получил только Мелик. Потому мы полагаем, что есть все основания считать правдой слова внука Эмина о том, что их сжёг Мелик во дворе дома покойного поэта. Произошло это, вероятно, тогда, когда дочери Эмина Муслимат было 7-9 лет. Думаем, в этом возрасте девочка на всю жизнь запомнила костёр из тетрадей своего отца, устроенный дядей Меликом в их дворе, и о нём потом говорила своему сыну Ярахмеду, когда рассказывала ему о знаменитом дедушке – Етине Эмине. Только таким продуманным актом варварства Мелика по отношению к шедеврам Эмина можно объяснить то обстоятельство, что юридические и иные документы, которые имели отношение к работе поэта кадием, а также касались его дома, присвоенного после смерти поэта Меликом, сохранились, а записи стихов, сделанные рукой поэта, до сих пор не обнаружены, словно испарились...

Тем не менее, стихи Эмина в основном до нас дошли в записанном виде. Они дошли до нас, возможно, благодаря некоторым современникам поэта, понимавшим значение его поэзии для лезгинской культуры и потому записывавшим его произведения, а также благодаря представителям следующих поколений, бережно собиравшим творения Эмина в свои рукописные

альманахи. Есть, конечно, и стихи, дошедшие до нас благодаря тому, что передавались из уст в уста. Но большинство стихов Эмина все-таки дошли записанными.

Да, несмотря на варварский акт брата Мелика, стихи Эмина лезгинский народ сохранил, но самого поэта не уберег – он из-за страшной болезни и одиночества ещё очень молодым ушёл в мир иной – всего через несколько лет после подавления восстания 1877 года. В то время, когда за горизонт бытия уходил Эмин, если были такие лезгины, которые понимали всё значение его творчества для лезгинской поэзии, для лезгинской культуры (а такие были), то они могли бы сказать: *«Солнце нашей поэзии закатилось!»*¹

¹ Это фраза была написана писателем Владимиром Фёдоровичем Одоевским в момент получения известия о смерти А. С. Пушкина.

КОГДА «СОЛНЦЕ НАШЕЙ ПОЭЗИИ ЗАКАТИЛОСЬ»?

Итак, прошло несколько лет после восстания 1877 г. и Эмин умер – «солнце нашей поэзии закатилось». Когда, в каком году конкретно это случилось? Увы, сегодня точного ответа на этот вопрос мы не знаем.

За все годы исследований творчества Эмина, а это чуть больше 90 лет, специалистами были высказаны, по сути, всего две версии по поводу года смерти поэта.

В качестве первой версии в 1941 г. М. М. Гаджиев высказал предположение, что Эмин умер в 1878 г. [24, с.4]. Он выдвинул эту версию, исходя из того, что в сборнике стихов поэта, изданном в 1928 г., указано, что он издается «*в связи с тем, что исполнилось 50 лет со дня смерти Эмина*» [10, с.3]. Отсчитав 50 лет назад от 1928 г. по григорианскому календарю, филолог получил 1878 г., как год смерти Эмина.

Проверим, как согласуется эта дата со сведениями, содержащимися в его поэзии. Так, в его стихотворении «**Фагьумна за гьар жуьре гьал...**» («Размышлял я по-разному над положением дел...») [14, с.185-186] есть фразы: «...чи Мирзе-Гьасан гьинава?» (*где наш Мирзе-Гасан?*), «Гьамид-эфенди кьена хьи, ...Гьажи-Шихбуба, вунни рагьметдиз фена хьи, КьепИрви Гьажи-Мурад, кемендиз кьил вегьена хьи?» (*Увы, убит Гамид-эфенди, ...Гаджи-Шихбуба, ты тоже ушёл на тот свет, кабирский Гаджи-Мурад, /твою/ голову засунули в аркан?*)

Здесь Гамид (Абдул-Гамид), Гаджи-Шихбуба и Гаджи-Мурад – трое из тех, кто был повешен в Дербенте царскими властями за активное участие в восстании в Южном Дагестане в 1877 г. Из этих фраз о смерти указанных лиц следует, что Эмин в момент их казни был жив.

А когда они были казнены? Как известно, в Дербенте «*в последних числах июля 1878 г., в серый дождливый день происходила казнь главных виновников мятежа; к повешению*

было назначено 7 человек¹» [45, с.281]. Среди этих повешенных и были упомянутые Эмином Гамид-эфенди, Гаджи-Шихбуба и Гаджи-Мурад. Если Эмину известно об этом, значит, в конце июля 1878 года он ещё был жив.

А мог Эмин умереть во второй половине 1878 года? Фраза из вышеприведенного стихотворения «чи Мирзе-Гъасан гынава?» (*где наш Мирзе-Гасан?*) говорит нам о том, что нет, не мог.

Откуда это следует? Вот откуда. Поэт спрашивает про Гасана-эфенди, так как ему в момент написания стихотворения не известно, где он. Для понимания этой ситуации, обратимся к биографии Гасана-эфенди из Алкадара, известной практически в деталях.

По свидетельству самого Гасана-эфенди, он в месяц Шавваль 1294 г. по Хиджре (октябрь-ноябрь 1877 г.) [17, с.7] был арестован за недоведение до властей сведений о готовящемся в Дагестане восстании, заключён в Дербентскую тюрьму и находился в ней в течение семи месяцев и десяти дней. Семь месяцев и 10 дней от последнего дня месяца Шавваль 1294 г. по Хиджре истекли 10 числа месяца Джумада аль-ахира 1295 г. по Хиджре, т.е. 10 июня 1878 г. по григорианскому календарю. Не позже этой даты Гасан-эфенди вернулся из тюрьмы в Алкадар, где стал, как он сам пишет, «добывать пропитание» преподавательской деятельностью. Но в конце марта 1879 г. его вызвали в Дербент и оттуда на корабле 28 числа месяца Раби' аль-ахир 1296 г. по Хиджре (21 апреля 1879 г.) отправили в Астрахань для дальнейшей переправки в ссылку [17, с.147].

Это значит, что во время казни в Дербенте своих знакомых в конце июля 1878 г. и до апреля 1879 г. Гасан-эфенди был на свободе – в своем родном селе. Как говорят в народе, в день казни участников восстания Гасан-эфенди был на месте их казни, где морально поддерживал мужа своей сестры Гаджи-Шихбубу в последние минуты его жизни. По всей видимости, Гасан-эфенди стоял у эшафота, так как известно, что в тот день к месту проведения экзекуции власти вызвали всех видных представителей населения Южного Дагестана с целью устрашения через них всего населения.

Чтобы там ни было, с момента посещения Гасаном-эфенди Дербента в конце июля 1878 г. и по апрель 1879 г. Эмин не мог

¹ По другим данным в тот день в Дербенте повесили 8 человек.

задать вопрос «Где наш Мирзе-Гасан?», поскольку в этот период он жил в своём родном селе и об этом Эмин не мог не знать. Такой вопрос поэт мог задать лишь после этапирования друга в ссылку – в неизвестность для Етима Эмина, как, впрочем, и для Гасана-эфенди.

Значит, Эмин был ещё жив, когда 21.04.1879 Гасана-эфенди отправили в Сибирь. Этот факт опровергает версию, что он умер в 1878 г., которой долгое время придерживались многие эминоведы.

В этом месте нашего повествования следует вспомнить, что версия о смерти Эмина в 1878 г. была поставлена под сомнение ещё в 1960 г. А. Г. Агаевым, когда впервые достоянием общественности стало стихотворение «**Алкьвадар Гасан-эфендидин цийи квалериз**» («Поздравления Гасану-эфенди Алкадари в связи с новым домом») [6, с.124]. Тогда литературовед-философ высказал мнение, что раз некоторые старые алкадарцы говорят о том, что Гасан-эфенди свой новый дом построил, вернувшись из ссылки, а поэт поздравил друга с новым домом, значит, Эмин был жив, когда Гасан-эфенди вернулся из ссылки в 1882–1883 гг. [6, с.29].

Вывод А. Г. Агаева основывался на допущении, что Гасан-эфенди построил новый дом после возвращения из ссылки. Но размышления над этим допущением и имеющаяся по поводу этого дома информация показывают его несостоятельность.

Так, в вышеуказанном стихотворении, впервые опубликованном в 1960 г., во второй строке второй строфы есть обращение «наиб Гасан». Очевидно, что после возвращения из ссылки Гасан-эфенди не мог быть наибом, и в то время его никто не назвал бы «наибом Гасаном», чтобы не задевать таким обращением чувства человека, отстраненного со скандалом от должности наиба. Следовательно, стихотворение написано до восстания 1877 г., когда Гасан-эфенди был наибом. В сборнике стихов Эмина, изданном в 1980 г. Г. М. Садыки, есть другой вариант этого стихотворения, восхваляющего новый дом, и его хозяин там также указан как «наиб Гасан» [13, с.157]. В издании стихов Эмина 1995 г., подготовленном тоже Г. М. Садыки, слово «наиб» было заменено на слово «алим» (учёный) [14, с.173–174], без объяснения причины такой замены. Вероятно, такая замена слова «наиб» словом «алим» была связана с тем, что Г. М. Садыки понимал, что в стихотворении, тогда считавшемся написанным после восстания 1877 г., не

могло Эмином применяться слово «наиб» в отношении Гасана-эфенди, отстранённого к тому времени от должности наиба.

Желая получить объективную информацию о доме Гасана-эфенди, мы обратились к его внучатому племяннику академику РАН Абдусаламу Абдулкеримовичу Гусейнову с вопросом: «Абдусалам Абдулкеримович, как Вы думаете, Гасан-эфенди построил новый дом после возвращения из ссылки или раньше?» Ответ был такой:

«Гасан-эфенди всегда жил в доме, построенном его отцом Абдуллахом-эфенди. У него не было нового дома. Их было три брата: Гасан, Гусейн и Магомед. Брат по имени Гасан жил в отцовском доме, остальные два брата жили в домах, по всей видимости, пристроенных к отцовскому дому, когда они выросли. У всех трёх домовладений была общая покатая крыша, но у каждого из них был отдельный двор. Я тоже в одном из этих домов вырос, временами бегая по этой общей крыше и переходя из одного дома в другой дом...»

Гасан-буба¹, когда вернулся из ссылки, стал преподавателем в медресе своего покойного отца. Это преподавательство не приносило ему такого дохода, чтобы за его счёт можно было бы построить новый дом, заслуживающий восхваления. Когда из ссылки вернулся, он жил в селе и добывал средства к жизни так, как могут это делать учителя, без кичливости, которая бывает у богатых...

До того, как его отправили в ссылку, он своему старшему сыну Ахмеду, родившемуся у первой жены, дом построил недалеко от дома своего отца. Когда Гасан-буба построил этот дом, я точно не знаю, но возможность построить такой большой дом у нашего старшего сородича, по-моему, была лишь тогда, когда он был наибом и получал солидное жалование. Да, тот дом заслуживал восхваления, он был в европейском стиле построенным каменным домом! Его я тоже видел, в детские годы я в тот дом любил ходить в гости, он вплоть до 1957 г., когда село переселилось на новое место, стоял и в нём жили люди. В моё время в том доме жил сын Ахмеда Мурцали. После того, как село переселилось на новое место, там, где был красивый, каменный дом Ахмеда, долго ещё валялись две скульптуры львов, которые раньше

¹ Буба – в данном контексте это лезгинское слово имеет смысл «дедушка», хотя чаще в лезгинском языке употребляется в смысле слова «отец».

подпирали балкон дома. Где теперь эти каменные львы, я не знаю...»

Когда академик заговорил про львов, мы сильно удивились, потому что в стихотворении, написанном Эмином о новом доме, есть такая строка: «У входа посади льва на цепи» (Къапудал кутГун зунжурда аслан). Не является ли лев в стихотворении Эмина одним из двух каменных львов, подпиравших балкон дома, построенного Гасаном-эфенди своему сыну?! Думаем, что это так, ибо тогда скульптура льва как украшение дома была исключительной редкостью в горном крае.

Есть ещё одна причина удивиться. Фраза «ференг¹ чешне» (европейский образец), применённая Эмином в его стихотворении в отношении расхваливаемого им дома, оказалась адекватной по смыслу фразе «в европейском стиле», сказанной академиком о стиле, в котором был построен дом его сородича Гасана-эфенди!

В варианте обсуждаемого стихотворения, данным Г. М. Садыки, есть и такая строка во второй строфе: «Называя твоё имя, туда приходит каждый человек...» (Ви тГвар къуна аниз къезва гьар инсан...). Нам кажется, что смысл этого выражения такой: «Хоть новый дом и не является твоим, но каждый входит в него, называя твоё имя, т.е. каждый приходит именно тебя поздравлять с новым домом...» Если это был бы дом Гасана-эфенди, а не его сына, такую оговорку поэт не сделал бы, что подтверждают и слова академика А. А. Гусейнова о том, что для себя Гасан-эфенди дом не строил, а строил для старшего сына Ахмеда...

Таким образом, утверждение, что расхваливаемый Эмином дом Гасан-эфенди построил после возвращения из ссылки, и вывод на этом основании о том, что Эмин был жив при возвращении ссыльного летом 1883 г., оказались далекими от действительности.

Ошибочной оказалась и дата смерти Эмина, которая вошла в научный обиход с легкой руки Г. М. Садыки и которой сегодня придан статус официальной даты смерти поэта: 20 октября 1884 г.

История возникновения этой даты началась так. В 1966 г. в №1 журнала «Дуствал», вышедшего под эгидой Союза пи-

¹ Ференг – слово, которое использовалось в лезгинском языке в XIX в., имело смысл современного русского слова «европейский» и произошло, вероятно, от турецкого слова «фиренги» с тем же смыслом.

сателей ДАССР, Г. М. Садыки опубликовал небольшую статью под названием «Несколько слов по поводу найденных стихотворений Етима Эмина» (Етим Эминан жагъанвай шииррин гъакъиндай са шумуд гаф). В этой статье автор впервые написал, что в его руки попали документы о распределении наследства Эмина, подписанные дочерью Эмина Кизхалум и сестрой поэта Эйлихан. *«Из них видно, что Эмин умер в ноябре 1885 г.»*, – сообщил Г. М. Садыки. Других подробностей в статье не было.

Более ранний из этих двух документов – доверенность Эйлихан, выданная её брату Мелику для распоряжения долей, принадлежащей ей в наследстве Эмина, Г. М. Садыки 16 января 1966 г. опубликовал в газете «Коммунист». Оказалось, эта доверенность датирована 20-м числом мусульманского месяца Джумада-аль-ахира 1303 г. по Хиджре, что соответствует 25 марта 1886 г. по григорианскому календарю, но никак не ноябрю 1885 г.

Поняв свою ошибку в расчётах при переводе мусульманской даты в григорианскую и то, что документ о распоряжении долей в наследстве не составляется в день смерти того, кто оставляет наследство, Г. М. Садыки продолжил поиски информации о годе смерти поэта. В 1968 г. в №3 журнала «Дуствал» он опубликовал новую статью о результатах своих поисков, где объявил, что нашёл документ об опекунстве над младшей дочерью поэта после его смерти, и это опекунство, согласно найденному документу, начиналось в 1302 г. по Хиджре. Об этом в статье было написано буквально следующее: *«Как видно из одного документа, в 1884 г. Мелик был определен в качестве опекуна для младшей дочери поэта, ставшей сиротой. Первым днём месяца Мухаррам 1302 г. по Хиджре является 21 октября 1884 г. нашей эры, вторничным днём недели. Согласно рассказам сына брата поэта Мугудина и внука Эмина поэт скончался в пятницу. Первая пятница того года (1302 г. по Хиджре) – 24 октября. Таким образом, мы узнаем, что Етим Эмин умер 24 октября. Мы настаиваем на том, что указанные исторические даты это – правда в последней инстанции. Но они по сравнению с теми датами, которые приводились ранее, намного больше приближают нас к истине»* [16, с.48-49]. Поразмывлив над своими выводами, Г. М. Садыки в последующем отказался от привязки даты смерти Эмина к пятнице, о которой, как о дне смерти поэта говорил

его племянник, и уточнил для себя, что на самом деле первый день месяца Мухаррам 1302 года по Хиджре приходится не на 21 октября, как он ранее считал, а приходится на 20 октября 1884 г., и потому в сборнике стихов Эмина, составленном им и изданном в 1980 г., объявил, что поэт умер 20 октября 1884 г. [13, с.15] – в первый день 1302 г. по Хиджре.

Процесс установления специалистами основных вех биографии Эмина продолжался и дальше. Но в 1988 г. литературная общественность решила, не дожидаясь окончания (хотя бы в общих чертах) этого процесса, отметить юбилей поэта – 150 лет со дня его рождения, исходя из тех представлений о годах его жизни, которые сложились к тому времени. После того как закончились юбилейные мероприятия, газета «Коммунист» опубликовала письмо Э. М. Меликова, приходившегося внуком брату поэта Мелику, где говорилось: *«Мы, родственники поэта, очень довольны проведенными мероприятиями»* [20]. К письму об отмеченном юбилее поэта была сделана такая приписка от имени редакции: *«Родственники Е. Эмина имеют просьбу, чтобы после этого /юбилея/ во всех учебниках и книгах писали, что Етим Эмин родился в 1838 г. в селении Ялцуг и в 1884 г. умер в этом же селе и здесь же похоронен»*. Эта просьба, «легализующая» новую дату смерти поэта – 20 октября 1884 г., – была продиктована, очевидно, усталостью родственников от разнобоя в изданиях сведений об Эмине, прежде всего дат рождения и смерти поэта, и выражала их желание остановиться на какой-либо версии его биографии, объявив её «твёрдой», и тем самым устранить разнобой. На эту просьбу известный филолог Р. И. Гайдаров ответил так: *«Мнение и желание наследников Эмина следует уважить и учитывать. Однако данные о времени и месте рождения Е. Эмина, а также год его смерти ими определены огульно и неверно... Все эти вопросы остаются спорными, просьбами и уважением к памяти Етима Эмина их не решить»* [15, с.68-69].

Здесь учёный абсолютно прав. Говоря так, он, вероятно, исходил из значения наследия Эмина для лезгинской культуры. Вехи биографии такого человека нельзя определять «по договорённости». Они должны быть установлены самым тщательным образом! Такой подход должен быть применён и к предполагаемой дате смерти поэта – к 20 октября 1884 г. Анализ документа, на основании которого определена эта дата,

и обстоятельств его возникновения показывает, что соответствие указанной даты истинной дате смерти поэта вызывает очень большие сомнения.

Начнём с анализа документа об опеке после смерти поэта над его младшей дочерью Муслимат в 1302–1308 гг. по Хиджре. Он был найден неутомимым подвижником лезгинской культуры Г. М. Садыки, о нём он писал в №3 вышеупомянутого журнала «Дуствал» за 1968 г., а в переводе с арабского на лезгинский язык опубликовал его в 1995 г. [46]. В публикации 1968 г. Г. М. Садыки ошибочно указал, что в документе об опеке над Муслимат в качестве опекуна указан Мелик. Свою ошибку собиратель наследия Эмина исправил в публикации 1995 г., указав, что в документе об опеке речь идёт не о брате поэта Мелике, а речь идёт о кадии суда Кюринского округа Магомед-эфенди из Алкадара. Действительно, имя этого кадия указано во второй строке документа. Именно он – уважаемый эфенди из Алкадара, – а не дядя опекаемой по имени Мелик, осуществлял функции опекуна над несовершеннолетней дочерью поэта Муслимат с начала 1302 г. по Хиджре (этот год начался 20 октября 1884 г. по григорианскому календарю).

При анализе этого документа, к сожалению, от внимания неутомимого подвижника Г. М. Садыки ускользнуло важное обстоятельство: он не придал особого значения тому, каким арабским словом назван опекун в данном документе. Термин, которым обозначен опекун, в данном случае имеет важнейшее значение для понимания обстоятельств, при которых Магомед-эфенди из Алкадара стал опекуном дочери поэта.

Здесь нужно дать некоторые разъяснения о нормах шариата, на основании которых регулировались в описываемый период в мусульманских регионах Российской империи вопросы опекунства.

Так вот, согласно этим нормам, различали три рода опекунов: 1) опекуны естественные в лице отца и дедушки, называемые «велиями»; 2) опекуны, назначенные завещанием, называемые «весьями» и 3) опекуны, назначаемые властью из-за неимения ни «велийев», ни «весьийев», называемые «кейюмами» [41, с.301-302].

Естественные опекуны (ед. число – «велий») никем не назначались и не утверждались: они вступали в управление именем малолетних по праву родства. Правом назначать по духовному завещанию опекуна, обозначаемого словом «весьий»,

пользовались только отцы и деды. Правителем или духовным лицом назначались опекуны «кейюмы», в случае неимения и «велия», и «веси», а также если опекун, назначенный духовным завещанием («весий»), перестал им быть.

Для полноты картины приводим ещё некоторые нормы шариата. Если после смерти мужчины остались две его дочери и жена, то по шариату $1/8$ часть наследства достаётся жене, а $2/3$ от наследства – дочерям [41, с.408]. При этом мужчина может по завещанию оставить наследство другим лицам, помимо дочерей и жены, но не более $1/3$ от имущества в совокупности [41, с.295]. В любом случае две дочери получают по $1/3$ каждая от имущества отца [41, с.413].

Согласно доверенности Эйлихан, выданной брату Мелику для распоряжения долей, принадлежащей ей в наследстве Эмина, опубликованной Г. М. Садыки 16 января 1966 г. в газете «Коммунист», сестра Эмина Эйлихан получила в наследство $1/3$ от имущества Эмина. Это означает, что Эмином было составлено завещание и что она это наследство получила по нему, так как по закону она не относилась к наследникам при наличии у поэта дочерей и жены. Причем Эйлихан получила $1/3$ имущества Эмина – максимально возможную долю наследства для тех, кто не является законным наследником [41, с.295], что исключает существование каких-либо других лиц, указанных Эмином в завещании в качестве получателей его наследства.

Значит, Эмин оставил завещание, указав там лишь свою единственную сестру Эйлихан как наследницу $1/3$ его имущества, а две его дочери по закону получили в наследство по $1/3$ от имущества отца. Братьев Мелика и Наби поэт оставил без наследства, что, очевидно, о многом говорит...

Есть ещё одно интересное обстоятельство. Сестра Эйлихан и две дочери поэта получили по $1/3$ от наследства, оставленного Эмином, а законная наследница Тукезбан, имевшая как его жена право на $1/8$ от имущества, ничего не получила. Лишить её права на законное наследство никто, согласно канонам шариата, не мог. Следовательно, она сама отказалась участвовать в дележе наследства, уступив всё сестре мужа и своим дочерям, что тоже о многом говорит, как и в случае оставленных поэтом без наследства братьев...

Но главный вывод, который мы делаем из сведений о дележе наследства Эмина, – это то, что поэт оставил завещание,

наличие которого предусматривает назначение «весия» – опекуна (мужчины или женщины) для малолетней дочери поэта Муслимат, без которого её доля в наследстве оставалась бы неопределенной (что в завещании не допускается), ибо сама Муслимат в силу несовершеннолетнего возраста не могла распоряжаться своей долей.

Дав эти необходимые разъяснения по шариату, рассмотрим документ (отчёт) об опекунстве над Муслимат со стороны Магомеда-эфенди из Алкадара. Он найден Г. М. Садыки и опубликован в переводе с арабского на лезгинский язык в газете «Лезги газет» 9 июня 1995 г.¹

Указанный документ озаглавлен следующим образом (в переводе на русский язык):

«Объём (размер) денег, выделенных сироте Муслимат, дочери малы Эмина из Ялцуга, после того как я стал её опекуном (кейюмом). Кадий Кюринского округа Мухаммед-эфенди ал-Алкадари».

Как следует из содержания документа, в нём речь идёт об опекуне-кейюме, назначенном властями в 1302 г. от Хиджры для Муслимат. Такой опекун назначался или после того, как ребенок лишался опекуна-весия, или после его отстранения от опеки как человека, оказавшегося *«недобронравным и неблагочестивым»* [41, с.303].

Мелик после 1302 г. по Хиджре был кадием Ялцуга, значит, не объявлялся до этого *«недобронравным и неблагочестивым»*, иначе не был бы кадием. Следовательно, он не отстранялся от опеки над Муслимат, он просто не был поэтом в его завещании назначен её опекуном-весием.

Магомед-эфенди, как кадий округа, в качестве опекуна-кейюма для Муслимат не назначил ни её дядю Мелика, ни её дядю Наби, ни другого человека, а назначил себя, тем самым сделав исключительный для окружного кадия шаг, который может быть расценен, вероятно, как акт по защите малолетней Муслимат от серьёзной угрозы, исходившей от её указанных родственников.

Это очень важно знать, чтобы правильно оценить отношения поэта с его братьями. Но для определения даты смерти

¹ К сожалению, в опубликованный перевод отчёта опекуна вкралась ошибка: в качестве года, с которого началось опекунство Магомеда-эфенди, в газете был указан 1301 г. по Хиджре, вместо указанного в оригинале документа 1302 г. по Хиджре.

поэта важно знать другое, – знание того, что Эмин умер ещё до назначения опекуна-кейюма, успев назначить опекуна по завещанию – весия. Мы теперь точно знаем, что до Магомеда-эфенди функции назначенного Эмином по завещанию опекуна-весия кто-то выполнял, но в какой-то момент почему-то перестал им быть. И только после этого Магомед-эфенди взял на себя функции опекуна-кейюма по отношению к дочурке поэта Муслимат. Следовательно, между смертью поэта и началом опекунства Магомеда-эфенди над его дочкой Муслимат есть промежуток времени, когда опекуном Муслимат был человек, ставший им по завещанию Эмина.

Значит, нет никаких оснований считать, что первый день первого года опекунства Магомеда-эфенди (1302 г. по Хиджре) – 20 октября 1884 г. по григорианскому календарю является днем смерти поэта, так как между днём смерти поэта и днём начала опеки Магомеда-эфенди в 1302 г. по Хиджре есть время опеки другого человека, назначенного опекуном самим поэтом в его завещании. Как мы выяснили выше, им не был ни Мелик, ни Наби. Естественно, им не был и Магомед-эфенди, раз он был назначен в 1302 г. по Хиджре опекуном-кейюмом из-за того, что Муслимат к этому времени лишилась опекуна-весия. Кто мог быть опекуном до Магомеда-эфенди – это мы выясним, когда будем рассказывать далее о судьбах близких людей поэта после его смерти.

Но 20 октября 1884 г. – предполагаемую дату начала опеки со стороны Магомеда-эфенди над Муслимат – нельзя считать датой смерти поэта, так как уже достоверно известно, что Магомед-эфенди не был первым опекуном над дочкой Эмина. Таким образом, и вторая версия о годе смерти поэта оказывается недостоверной – не имеющей отношения к действительности. Понимая это, некоторые авторы предпринимают попытки придумать другие обоснования этой дате. Но пока такие попытки, известные из литературы, основаны на ошибочных расчётах¹.

¹ Ф. Р. Нагиев в своей книге «Етим Эмин: путь к истине» приводит такое обоснование этой даты. Он полагает, что кадий Магомед-эфенди стал опекуном Муслимат в 1300 г. по Хиджре после смерти Мелика, который до этого три года якобы был её опекуном. Он предполагает, что 1300 г. по Хиджре соответствует 1887 г. по григорианскому календарю, и, вычтя из этого года три года, получает год смерти поэта – 1884 г. Но обоснование строится на неправильном переводе 1300 г. по Хиджре в 1887 г. от Р.Х. (на самом деле началу 1300 г. по Хиджре соответствует 31 октября 1883 г.), на незнании того факта, что опекунство кадия Магомеда-эфенди над Муслимат началось в 1302 г. по Хиджре (1884–1885 г. от Р.Х.), и на пренебрежении тем фактом, что это опекунство началось при живом Мелике,

В такого рода попытках нет ничего страшного – их делают практически все литераторы, начинающие заниматься исследованиями. (Если, конечно, эти попытки, основанные на неправильных расчётах и на сомнительных сведениях, не приводят их авторов к бесосновательным и неправомерным умозаключениям в отношении столпов лезгинской культуры, таких, как Г. Гаджибеков¹, который был одним из первых собирателей наследия Эмина и который, по нашему мнению, по сути, является вторым после Эмина столпом современной лезгинской культуры.)

К сожалению, до сих пор никто серьёзно не анализировал мнение Г. Гаджибекова и его товарищей о годе смерти Эмина, что выглядит как своего рода оскорбление их памяти со стороны последующих поколений, пренебрежительным отношением к их мнению вообще. А ведь они – это те, кто самоотверженно собирал стихи, сохранившиеся у современников Эмина, кто свои лучшие молодые годы посвятил этому делу, а кто-то из них – и жизнью пожертвовал ради этого! Разве их мнение не заслуживает пристального нашего внимания?!

Мы предлагаем ещё раз, но серьёзно задуматься над тем, почему эти достойные и образованные люди, которые разговаривали об Эмине с теми, кто знал поэта, считали, что в 1928 году исполнилось 50 лет со дня его смерти. К тому же у нас на сегодняшний день есть лишь эта информация о годе смерти Эмина, основанная на словах тех, кто знал живого поэта. Другие версии года смерти поэта, встречающиеся в литературе, как мы выяснили, не имеют твёрдых оснований.

который в Посемейном списке села Ялцуг от 10 июля 1886 г. указан под №9 среди живых жителей села. (См.: Посемейный список селения Ялцугар Ялцугарского сельского общества Кутур-Кюринского наибства Кюринского округа, ГАРД, фонд 21, опись 5, ед. хранения 86). Потому мы вынуждены эти рассуждения Ф. Р. Нагиева о годе смерти поэта считать нелогичными и необоснованными.

¹ Ф. Р. Нагиев в соответствии со своим выводом о том, что Эмин умер в 1884 г., основанным на непонимании им разницы между мусульманским и христианским календарями и на ложном предположении, что Магомед-эфенди стал опекуном над Муслимат после смерти её дяди Мелика, пришёл к такому умозаключению: «Выходит, что Г. Гаджибеков ошибался, когда приурочивал сборник 1928 г. к 50-летию со дня смерти поэта». (См.: Нагиев Ф. Р. Етим Эмин: путь к истине. – Махачкала, 2002. – С.27)

Увы, здесь мы вынуждены признать, что такое утверждение, терпимое в общем случае, становится нетерпимым в случае мнения Г. Гаджибекова по поводу года смерти Эмина, ибо о его мнении, как о мнении основоположника эминоведения, мы полагаем, нельзя высказываться с пренебрежительно-снихоходительной интонацией и без серьёзного обоснования.

Впервые о годе смерти поэта собиратели его наследия публично заявили 24 января 1928 г. В этот день в газете «Красный Дагестан» Гаджибек Гаджибеков опубликовал четвертую часть статьи «К вопросу о создании лезгинской письменности», где сообщил, что он со своими товарищами за последние три года собрал около 100 стихотворений «*Этима Эмина, 50-летие (со дня) смерти которого исполняется* (выделено нами – авт.) *в текущем году*» [47]. В том же 1928 году эти молодые люди из собранных ими стихотворений составили сборник избранных произведений Эмина и издали его. В предисловии к этому сборнику было написано, что он издан «*в связи с тем, что исполнилось* (выделено нами – авт.) *50 лет со дня смерти Эмина*» [10, с.3].

Получается, что в январе 1928 г. по григорианскому календарю, когда Г.А. Гаджибеков опубликовал статью «Народное творчество и письменность», 50 лет со дня смерти Эмина должно было *исполниться в будущем*, а к моменту выхода сборника его стихов в том же году, 50 лет со дня смерти поэта *уже исполнилось*.

Когда же был издан этот сборник? Установить это нам позволяет комментарий к сборнику, напечатанный буквами на основе латинской графики, в то время как стихи напечатаны буквами на основе арабской графики. Комментарий к сборнику, если его передать с помощью современного лезгинского алфавита, выглядит так [10, с.28]: «Чи играми тир шаир Етим Эминан чАларин ктаб куьгъне ва ктIай араб гьарфарал акъат авунин сеbeb ам я хьи, и ктаб туькIуьрна басмадиз гана акъуддай чIавуз лезги элифар арадиз акъатнавачир. Иниз килигна квевай чун багъишламиш авун тIалаб ийизва чна». *(Причиной того, что книга нашего драгоценного поэта Этима Эмина выходит напечатанной старыми и гнилыми арабскими буквами заключается в том, что во время создания /сборника стихов/ и передачи его в печать ещё не было лезгинского алфавита. Поэтому мы просим вас простить нас за это.)*

Иными словами, сборник стихов готовился, когда ещё не было лезгинского алфавита на основе латиницы, а в момент его выхода из печати этот алфавит уже был. Значит, сборник стихов Эмина, изданный в 1928 г., увидел свет после появления лезгинского алфавита на основе латинской графики. А когда появился такой алфавит? Такой лезгинский алфавит был утвержден научным советом Всесоюзного центрального коми-

тета Нового алфавита 27 июня 1928 г. [49, с.176-177]. Из этой информации следует, что сборник стихов Эмина на аджаме увидел свет после 27 июня 1928 г. и потому там есть комментарий, записанный буквами нового лезгинского алфавита на основе латинской графики.

Возникает законный вопрос: какое событие произошло за период времени с 24 января 1928 г., когда Г.А. Гаджибеков сказал, что 50 лет со дня смерти поэта *будет в ближайшее время*, и по 27 июня 1928 г., после которого в сборнике стихов Эмина появилось утверждение, что 50 лет со дня смерти поэта *уже исполнилось*?

За этот промежуток времени произошло одно важное для нашего повествования событие, а именно: 18 июня 1928 г. по григорианскому календарю закончился 1346 г. и начался 1347 г. по Хиджре. После этой даты, как мы выяснили, и вышел сборник стихов Эмина на аджаме, в котором было сказано: исполнилось 50 лет со дня смерти Эмина. Согласно лунному календарю, как мы выяснили выше, новый 1347 г. по Хиджре начался 18 июня 1928 г. по григорианскому календарю. Соответственно, в начале 1928 г. о предстоящей дате – о 50-лети со дня смерти поэта – Г.А. Гаджибеков мог заявить лишь в том случае, если Эмин умер в первой половине 1297 г. по Хиджре, т.е. в период от 14.12.1879 до 26.06.1880 по григорианскому календарю, и если годы, прошедшие после смерти поэта, считались бы по лунному календарю. Поэтому можно считать, что по расчётам первых собирателей наследия поэта он умер в первой половине 1297 г. по Хиджре, что соответствует первой половине 1880 г. по григорианскому календарю, и в 1347 г. по мусульманскому календарю, начавшемуся 18 июня 1928 г., исполнилось 50 лет со дня его смерти в соответствии с мусульманским календарём.

Есть и очевидное объяснение тому, почему годы, истекшие со времени смерти поэта, в момент издания Г. Гаджибековым и его товарищами первого сборника стихов Эмина они считали в соответствии с мусульманским лунным календарем.

Это объяснение связано с тем, что до Революции и через 7 лет после образования Дагестанской АССР, когда ещё не началась ликвидация безграмотности (этот процесс в Дагестане начался лишь в 1928 г., когда для местных народов придумали алфавиты и была прекращена деятельность дореволюционных мектебов при мечетях, в которых придерживались мусульманского календаря), никто не смог бы подавляющему боль-

шинству лезгин объяснить, что такое 50 лет по григорианскому календарю, ибо многие сотни лет до этого лезгины месяцы считали по луне, а годы – по лунному календарю. По-другому они, за редким исключением, в 1928 году не считали и даже не знали, что летоисчисление может быть иным.

Поэтому Г. Гаджибеков и его товарищи, говоря в 1928 г. о 50-ти годах со дня смерти поэта, естественно, имели в виду года, рассчитанные по мусульманскому календарю, и было тогда бессмысленно объявлять о 50-ти годах в григорианском летоисчислении! Только в мусульманском летоисчислении Г. Гаджибеков и его товарищи могли тогда объявить лезгинам о годах, прошедших со дня смерти поэта!

Потому вполне обоснованно можно сказать, что лезгинский поэт Етим Эмин умер в первой половине 1880 г. Только в этом случае в 1928 г. по григорианскому календарю могло исполниться 50 лет со дня его смерти, причём в соответствии с мусульманским лунным календарем.

Ещё раз повторим: Г. Гаджибеков и его товарищи собирали стихи Эмина в основном у людей, которые ещё помнили живого поэта или были людьми поколения, следующего за поколением Эмина. Потому первым составителям сборника стихов Эмина, собранных у них, было известно, что Эмин умер в возрасте *«приблизительно 40 лет»*.

Мы ранее установили, что Эмин родился в 1840 г. Это соответствует вышеприведенному убеждению, бытовавшему среди первых собирателей стихов Эмина, в том, что в момент смерти Эмину было *«приблизительно 40 лет»*, и установленному нами году смерти поэта – 1880 г. (Возраст в 40 лет по григорианскому календарю равен возрасту чуть больше 41 года по мусульманскому календарю, что также можно считать соответствующим возрасту *«приблизительно 40 лет»*.)

Таким образом, мы можем утверждать, что **1840–1880 гг.** больше соответствуют истинным годам жизни Эмина, чем официально заявленные в последнее время в этом качестве 1838–1884 гг.

Наш вывод основывается на мнении первых собирателей произведений поэта, на понимании разницы между мусульманским и христианским календарями, на данных документа о расходах на малолетнюю дочку поэта после его смерти, на содержании его стихов, на информации из посемейных списков 1886 г., а до сих пор указываемые годы – 1838–1884 гг. – установлены лишь на основании ошибок при переводе дат мусульманского календаря, имеющих в некоторых документах, в даты григорианского календаря и больше ни на чём.

СУДЬБЫ РОДСТВЕННИКОВ ПОЭТА

Эмин ушёл. Ушёл, испив до конца чашу практически всех возможных в юдоли плача человеческих горестей и оставив на грешной земле одну сестру (Эйлихан), двух дочерей (Кизхалум и Муслимат), двух родных по матери и отцу братьев (Мелик и Наби), одного родного по матери, но не родного по отцу брата (Шахламаз), жену (Тукезбан), родственников по отцу в Цилинге, родственников по матери (Лейли) и её новую семью в Кахцуге...

Эйлихан – единственная сестра поэта, которая была жива, когда он умирал. Видимо, у неё со старшим братом сложились очень доверительные и близкие отношения. Сама она была типичной горянкой, жила не очень богато, раз Эмин посчитал нужным из всех своих родственников только ей, наряду с дочерьми Кизхалум и Муслимат, выделить в качестве наследства часть из своего скромного имущества. Этот символический жест со стороны Эмина можно расценить как выражение своих искренних братских чувств к сестре. О её судьбе после смерти поэта ничего не известно, кроме того, что 20-го числа мусульманского месяца Джумада аль-ахира 1303 г. по Хиджре, что соответствует 25 марта 1886 г. по григорианскому календарю, она свою долю в наследстве Эмина «добровольно» уступила брату Мелику, дав доверенность, предоставляющую ему право на свое усмотрение распоряжаться её долей в наследстве Эмина. Этот документ в переводе с арабского языка на лезгинский 16 января 1966 г. Г. М. Садыки опубликовал в газете «Коммунист». Доверенность указывает на то, в каком селе могла быть замужем Эйлихан. Ранее по неизвестной причине считалось, что местом её замужества стало село Гоган¹. Одна-

¹ Село, в русских источниках указанное как Гоган (Коган), по-лезгински называлось «Гъугъван». Ныне от него остались лишь развалины на самом западе территории нынешнего Магарамкентского района Республики Дагестан.

ко, как свидетельствует печать на доверенности, она удостоверена «Кючхюрским сельским судом». В настоящем издании мы впервые публикуем изображение оригинала этого документа¹.

Указанный в документе суд являлся общим для «Кючхюрского сельского общества» Кутур-Кюринского наибства Кюринского округа, куда входили два села: Кючхюр и Цилинг.

Мы полагаем, что замужество сестры Эмина имело место на родине её отца – в Цилинге. Это более вероятно, чем её замужество в селе Кючхюр. В любом случае она была замужем или в Цилинге, или в Кючхюре, но никак не в Гогане, как ранее считалось.

Теперь вернёмся к смыслу доверенности. Он выражен в тексте документа следующими словами:

«Я, дочь маллы Севзихана, женщина по имени Эйлихан, передаю представительство и доверяю моему брату малле Мелику распоряжаться имуществом, которое выпало на мою долю при дележе наследства моего брата маллы Эмина, включая одну треть дома».

Этот текст, по сути, свидетельствует о том, что Мелик через несколько лет после смерти поэта забрал у сестры Эйлихан без какой-либо оплаты скромное имущество, оставленное ей в качестве наследства умершим братом. Это лишний раз подтверждает, мягко говоря, нелицеприятную оценку, которую дал Мелику поэт в известном стихотворении **«Веси»** («Завещание»)...

Теперь расскажем о судьбе старшей дочери Эмина – Кизхалум («Къизхалум» по-лезгински). Она родилась приблизительно в 1863 г. Именно в связи с хлопотами, вызванными её замужеством, Эмин сочинил стихотворение **«Къавумдиз»** («Куму»)[14, с.112-113], где иронизировал над существовавшим тогда обычаем требовать от родителей жениха много дорогих одеяний для невесты. В этом стихотворении он изумительно красиво и подробно описывает дорогие и модные одеяния для невест того времени и в шутку говорит куму: *«Неприличную ткань, одеяние с изьянами чтобы не принёс!»* (Наши парча, кими либас гъиз тахъуй!). Но тут же добавляет:

Жители переселились в село Азадоглы Дербентского района. Во второй половине XIX в. оно входило в состав Кутур-Кюринского наибства Кюринского округа.

¹ Приложение №19.

«Етим Эмин, зайиф я, гьал авачир,
Чара фикир, са бед хиял авачир,
Я тлалабдай хазина, мал авачир...»
(Етим Эмин /– это тот, кто/ слаб и /у кого/ нет здоровья,
/Кто/не имеет скрытых мыслей /и/ плохих намерений,
Также просьба /к куму/ по поводу сокровищ /и/ богатств.)

Из этого описания поэтом самого себя следует, что он выдал дочку Кизхалум замуж тогда, когда был уже болен и слаб, но ещё не слёг. Это было приблизительно в 1877 г., ещё до восстановления.

Как свидетельствует внук Эмина – Ярахмед Ярахмедов (сын дочери поэта Муслимат), к Эмину в качестве свата по поводу Кизхалум приходил Алимердан из Ахнига [6, с.200]. Вероятно, это был отец или другой родственник жениха, так как сами женихи тогда свататься не ходили (как указывает бывший редактор курахской районной газеты «**Дагъдин булах**» («Горный родник») А. Семедов в статье «Когда слушаешь старших» («Яшлубуруз яб гайила») на 4-й странице газеты «Коммунист» от 9 сентября 1981 г., Алимердан был братом жениха).

Сохранился один документ – договор купли-продажи части дома, связанный с именем Кизхалум, где упомянуто имя её первого мужа. Согласно этому договору она, «жена Алибека, дочь маллы Эмина», продала свою долю наследства от отца – 1/3 от его дома и иного имущества за смехотворную сумму 18 рублей... своему дяде «малле Мелику, сыну Севзихана из Ялцуга». Вот полный текст этого договора в переводе на русский язык:

«5 раджаб 1303 г. по Хиджре¹.

Я, Кизхалум, жена Алибека, дочь маллы Эмина из Ялцуга, продала третью часть дома, доставившуюся мне от отца, моему дяде со стороны отца, малле Мелику, сыну маллы Севзихана из Ялцуга, за 18 рублей, незамедлительно, вместе с относящейся к этому дому совокупностью объектов – дорогой, прилегающей улицей, /а также/ местом для отходов и мусора, третьей частью танура² и третью стены дома, без претензий со стороны других. Я прошу у членов суда составить этот договор и предоставить его покупателю.

¹ Соответствует 8 апреля 1886 г. по григорианскому календарю.

² Танур – по-лезгински «танур», печь-жаровня особого кувшинообразного вида. Согласно «чертежам» дома Эмина, такая печь стояла в центре двора дома поэта.

Соглашение о купле-продаже было заключено в присутствии членов упомянутого суда. А это: Велибек, Ахмед, Кадим, Гамзат и Мурсал. Писарь суда – Яхъя.

Я, Кизхалум, уполномочиваю кадия суда приложить к договору палец ввиду своей неграмотности».

Как видим, в этом договоре особо подчеркивается, что Кизхалум продала своё имущество «незамедлительно», что означает, что этот договор вступил в силу в момент его составления. Видимо, покупатель боялся, что кто-то вмешается в эту кабальную для продавца сделку после составления договора и потому включил в него условие о «незамедлительном» вступлении его в силу. А кабальность сделки видна из того, что 1/3 дома со связанными с ним объектами были куплены по цене 18 рублей, в то время как простой детский платок тогда стоил 50 коп. (информацию о стоимости детского платка содержит отчет об опеке над маленькой Муслимат кадия Кюринского округа Магомеда-эфенди).

Сделка удостоверена «Гоганским сельским судом», что объяснимо: тогда село Ахниг, где жила после замужества Кизхалум, входило в состав «Гоганского сельского общества», куда, помимо села Гоган, входили сёла: Ахниг, Кама-Кучун и Кучун.

Сей документ датирован 5 числом месяца Раджаб 1303 г. по Хиджре, что соответствует 8 апреля 1886 г. по григорианскому календарю, и был опубликован Г. М. Садыки в переводе на лезгинский язык в газете «Лезги газет» 7 июля 1995 г. В настоящем издании мы впервые публикуем изображение оригинала этого документа на арабском языке¹.

Из его текста следует, что первым мужем Кизхалум был мужчина по имени Алибек. Согласно сведениям, собранным А. Г. Агаевым, он и Кизхалум оказались единственными людьми, от кого Эмин и его жена Тукезбан получали поддержку в самые тяжелые для них дни [6, с.27].

Но вскоре Алибека не стало. По сведениям, собранным об Эмине и его родственниках филологом А. Г. Гюльмагомедовым в 1974 г., Кизхалум от первого мужа из села Ахниг² родила сына Шахламаза [48, с.59]. Через некоторое время муж умер, и она вторично вышла замуж за человека по имени Гезер

¹ Приложение №20.

² Село Ахниг ныне относится к Курахскому району Республики Дагестан. Во второй половине XIX в. входил в состав Кюринского округа Дагестанской области.

(«Гъезер» по-лезгински) из того же села Ахниг и от него родила ещё троих детей: дочерей Селми и Кизтамум, а также сына по имени Эмин, рано умершего и потому не оставившего потомства [48, с.59]. Современные потомки Кизхалум ошибочно полагают, что отцом внука поэта Шахламаза также является Гезер. Они про его действительного отца Алибека – первого мужа Кизхалум, – как и про рано умершего её сына Эмина от Гезера, к сожалению, ничего не знают [50, с.4].

Посемейные списки селения Ахниг¹ от 10 июля 1886 г. содержат сведения, которые позволяют нам пролить свет на некоторые обстоятельства двух замужеств Кизхалум. В этих списках села Ахниг в семье под №40 указан **«Газеръ Мирзбекъ оглы»**² 23 лет от роду по мусульманскому календарю, который является «приёмным» в семье человека по имени **«Рахманъ Адиль оглы»** 1822 г. рождения. Других мужчин по имени «Гезер» в списке жителей села Ахниг нет. Следовательно, мы вполне обоснованно можем сказать, что второй раз Кизхалум вышла замуж в Ахниге за Гезера сына Мирзебека, родившегося в 1863–1864 гг. Но это случилось потом, уже после переписи от 10 июля 1886 г.

И вот почему. 8 апреля 1886 г. в договоре о купле-продаже доли Кизхалум в наследстве от отца она указана как «жена Алибека». И если допустить, что сразу после заключения указанной сделки муж Кизхалума умер, то она по канонам шариата обязана была выждать четыре месяца и десять дней перед следующим замужеством, следовательно, раньше второй половины августа 1886 г. она не могла повторно выйти замуж. При таких обстоятельствах надо считать, что за Гезера Кизхалум вышла замуж после переписи, состоявшейся 10 июля 1886 г. по юлианскому календарю.

Сам факт удостоверения сделки от имени Кизхалум в апреле 1886 г. Гоганским сельским судом говорит о том, что в тот момент Кизхалум была замужем в одном из четырех сёл, подсудных этому суду: в Ахниге, Гогане, Кучуне или Кама-Кучуне, т.е. её первый муж Алибек являлся уроженцем одного из этих сёл. Определённую информацию о первом муже старшей

¹ Посемейный список села Ахниг Коганского (Гоганского) сельского общества Кутур-Кюринского наибства Кюринского округа, ГАРД, фонд 21, опись 5, ед. хранения 86.

² Приложение №21.

дочери поэта в посемейных списках указанных сёл нам найти не удалось.

Как указано выше, считается, что этот Алибек, первый муж Кизхалум, был из Ахнига. В посемейном списке этого села по состоянию на 10 июля 1886 года упомянуты только два совершеннолетних Алибека, один из которых по возрасту мог бы быть зятем Эмина. Правда, к моменту переписи один из них – живой, а второй – уже покойный.

Живой Алибек, сын Рамазана, 30 лет от роду¹ по мусульманскому календарю, указан в этом списке под №32 как **«Алибекъ Рамазанъ оглы»**. У него в семье есть ещё двухлетний сын Рамазан и две женщины.

Второй, уже покойный Алибек, который по возрасту мог бы быть зятем Эмина, в посемейных списках этого села упомянут косвенно. В этом списке под №84 указана семья, состоящая из двух человек: из восьмилетнего главы семьи под именем **«Али Бекъ Али Бекъ оглы»**² и одной женщины, возраст и имя которой не указаны. Вероятно, это – сын и мать и здесь глава семейства – восьмилетний Алибек назван в честь умершего его отца по имени Алибек. Значит, отец этого восьмилетнего Алибека по имени Алибек умер за восемь лет до переписи – в 1878 г. и не мог быть мужем старшей дочери Эмина, так как её муж в апреле 1886 г., когда совершалась сделка по купле-продаже доли Кизхалум в наследстве от отца, был жив, как указано в документе о сделке.

Получается, что из ахнигцев только Алибек 1857 г.р., сын Рамазана, указанный в посемейном списке своего села под №32, мог быть мужем Кизхалум. Но известно, что её сына от первого брака во взрослой жизни звали Шахламаз, а не Рамазан, как указано в этом списке 1886 г. Если упомянутый Алибек был мужем Кизхалум, то возможны два варианта объяснения этого казуса с именем их сына: или этот мальчик Рамазан умер рано и Шахламаз был сыном, родившимся после Рамазана, или этот маленький мальчик часто болел и потому, исходя из суеверных представлений того времени и из того факта, что носивший это имя дедушка рано умер, его родители, желая уйти от имени, «несущего» болезни, могли дать ему новое имя Шахламаз. Такое ранее нередко практиковалось...

¹ Приложение №22.

² Приложение №23.

Как бы то ни было, у Кизхалум был сын Шахламаз от первого мужа по имени Алибек, он вырос и женился на девушке Эрзи из ахнигского тухума «Мигърялияр», и у них родились сын Эмин и дочь Балахалум. Шахламаз и Эрзи рано умерли, оставив своих детей сиротами. Воспитание маленьких Эмина и Балахалум на себя взяла Кизтамум – сестра Шахламаза [50, с.4], вероятно, из-за того, что она была замужем и жила в том же селении Ахниг. Балахалум вышла замуж и переехала в селение Самур, но там быстро умерла от малярии, не оставив потомства. Эмин же «за куском хлеба» подался в Баку, оттуда потом ушёл служить в Красную Армию. После 1939 года о нём нет никаких известий. Видимо, погиб на советско-финской войне.

Внучка поэта Селми (старшая дочь Кизхалум – старшей дочери поэта) вышла замуж за Алима из селения Кабир. Известно, что они родили сына Магомед. Когда Магомед вырос, за него не выдали любимую односельчанку [50, с.5]. Тогда он уехал в Баку и там завел семью: женился на русской девушке. Из Баку был призван на войну. В начале 1943 г. его родители Алим и Селми получили похоронку на сына и вслед за этим страшным известием сами тоже умерли. Так прекратилась линия поэта, идущая через внучку Селми.

Внучка поэта Кизтамум (младшая дочь Кизхалум) вышла замуж за ахнигца Велихана и родила трёх дочерей и одного сына: Алейхалум, Нинехалум, Шахпаз и Шахнесиб. Согласно сведениям потомков Кизтамум, Велихан был колхозным пастухом и в 1943 г. был убит с целью грабежа в районе села Кулар («ЛукIар» по-лезгински) Дербентского района дезертирами, уклонявшимися от участия в войне [50, с.5]. После этого удара судьбы мужественная внучка поэта Кизтамум одна вырастила четверых своих детей, не считая ещё и двоих детей старшего брата Шахламаза.

Здесь нужно сделать некоторую оговорку. Внуки Кизтамум, рассказавшие о её судьбе, о судьбе её сестры Селми и о судьбах других потомков поэта в газете «Лезги газет» [50, с.4-5], но не видевшие и лично не знавшие этих сестёр, полагают, что Кизтамум была старше Селми. Однако по сведениям, записанным в 1974 г. филологом А. Г. Гюльмагомедовым у знавшей этих сестёр при их жизни уроженки села Ахниг Садыковой Пери, до 1934 г. 7 лет жившей в доме брата Эмина Наби в Ялцуге, будучи замужем за его внуком, это не так. Соглас-

но сообщённым сведениям, Селми старше Кизтамум [48, с.61]. Тут, скорее, права Пери-де¹ (так в народе звали Садыкову Пери в Мугергане, где она с 1934 г. жила после развода с внуком Наби, вторично выйдя замуж), знавшая этих сестёр, а не их сегодняшние потомки, знающие о них понаслышке...

Пришла очередь и младшей дочери Эмина Муслимат, чтобы мы рассказали о её судьбе тоже. Она, вероятнее всего, родилась в начале 1877 г. Когда поэт умер, ей, наверное, было 3-4 года. Из факта наличия завещания поэта следует, что Муслимат получила опекуна, назначаемого по завещанию и в шариате называемого именем «весий». Но в начале 1302 г. по Хиджре, что соответствует октябрю 1884 г. по григорианскому календарю, опеку над Муслимат, как мы ранее писали, берет на себя кадий Кюринского окружного суда Магомед-эфенди из Алкадара, о чём свидетельствует его отчёт по расходам на сироту Муслимат.

Для нашего повествования самым важным в этом отчёте является то, что там речь идёт о расходах Магомеда-эфенди на содержание сироты, начиная с 1302 г. по Хиджре – «после того как стал её опекуном», в шариате называемым «кейюмом», т.е. назначаемым властью. Такой опекун назначался или после того, как ребенок лишался опекуна-весия, или после его отстранения от опеки как человека, оказавшегося «недобронравным и неблагочестивым» [41, с.303].

Кто же до Магомеда-эфенди был опекуном Муслимат, прекратившим исполнение своих полномочий в связи со смертью или по другой причине? Им не мог быть брат поэта Мелик: позже он был назначен кадием Ялцуга, значит, был жив и не объявлялся до этого «недобронравным и неблагочестивым», иначе не «прошёл» бы в кадии.

Таким назначенным Эмином опекуном мог бы быть шурин поэта Ага-Мирза-эфенди, с которым у поэта были, как следует из переписки между ними, близкие отношения. Его могли отстранить от опеки над Муслимат после того, как его сослали в Саратов за участие в восстании 1877 г., что случилось, вероятно, весной-летом 1879 г., когда в ссылку отправляли не

¹ Пери-де, у которой известный филолог А. Г. Гюльмагомедов в 1974 году записал сведения об Эмине и его потомках, в 20-30-х годах XX века 7 лет была замужем в Ялцуге за внуком брата поэта Наби, потом с нею этот внук развёлся из-за её предполагаемой «бездетности», после чего она вторично вышла замуж в 1934 году в селе Мугерган и там родила двух сыновей, один из которых стал... будущим известным филологом А. Г. Гюльмагомедовым...

участвовавших непосредственно в восстании, а сочувствовавших бунтарям представителей духовенства и местной власти, которых считали скрывающимися от начальства известной им информации о готовившемся восстании. Но такое отстранение Ага-Мирзы-эфенди от опеки, если он был бы опекуном, должно было бы состояться в 1879 г. – сразу после его ссылки, а оно произошло через 5 лет – в 1884 г. К тому же в 1883 г. Ага-Мирза-эфенди, прощённый властями, из ссылки вернулся в родное село Кean и после этого в 1884 г. власти не могли его, прощённого, объявить «недобронравным и неблагочестивым», что необходимо было для отстранения опекуна-веси от опекунства. Получается, что не Ага-Мирза-эфенди был опекуном-весиём Муслимат.

Младший брат поэта Наби – слабохарактерный крестьянин, не будучи объявленным властями «недобронравным и неблагочестивым», тоже не может быть признан отстранённым от опеки над Муслимат.

Казалось бы, мы не можем определить того человека, кого Эмин назначил опекуном над своей малолетней дочуркой. Но это не так. Разобраться с этим опекунством нам помогут нормы шариата. Согласно им, правом назначать опекунов-весиёв по духовному завещанию пользуются только отцы и деды, являющиеся «велиями», а прочие родственники, даже мать, этого права не имеют [41, с.302], потому что *«мать не есть велий», но может быть назначена к заведыванию опекой по духовному завещанию* умершего мужа [41, с.301], т.е. мать имеет право быть опекуном над своим малолетним ребенком, если её муж в своем завещании даст ей такое право. При этом, согласно шариату, *«мать теряет это право, только выйдя замуж повторно»* [51, с.37].

Вышеприведенные нормы шариата позволяют нам определить единственного кандидата на выполнение роли опекуна Муслимат, назначенного её отцом. Это – мать Муслимат и жена Эмина Тукезбан. Это она была опекуном Муслимат по завещанию поэта. И она перестала им быть при повторном выходе замуж после его смерти. Случилось это, видимо, в 1884 г. К тому времени у младшего брата Эмина Наби умирает жена, и он остается один с трёхлетним сыном Аливерди 1881 г. рождения. Тукезбан выходит за него замуж [48, с.59], и они начинают жить вчетвером: муж с женой и двоюродные брат с сестрой – Аливерди и Муслимат.

Этот факт косвенно подтверждает посемейный список селения Ялцуг от 10 июля 1886 г.¹, где в списке под №7 указана семья во главе с «**Наби Савзиханъ оглы**»², состоящая из него самого, сына Аливерди 5 лет и из душ «женского пола» в количестве двух человек (в посемейных списках тогда указывали лишь число женщин в семье, без указания их имен и возраста). С учётом того, что у Наби от первой жены был лишь сын, полагаем, что эти две души «женского пола» – Тукезбан и малолетняя её дочь Муслимат, живущие вместе с Наби в момент переписи.

И только после такого поворота в судьбе Муслимат, когда она из-за повторного выхода замуж мамы лишилась её опеки, кадий Кюринского округа Магомед-эфенди взял на себя функции её опекуна. Это произошло, судя по отчёту кадия, осенью 1884 г. Поэтому мы утверждаем, что именно в том году, через 4 года после смерти Эмина, его жена Тукезбан вышла замуж за овдовевшего к тому времени Наби, и в связи с этим событием, согласно нормам шариата, перестала быть опекуном над дочерью Муслимат, и функции её опекуна взял на себя Магомед-эфенди – кадий Кюринского окружного суда, что является исключительным случаем, так как в функции кадия входит назначение опекунов для малолетних сирот, а не взятие их под свою опеку. Видимо, в этом проявились особые дружеские отношения между родами Етима Эмина и Магомеда-эфенди, которые сложились ещё со времени жизни их отцов – Севзихана из Цилинга и Абдуллаха из Алкадара.

Магомед-эфенди 7 лет осуществлял опеку над Муслимат, которая завершилась, как следует из отчета об опекунстве (**Приложение №15**), в 1891 г. в связи с достижением ею совершеннолетия в соответствии с представлениями, существовавшими тогда в Южном Дагестане. Нормы шариата предусматривают различные признаки совершеннолетия, но в любом случае ребенок считается достигшим совершеннолетия, если у него нет умственных отклонений и ему исполнилось 15 лет по мусульманскому календарю (14,5 лет по григорианскому календарю). Если Муслимат стала совершеннолетней в конце 1891 г., это позволяет нам предположить, что она родилась не

¹ Посемейный список селения Ялцугар Ялцугарского сельского общества Кутур-Кюринского наибства Кюринского округа, ГАРД, фонд 21, опись 5, ед. хранения 86.

² **Приложение №24.**

ранее, чем за 14,5 лет до этого, т.е. не ранее начала 1877 г. После достижения совершеннолетия она вышла замуж за Гюльмета, сына Ярахмеда из Ялцуга, 1879 г. рождения – по сведениям, содержащимся в посемейном списке села Ялцуг от 10 июля 1886 г., где под №20 указаны Ярахмед 1845 г. рождения, его сын Гюльмет 1879 г. рождения и другие члены семьи¹. У них родились сын Ярахмед и дочь Сагибат [48, с.59].

По сохранившимся в народе слухам, сёстры Кизхалум и Муслимат не были похожи друг на друга. Взрослая Муслимат была спокойной, среднего роста, краснощёкой и светлокожей женщиной. А взрослая Кизхалум, наоборот, была смуглой, худощавой, высокой и острой на язык барышней. Молва говорит о том, что Муслимат больше походила на свою мать Тукезбан.

Теперь расскажем о судьбах братьев Эмина после смерти поэта.

Брат Мелик был моложе Эмина на 7 лет – он родился в 1847 г. После смерти поэта Мелик всеми путями добивался должности кадия селения Ялцуг, но, видимо, ему это удалось сделать не сразу, но удалось. В посемейном списке этого села от 10 июля 1886 года «малла Меликъ Севзиханъ оглы» указан в качестве кадия. Следовательно, он стал кадием до июля 1886 г.

Незадолго до этого времени он отобрал у наследников поэта его дом. Вероятно, это произошло весной 1886 г. – через шесть лет после смерти Эмина. Тогда сестра поэта Эйлихан и дочь Кизхалум почти одновременно – с интервалом в полмесяца – уступают ему свои доли в доме покойного поэта: сестра – бесплатно, а дочь Кизхалум – всего лишь за 18 рублей. Малость этой суммы ясна даже из того факта, что такая же доля наследства Муслимат, находившаяся под контролем Магомеда-эфенди с конца 1884 г., как следует из его отчёта об опеке (**Приложение №15**) была реализована за гораздо большую сумму.

Опека над сиротой Муслимат со стороны Магомеда-эфенди осуществлялась в 1302–1308 гг. по Хиджре, что соответствует 1884–1891 гг. по григорианскому календарю. На содержание сироты тратилось в среднем около 11 рублей

¹ Посемейный список селения Ялцугар Ялцугарского сельского общества Кутур-Кюринского наибства Кюринского округа, ГАРД, фонд 21, опись 5, ед. хранения 86.

в год. Деньги каждый год уходили, как правило, на покупку: пшеницы (8 рублей), платья (80 копеек), платка (50 копеек), сарафана (2 рубля) и других мелочей. В конце периода опеки были куплены для Муслимат различные вещи, вероятно, в качестве подготовки к будущей свадьбе на сумму около 18 рублей. Очевидно, эти и все другие расходы осуществлялись за счет реализации доли наследства Муслимат. Согласно вышеуказанному документу об опеке, кадий Кюринского округа Магомед-эфенди, как опекун сироты отчитался перед подчиняющимся ему же «Ялцугарским сельским судом» об осуществленных им расходах на содержание сироты Муслимат во время его опеки над нею, составляющих суммарно 95 рублей. Получается, что младшая дочь поэта Муслимат, находившаяся под опекой кадия окружного суда, за свою долю в наследстве, оставшемся от отца, получила в 5,3 раза большую сумму, чем за такую же долю получила денег старшая её сестра Кизхалум, которая в момент реализации своей доли, вероятно, была уже вдовой.

Почему же Мелик решил отобрать дом покойного брата у его дочерей и сестры не сразу после смерти поэта, а лишь через 6 лет? Видимо, он за это дело взялся лишь после того, как сам стал кадием – обладателем власти и у него возникло желание взять вторую жену. Нахождение во властной структуре позволило ему забрать у сестры Эйлихан её долю в доме покойного поэта бесплатно, а от старшей племянницы Кизхалум откупиться за символическую цену в 18 рублей. А младшей племяннице Муслимат, которая была к этому времени уже под опекой кадия окружного суда, за её долю Мелику пришлось отдать реальную цену – 95 рублей. Забрал у него эти деньги для несовершеннолетней Муслимат, очевидно, кадий Магомед-эфенди из Алкадара.

Таким образом, можно сказать, что весной 1886 г. Мелик, пользуясь своим служебным положением, прибрал к своим рукам дом покойного брата.

Согласно посемейным спискам села Ялцуг¹, где семья Мелика указана под №9, его семья 10 июля 1886 г. состояла из него самого и четырех женщин (см.: **Приложение №24**). Очевидно,

¹ Посемейный список селения Ялцугар Ялцугарского сельского общества Кутур-Кюринского намества Кюринского округа, ГАРД, фонд 21, опись 5, ед. хранения 86.

это были его жена Шахселем и три дочери: Загидат, Галимат и Сакинат.

Вероятно, вторую жену он завёл после переписи 1886 г. К тому времени, став кадием и собственником двух домов, Мелик в качестве второй жены решил взять девушку из Кахцуга по имени Шахумага. Но оказалось, что на неё имеет виды кто-то из его дядюшек – братьев его матери Лейли, живших в том же селении, что и Шахумага. Возник конфликт. Согласно преданию, дяди то ли немного побили племянника, то ли пообещали это сделать. По этому поводу племянник написал достаточно простенькое, незатейливое стихотворение «Халуьриз» («Дядям»), где выразил недовольство ими – своими родичами по материнской линии. В итоге, Мелик не уступил: он взял в качестве второй жены эту девушку, на которую претендовал кто-то из его дядюшек. Видимо, должность помогла племяннику в борьбе за руку и сердце девушки по имени Шахумага: она стала ещё одной его женой. Вместе с нею он поселился в бывший дом Эмина, как более просторный и приспособленный к осуществлению его хозяином функций кадия. Вскоре в этом доме вторая жена родила ему сына, названного при рождении Мугудином...

Рассказывая о жизни Мелика после смерти поэта, нельзя обойти вниманием факты, указывающие на то, что с его стороны, вероятно, имели место попытки присвоить себе часть поэтического наследия покойного брата. О таких попытках, на наш взгляд, свидетельствует, например, факт появления на свет несколько странного рукописного поэтического альманаха, о котором в 1993 г. филологом Р. И. Гайдаровым в прессе было дано первое сообщение и который ныне известен как «найденный в селе Икра рукописный поэтический альманах». Его странность заключается в том, что в нём, содержащем стихи на лезгинском, азербайджанском и арабском языках, записанные арабскими буквами, в качестве автора более двух десятков стихотворений оказался указанным Мелик – брат Эмина, хотя большинство из них по другим источникам и в народе известно как стихи самого Эмина. Среди них есть такие давно известные народу и любимые им произведения, как «Вун хвашгелди, сафагелди!» (С приездом тебя, добро пожаловать!), «Эй, зи гуьзел дилбер ханум...» (Ах, моя красивая и любимая госпожа...), «Вун авачир женнетни кландач...» (Даже рая не хочу, в котором тебя нет...) и «Тумаькь яц» (Жуцый бык) и др.

Последнее упомянутое в этом ряду стихотворение первыми собирателями наследия Эмина было записано у современников поэта и опубликовано ещё в 1928 г., что никогда не вызывало и не могло вызвать никаких сомнений у литературоведов по поводу его однозначной принадлежности Етому Эмину.

Однако в последние десятилетия появились авторы, которые на основании упомянутого альманаха в своих диссертациях и других публикациях всё чаще «отнимают» некоторые стихи у Эмина и «передают» их Мелику. Такие публикации, конечно, могут прославить их авторов как «новаторов» в литературоведении. Они, может быть, и способствуют в наше время защите их авторами различных диссертаций, но, как мы полагаем, мало имеют отношения к науке, т.е. к истине. В связи с этим мы более подробно расскажем об этом альманахе, на основании которого в последнее время наследие Эмина подвергается необоснованной ревизии.

Как мы указали выше, об этом альманахе Р. И. Гайдаров рассказал в 1993 г. Тогда известный филолог в дагестанской республиканской газете «Лезги газет» опубликовал статью об этом альманахе, в которой рассказал о том, что он принадлежал жителю села Икра по имени Узден Фарманов, потом он находился в руках жителя этого же села Мажида Тайибова, от которого в 1949 г. попал к их односельчанину Идаяту Гайдарову – отцу филолога, и с того времени находится в их семье¹. На рубеже 2006–2007 гг. в той же газете, в шести номерах подряд, начиная с 14 декабря 2006 г., филолог опубликовал практически все стихи на лезгинском языке, имеющиеся в этом альманахе, переложив их на кириллический алфавит.

Копия альманаха в виде отдельной книги с предисловием от имени Р. И. Гайдарова, с приложением, в котором приводились стихотворения из него на лезгинском языке, записанные кириллицей, а также с комментариями была издана в Махачкале в 2009 г. под лезгинским названием «КГиридай жагъай гъилин хатIарин шииррин алманах (XVIII-XIX асир²)», что буквально означает «Найденный в селе Икра рукописный поэтический альманах (XVIII-XIX век)».

¹ См.: Газета «Лезги газет». – Махачкала, 1993, 23 января.

² Вероятно, по правилам лезгинского языка в названии книги слово «асир» (век) должно было быть указано в форме множественного числа «асирар» (века), раз в названии указаны два века.

Это издание к выходу в свет готовил профессор Р. И. Гайдаров, но не успел до конца осуществить своё намерение: до передачи книги в печать он заболел и 09.01.2009 скончался. Люди, принявшие эстафету у покойного учёного, издали его книгу согласно сведениям, указанным в ней от имени издательства «Лотос» (г.Махачкала), почти сразу после его смерти, но на книге почему-то указали годом издания предыдущий 2008 г. Но не эта путаница с годом издания книги стала главным проявлением «индивидуальности» людей, взявшихся после смерти профессора за её издание. Эти люди посчитали себя вправе внести в тексты переписанных кириллическими буквами стихотворений коррективы, не соответствующие текстам этих стихотворений, записанных в альманахе арабскими буквами, а также в целом текст книги, включая предисловие Р. И. Гайдарова и комментарии к стихам на лезгинском языке, изложить без соблюдения лексических и орфографических норм, принятых в лезгинском письменном языке, выработкой которых всю жизнь занимался указанный языковед, чем существенно скомпрометировали как Р. И. Гайдарова, так и издание, имеющее отношение к филологии.

Это издание альманаха оказалось, по сути, непригодным к использованию для литературно-исторических исследований не только с филологической точки зрения, но и с исторической точки зрения, ибо издатели его голословно объявили альманахом, охватывающим два века – XVIII-XIX вв., не приведя никаких серьёзных доводов в пользу такого утверждения.

Потому необходимо попытаться самим определить период времени, когда этот альманах появился на свет. Редкие даты и комментарии к ним, имеющиеся в нём, позволяют в некоторой степени определённо говорить о времени и обстоятельствах его появления.

Начнём с констатации того факта, что на 19-й странице альманаха указан 1291 г. по Хиджре (1874 г. по григорианскому календарю) рядом с именем одного из тех, кто собирал и записывал стихи Эмина. Имя его – Махмуд Рухуни, что свидетельствует о том, что стихи Эмина на этой странице и, возможно, на всех предшествующих страницах альманаха записал внук известного поэта и просветителя Али-эфенди из селения Рухун Кюринского округа Дагестанской области¹. Этот факт усколь-

¹ Копию 19-й страницы альманаха, где указаны 1291 г. по Хиджре (1874 г. по григорианскому календарю) и имя Махмуда Рухуни, мы приводим

знул от внимания издателей книги об альманахе. Но мы, зная сей факт, можем допустить, что определённую часть стихов Эмина собирал и записывал в указанном году Махмуд из села Рухун. И среди собранных им стихов есть стихи Эмина, но нет стихов Мелика. Это при том, что Мелику в 1874 г. уже было 27 лет, что по тем временам являлся возрастом, к которому обладавшие поэтическим талантом люди становились зрелыми и знаменитыми поэтами.

Далее, на 117-й странице альманаха есть запись, свидетельствующая о завершении неизвестным автором какой-то «книги» о селении Кик¹ «в среду, в 28 день благословенного месяца Аллаха Шабан 1287 г.» по Хиджре, что соответствует 22 ноября 1870 г. по григорианскому календарю. Эта запись с очевидностью свидетельствует о том, что в альманах вошла какая-то «книга» со стихами или часть её, написанная в 1870 г. Этот факт тоже ускользнул от внимания издателей книги об альманахе. Среди собранных стихов этим неизвестным автором есть стихи Эмина, но, как и в случае Махмуда из Рухуна, опять нет стихов Мелика. И это при том, что Мелику в 1870 г. уже было 23 года, что по тем временам являлось возрастом, к которому обладающие поэтическим талантом лица проявляли себя как поэты.

В альманахе есть ещё 3 даты, записанные, вероятно, одним человеком, если судить по стилям нанесения этих дат на бумаги, по содержанию комментариев к ним. Первая из этих 3 дат – 1301 г. по Хиджре, что соответствует 1884 г. по григорианскому календарю, и некоторые фразы о видах «на урожай пшеницы» в указанном году, приведённые, вероятно, для целей определения размеров закята, написаны чьей-то рукой на 269-й его странице на свободном от стихов месте. Эта дата также ускользнула от издателей книги об альманахе. На той же странице приводится список лиц, держащих себя в состоянии «фитры» (в состоянии «первозданного естества человека») в месяце Рамазан 1302 г. по Хиджре, т.е. в 1885 г. по григорианскому календарю. Вероятно, здесь речь идёт о постящихся. И, наконец, на 287-й странице альманаха указаны 1304 г. по

в **Приложении №25** к настоящему изданию

¹ Возможно, здесь упомянута книга, посвященная селу Кут (по-лезгински: Кьукь, Хьукьвар) бывшего Кюринского округа, ныне относящемуся к Хивскому району Республики Дагестан.

Хиджре (1887 г. по григорианскому календарю) и списки лиц, обязанных заплатить и уже уплативших закят.

Из всего этого мы можем предположить, что человек, в чьих руках в 1884–1887 гг. оказался этот альманах или сборник стихов, в последующем вошедший в него, вероятно, был лицом, периодически испытывавшим нужду в писчей бумаге и, возможно, далеким от поэзии, и потому оставлял на свободных от стихов местах в альманахе записи о своих хозяйственно-религиозных проблемах. Имя Мелика указано на страницах альманаха, относящихся к этому периоду времени, когда альманах находился в руках условного служителя культа.

Таким образом, имеющиеся в альманахе даты и комментарии позволяют сделать определённый вывод о том, что он собран из разных частей и эти части были записаны в 1870–1887 гг. – в годы расцвета таланта Етима Эмина и сразу после его смерти. Ни о каком другом периоде, связанном с альманахом, тем более о XVIII веке, его содержание не позволяет говорить.

Теперь о том, что касается стихов, приписываемых в этом альманахе Мелику. Анализ структуры рукописи нам позволяет сделать вывод, что листы, на которых записаны стихи, приписываемые Мелику, являются «включениями» в альманах и все эти «включения» имеются только в той части альманаха, возникновение которой можно отнести ко времени *после смерти поэта*.

Мы полагаем, что при жизни Эмина у Мелика не было никаких шансов на фоне старшего брата прославиться хоть сколько-нибудь серьёзным поэтом. Об этом свидетельствуют стихотворения, написанные Меликом и сохранившиеся до наших дней. Самым ранним таким стихотворением, известным сегодня, является опубликованное Г. М. Садыки 18 января 1992 г. в газете «Лезги газет» стихотворение, в котором есть такие строки:

Кренков¹ Куьре начальник,
Ажеб эгъли адалат я.
Нагагъ дегиш хъайитIа мад,
Къияй-къилиз хажалат я.

¹ В газете приводится неправильно прочитанная фамилия начальника Кюринского округа А. Л. Гиренкова, в оригинале стихотворения записанная арабскими буквами.

*(Гиренков – начальник в Кюре –
Сама справедливость для жителей.
Если же /он/ сменится,
То /это/ станет всеохватывающим горем.)*

Как мы установили выше, начальник Кюринского округа А. Л. Гиренков ушёл в отставку в конце лета 1874 г. Соответственно, слухи о возможной его отставке, вероятно, имели место перед этим. Исходя из этого обстоятельства, можно сказать, что строчки о начальнике Кюры Меликом написаны в 1874 г., когда ему было уже 27 лет. Эти строки свидетельствуют разве что об умении уже взрослого их автора в рифмованном виде засвидетельствовать своё почтение начальству, но никак не о большом поэтическом его таланте.

Известны и другие строки, написанные Меликом, правда, уже после смерти поэта. Здесь мы говорим о строках нами выше уже упомянутого стихотворения «Халууйриз» (Дядям), в котором есть такие характерные для Мелика строки:

*Чир хъана заз гила тамам,
Авуна заз дуюнья гъарам,
Инлай кьулухъ мад квез салам
Хгайтла, ахквад, халуяр.
(Я понял теперь до конца,
/Что вы/ мне сделали мир запретным.
Чтоб после этого /я/ с вами ещё поздоровался –
Вы больше /этого/ не увидите, дяди.)*

Эти строки написаны, когда Мелику было около 40 лет (после 1886 года), и они являются рифмованным выражением недовольства Мелика своими дядями, которые препятствовали его желанию взять вторую жену. Они свидетельствуют разве что о несдержанном и мстительном характере их автора, но никак не о большом поэтическом его таланте.

В целом приведенные строки из двух стихотворений Мелика свидетельствуют о том, что при жизни настоящего поэта Эмина его младший брат со своим ярко выраженным чиновничьим и мстительным характером, но без особого поэтического дара не мог быть известен хоть сколько-нибудь серьёзным поэтом.

С учётом того, что достоверно известные примеры творчества Мелика не свидетельствуют о его большом поэтическом таланте, и того факта, что стихи, приписываемые Мелику в об-

суждаемом рукописном альманахе, найденном в селе Икра, в народе известны и в других источниках указаны как стихи Эмина, мы не имеем никаких оснований считать их принадлежащими младшему брату поэта. Потому откровенное приписывание в обсуждаемом альманахе Мелику стихотворений, на самом деле принадлежащих Эмину, нам дает серьёзный повод относиться к этому альманаху критически.

К тому же, в альманахе, по нашему мнению, есть и явные признаки подлога. Так, в текст стихотворения, размещённого на странице 124 альманаха, в качестве его автора, как видно из сохранившихся следов «экзекуции», которой он был подвергнут, изначально было записано имя «Етим Эмин» (первые два слова справа во второй строке снизу), а затем в этом имени было зачеркнуто второе слово «Эмин» и рядом было написано новое слово – «Мелик» (третье слово справа во второй строке снизу). В результате вместо изначально записанного имени автора стихотворения в виде «Етим Эмин» на странице появилось новое, суррогатное имя – «Етим Мелик»¹...

В другое известное и бесспорно принадлежащее Етому Эмину стихотворение под названием «Тумаць яц» («Куций бык»), ещё при жизни поэта переходившее из уст в уста, в упомянутом альманахе также внесены изменения: оно приведено на его страницах 221 и 222 и в нём вместо имени поэта «вставлено» имя Мелика и в него добавлены новые строфы, которые по своему «качеству» никак не дотягивают до качества эминовских строф.

В целом такой подделке в указанном альманахе подверглись более дюжины стихотворений, достоверно известных как произведения Эмина: в них вместо имени Эмина указано имя Мелика и добавлены целые строфы, по своему художественному уровню не могущие иметь отношение к Эмину. Получается, разворовывание Эмина со стороны младшего брата продолжалось и после того, как поэт покинул этот мир. Видимо, Мелику было недостаточно всего того, что он физически отнял у живого поэта, когда тот слег, и потому хотел отнять и то, что у него осталось после смерти – его имя. Происходило это отнятие, по всей видимости, примерно так: после ухо-

¹ Копию 124-й страницы альманаха, где остались следы манипуляций с именем автора стихотворения, мы приводим в **Приложении №26** к настоящему изданию.

да Эмина в мир иной, скорее всего, после присвоения Меликом в 1886 году дома покойного брата к его младшему брату попали личные стихотворные записи поэта, в результате чего некоторые из них оказались переписанными с указанием в них в качестве автора имени Мелика вместо имени Эмина, а оригиналы всех записанных Эмином стихотворений – уничтоженными, вероятно, для того, чтобы скрыть следы присвоения Меликом стихов и имени поэта «Етим».

Потому мы полагаем, что утверждения некоторых литераторов о том, что Мелик был поэтом «из окружения Эмина» и что он якобы писал под псевдонимом «Етим Мелик», нужно считать формой проявления неуважения к памяти великого поэта Етима Эмина, ибо мы имеем все основание считать, что практически все стихи, указанные в альманахе принадлежащими «Етиму Мелику», являются произведениями Етима Эмина, присвоенными Меликом после смерти их автора...

Но недолго продолжалась жизнь Мелика после такого присвоения: вскоре его убил зять по имени Смеил, за которого он выдал замуж свою старшую дочь Загидат. Это случилось где-то после 1887 года. Видимо, не случайно именно этим годом завершается «процесс» включения имени Мелика в поэтический альманах, о котором мы рассказывали выше...

История его убийства подробно описана филологом А. Г. Гюльмагомедовым [48, с.60]. Он рассказал, что родители Смеила и Мелик не ладили. Из-за частого вмешательства Мелика в жизнь своей дочери, она то уходила от мужа в отцовский дом, то возвращалась к нему. Когда она в очередной раз ушла от мужа в отцовский дом, Мелик решил больше не отпускать её обратно. Смеил приходил несколько раз к тестю и просил его разрешить Загидат вернуться к нему. Но Мелик отказал. Смеил в один из дней ещё раз пришел к тестю, не застал его дома, а обнаружил молящимся у родника. Считая Мелика источником всех своих семейных неурядиц, Смеил, недолго думая, убил его. Убийцу арестовали, сослали в Сибирь, там его следы затерялись. У Загидат от него осталась одна дочка...

Теперь о Наби. Он был младшим братом Эмина, родился в 1852 г. Образование не получил, жил за счет работы на земле – был крестьянином. В последние годы жизни поэта, видимо, шёл на поводу у Мелика, обиравшего Эмина. После смерти поэта у него в 1881 г. родился сын Аливерди. Но вскоре скончалась жена – в 1884 г., и Наби женился на вдове своего брата

Тукезбан. Этой новой семье не было суждено долго просуществовать: вскоре Наби умер от туберкулеза, и Тукезбан осталась одна с сыном Наби Аливерди и со своей дочкой Муслимат.

Старший брат Эмина Шахламаз, родившийся у матери поэта от первого мужа Паши в 1838 г. и усыновленный Севзиханом, во время переписи 1886 г. жил в Кахцуге, работая кадием в Татарханкенте.

Но тут необходимо сделать одну оговорку. Как мы писали ранее, во времена работы Эмина кадием Шахламаз, скорее всего, тоже был кадием, и у них сложились хорошие отношения. Старший брат знал, что Исмаил-эфенди относится к Эмину как к сыну, и потому прибегал к его помощи, когда хотел решать вопросы со своим начальником – кадием Кюринского округа Исмаилом-эфенди. Но после того, как произошло восстание 1877 г., и Эмин занял позицию свободолюбивого поэта-гражданина, Шахламаз, возможно, испугался за свою карьеру и прервал отношения с братом. Вероятно, эта ситуация с Шахламазом побудила поэта в стихотворении «**Фана дуйня, вавди я зун...**» («Бренный мир, я к тебе обращаюсь...») [14, с.194-195] написать:

Гьар са касдин югь ам я хьи, кьилив кьвери багьри авачир,
Майил, стха, хва амукьуй, Эмин, ви дустар гьинава?
(Каждого постигнет эта /напасть, что меня постигла/
у кого нет близких, кто навестит его, –
Родственник, брат, сынок –
эти уж ладно, но где твои друзья, Эмин?)

Мы полагаем, что здесь словом «майил» (родственник) поэт обозначил старшего брата Шахламаза, словом «стха» (брат) – своего брата Мелика, а слово «хва» (сынок) относится к младшему брату Наби¹, который с трёхлетнего возраста был на попечении Эмина – он вырастил его, как своего сына, и потому допускаем, что в семье поэта Наби называли «хва» (сынок). Эти строки свидетельствуют о том, что Шахламаз, как и Ме-

¹ Посемейном списке селения Ялцугар Ялцугарского сельского общества Кутур-Кюринского наибства Кюринского округа (ГАРД, фонд 21, опись 5, ед. хранения 86) под номером 7 указан «Наби Савзиханъ оглы», которому в момент переписи исполнилось 35 лет в соответствии с мусульманским летоисчислением, что соответствует 1852 г. рождения по григорианскому календарю. Соответственно, в 1855 г., когда умер их отец Севзихан, а мать сразу же вышла замуж за другого, оставив детей одних, Наби было 3 года и потому правомерно считать, что для него в качестве отца был его старший брат Эмин.

лик с Наби, своего брата Эмина, слегшего после 1877 г., не навещали. С таким поведением своих братьев Эмин смирился и потому говорит: «Майил, стха, хва амукуй...» (*Братъя /тебя не навещают/ – эти уж ладно...*)

Вот такой старший братец Шахламаз был у поэта. Он, видимо, дожил до старости и умер своей смертью...

Тут мы подошли к рассказу о судьбе матери Шахламаза, Эмина, Мелика, Наби и их сестры Эйлихан. Г. М. Садыки по поводу неё и её детей, родившихся в браке с Севзиханом, писал: «*Когда они ещё маленькими были, у них умер отец, а мать Лейли, оставив своих четырёх детей без присмотра, вышла замуж за лакца по имени Шахламаз¹, работавшего муллою в селе её отца Кахцуг. В том селе у Лейли родились трое сыновей: Гаджибала, Шахбуба и Теймерез*» [16, с.42].

Здесь нужно добавить, что она оставила беспризорником, помимо четырех детей от брака с Севзиханом, ещё и сына Шахламаза от первого брака с Пашой. Но удивительные открытия нас ждали в посемейном списке села Кахцуг от 10 июля 1886 г. В нём под №34 указана семья человека по имени «**Шахъ баба Шахнамазъ оглы**» 19 лет, в которую, кроме него, входят его братья Темерез (13 лет), Гаджибала (10 лет), Абдурахман (8 лет) и один человек «женского пола»². Эта информация из переписи удивительным образом близка к информации, собранной Г. М. Садыки из уст людей через 80 лет после описываемых событий, что делает честь собирателю. Но нас в этой информации удивил возраст детей матери Эмина: получается, Лейли продолжала рожать до «преклонного» по тем временам 55-56-летнего возраста, если считать, что своего первого сына Шахламаза она родила в 15-16 лет. Она, очевидно, пережила своего сына Эмина, своего третьего мужа – лакца Шахламаза, которого в 1886 г. уже не было в живых. Об отношении к ней её потомков говорит, как нам кажется, тот факт, что ни один из них своего ребёнка в честь неё именем Лейли не назвал. Эмин тоже в своих стихотворениях ни разу о матери не вспомнил...

Антиподом Лейли выглядит другая женщина, бывшая в жизни Эмина. Мы говорим о его жене Тукезбан. Она родилась

¹ Третий муж Лейли был тёзкой её старшего сына от первого мужа.

² Посемейный список селения Кахцуг Татарханкентского сельского общества Гюнейского наибства Кюринского округа, ГАРД, фонд 21, опись 5, ед. хранения 82.

в 1840 г. в семье представителя духовенства. Идя наперекор судьбе и желанию родственников, она 7 лет ждала Эмина, пока тот не стал представителем сословия духовенства и смог жениться на ней. Потом она до самой кончины поэта была рядом с ним, стойко перенесла вместе с ним страшные тяготы его последних лет. Она подарила Эмину, по всей видимости, пятерых детей: двух дочерей – Кизхалум и Муслимат и троих сыновей – Абубакара, Магомеда и Мугудина [14, с.11-12], которые, вероятно, родились в промежутке между рожденьями этих сестёр (разница в возрасте между ними 14 лет) и умерли в младенческом возрасте.

Через четыре года после смерти Эмина, в 1884 г. Тукезбан согласно традициям того времени вышла замуж за Наби – брата своего покойного мужа, ставшего к этому времени вдовцом. Сделала она это, видимо, желая облегчить жизнь своей малолетней дочурке Муслимат и сыну Наби Аливерди.

Муслимат выросла, Тукезбан выдала её замуж. Вырос сын Наби Аливерди, он женился, и у него родился сын Наби. Тогда, видимо, Тукезбан перебралась в бывший свой с Эмином дом, который после смерти Мелика перешёл к его сыну Мугудину, оставшемуся с первой женой своего отца Шахселем, так как его родная мать – вторая жена Мелика Шахумага, вероятно, быстро «выскочила» замуж за другого, оставив беспризорником своего сына.

Вероятно, из-за такого стечения обстоятельств Тукезбан и первая жена Мелика Шахселем оказались в бывшем доме Эмина, где беспризорным оставался малолетний Мугудин – сын покойного Мелика.

Вот как эту ситуацию через много лет описывал сын Мугудина по имени Эмин:

«После смерти Мелика за моим отцом Мугудином ухаживали Тукезбан и мачеха Шахселем. По словам моего отца, Тукезбан была очень умной, мудрой женщиной. По свидетельству отца, Тукезбан знала все стихи Эмина. Многие стихи, которые наизусть знал сам отец, он услышал от Тукезбан. Это обстоятельство помогло сохранить ряд произведений Е. Эмина» [20].

Тукезбан вырастила Мугудина, ухаживала за его детьми, которые её называли «бабушкой». Она пережила Эмина более чем на 30 лет, умерла где-то перед Октябрьской революцией.

Образ Тукезбан в поэзии Эмина был очень близок к своему прототипу в жизни. Не будет преувеличением, если скажем, что в лице эминовской Тукезбан лезгины имеют образ «идеальной лезгинской женщины», как в лице пушкинской Татьяны русские имеют образ «идеальной русской женщины». Мы можем сказать, что в лице Тукезбан мы имеем «национальный тип» лезгинской женщины, как сказал один автор, говоря про пушкинскую Татьяну, *«пылкой и чистой, мечтательной и прямодушной, стойкого друга и героической жены»*. Её образу в поэзии и её роли в сохранении наследия Эмина в культурологии ещё не даны достойные оценки, а её жизненный путь, как путь подруги Эмина, достойным образом ещё не исследован...

«ГДЕ НАШ МИРЗЕ-ГАСАН...»

Из всех стихов Эмина самыми пронзительными по звучанию и по воздействию на читателя, по нашему мнению, являются стихи, обращенные к друзьям после восстания 1877 г. В них видна его огромная любовь к друзьям и его всепоглощающее желание перед своей кончиной хоть еще раз увидеться с ними. Но этому желанию не было суждено сбыться: лучшие его друзья властями были казнены или высланы в другие районы России, и те из них, кто сумел вернуться на родину, вернулись уже после смерти поэта.

Кого мы можем, судя по его стихам, относить к таким его друзьям, и как у них сложились судьбы после смерти поэта?

Имена таких друзей сам поэт назвал в стихотворении «1877-йисан бунтариз» («Бунтам 1877 г.») [14, с.183-184]. Оно было написано, видимо, позже середины лета 1879 г. – сразу после отправки последних «виновных» в ссылку.

Эмин в этом стихотворении упомянул четверых человек, казнённых царскими властями: Гаджи-Мурада из Кабира¹, Ших-Бубу из Юхари-Стала, Абдул-Гамида из Ашага-Стала и Кази-Ахмеда из Ахтов, а также пятерых высланных из родных мест: Мирзе-Гасана, Абдул-Вахида, Ага-Мирзу, Казан-фара и Рамазана.

Упомянутый Абдул-Вахид из Ашага-Стала был высокообразованным человеком своего времени, преподавателем медресе и братом казнённого Абдул-Гамида, он был намного старше поэта (родился приблизительно в 1813 г.). Поэт

¹ Брат Гаджи-Мурада Али был наибом Кутур-Кюринского наибства, несмотря на «грехи» брата, царскими властями был оставлен в должности и после восстания. До восстания, как и Гаджи-Мурад, имел хорошие отношения с Эмином, о чем свидетельствует стихотворение «Къепир Алидин квалерин тариф» («Хвала дому кабирского Али») [14, с.162-163], где хозяина дома, построенного в селении Цмур, поэт называет «зи дуст Али» (мой друг Али).

в стихотворении высказал восхищение им, но на какие-либо свои личные отношения с ним в стихотворении не указал. Он написал:

Нурани бубадин яха
Кьунвай Абдул-Вагьид стха,
Фагъир-фугъарадин арха,
Ви мал-девлет кват хъана хьи.
*(Лучезарного отца прекрасное творение¹
Взявший в руки брат Абдул-Вахид,
Обездоленных защитник,
Увы, всё твоё добро пропало.)*

Здесь поэт намекает на то, что после восстания дом, медресе и всё иное имущество Абдул-Вахида-эфенди были конфискованы властями, проданы с торгов или уничтожены. Однако никаких указаний на личные отношения между ним и Абдул-Вахидом-эфенди стихотворение не содержит, кроме «поддерживающего» обращения «стха» (брат) к сосланному в Сибирь человеку. Некоторые авторы пытаются их называть «друзьями», несмотря на то, что Абдул-Вахид был старше Эмина почти на 30 лет. Такая разница в возрасте между людьми сама по себе, конечно, не исключает дружбы. Например, поэт дружил с Исмаилом-эфенди из Ярага, который был сверстником Абдул-Вахида-эфенди. Но в этом случае Исмаил-эфенди был другом отца Эмина, поэт учился у него и много лет работал под его началом. В случае же Абдул-Вахида-эфенди нет никаких данных о том, что будущий поэт учился в Ашага-Стале у него или когда-либо работал под его руководством..

Как бы там ни было, Абдул-Вахид-эфенди побывал в ссылке, вернулся на родину и умер, по имеющимся в литературе данным, в 1896 г.

Если в строках Эмина, посвященных Абдул-Вахиду-эфенди, трудно узреть проявление личных отношений между автором строк и этим эфенди, то личные близкие отношения между поэтом и другим человеком, упомянутым в стихотворении «**1877-йисан бунтариз**» («Бунтам 1877 г.»), видны из этих строк:

¹ Очевидно, здесь речь идет о медресе, оставшемся после смерти отца Абдул-Вахида Атлухана-эфенди.

«Агъамирзе – магъалдин нур
Квахъайла, гъикI хъийин сабур,
Куьре, Самур, фена абур,
Баябан тун къаст хъана хъи».
*(Ага-Мирза – всей округи блеск
Когда пропал, как оставаться сдержанным,
Кюра /и/ Самур, лишив /людской/ благообразности,
Оставить без неё, оказывается, было целью /властей/.)*

Здесь речь идет об Ага-Мирзе из Кеана – о брате жены поэта Тукезбан. Эмин этими словами, безусловно, выразил свое личное отношение к шурину, причём в превосходных степенях. Ага-Мирза для него – один из тех людей, кто придавал всей округе «блеск» и «благообразность». Вот такой человек был отправлен царскими властями в ссылку, и поэт пишет, что сей факт его выводит из себя – он не может сдержанно воспринимать такую несправедливость.

Ага-Мирза вынужденно покинул родину, когда в ссылку отправляли не участвовавших непосредственно в восстании, а ему сочувствовавших представителей духовенства и власти на местах, которые якобы знали и скрывали подготовку восстания. Потому их, как менее опасных, чем остальные ссыльные, не стали отправлять в Сибирь, а поселили недалеко от Саратова. Это произошло летом 1879 г., о чём мы можем судить по сообщению историка Е. И. Козубского: «23 июня 1879 г. шхуна «Тамара» увезла из Дербента 607 мятежников, которых с семьями выселили в Саратовскую губернию...» [45, с.281].

К моменту высылки 32-летний Ага-Мирза уже был известным учёным-богословом и поэтом¹. Сослан он был, как сказано выше, в посёлок для ссыльных рядом с Саратовом. Это обстоятельство в своей книге «Диван аль-Мамнун» подтверждает Алкадари, написав, что во времена его собственной ссылки в Тамбовскую область в Саратове находился «ученый Ага-Мирза-эфенди аль-Кеани, сын маллы Мухаммеда», и что они переписывались между собой [17, с.154-155].

В литературе можно встретить информацию о том, что этот широко образованный, с прекрасным характером

¹ В архиве Г. М. Садыки есть рукописный сборник стихов на арабском языке, принадлежащих Ага-Мирзе из Кеана.

человек – шурин поэта – сгинул в ссылке. Но это не так – из ссылки он вернулся в родное село. Это следует из того факта, что в посемейном списке села Кеан, составленном 10 июля 1886 г., под №53 указан «Молла Ага Мирзе Магомедь оглы»¹, у которого в семье 4 женщины и которому 40 лет по мусульманскому календарю, что соответствует 1847 г. рождения по григорианскому календарю.

Кроме того, в книге Г. Алкадари «Диван аль-Мамнун», написанной, как автор сам указывает в ней [17, с.9], в 1897 г., когда речь идет об Ага-Мирзе-эфенди, Гасан эфенди в его адрес пишет: «...да продлит Всевышний Аллах своей милостью ему и нам жизни и одарит своими благами» [17, с.94], тем самым нам сообщая о том, что Ага-Мирза-эфенди в момент написания указанной книги ещё был жив. Следовательно, он умер не ранее 1897 года...

Но, видимо, ссылка очень сильно повлияла на Ага-Мирзу-эфенди, и он – один из самых образованных и талантливых людей своего времени, – вернувшись из неё, начал вести замкнутый образ жизни. После возвращения на родину жил он небогато, имея в собственности 7 капанов (1,75 га) неполивной земли, 4 головы (крупного) рогатого скота и 1 лошадь, по всей видимости, зарабатывал на жизнь преподаванием, и умер в безвестности.

Такая же ситуация произошла и с другим известным человеком того времени – секретарем суда Кюринского округа Казанфаром из Мамрача. Эмин в стихотворении «1877-йи-сан бунтариз» («Бунтам 1877 г.») прямо называет его другом, которого «жаждет видеть».

Поэт до этого был хорошо знаком с ним, когда работал ялцугским кадием, а Казанфар-эфенди – письмоводителем окружного суда. Казанфар из Мамрача был, вероятно, первым, кто ещё при жизни поэта сумел оценить его истинное значение для культуры лезгинского народа. Об этом Казанфар писал, обращаясь к поэту [6, с.201]:

На кукьлуьрна, стха, вун Аллагьди хуй,
Дили-виранадиз² чирагь...

¹ Приложение №27.

² Слово «виранадиз» – это падежная форма слова «вирана», означающего «разрушенное место», а слово «дили» имеет смысл слова «одержимый». Потому можно считать, что это сложное слово в данном контексте имеет смысл выражения «одержимый, надежды которого раздавлены жизнью».

*(Ты зажег, брат, да пусть Аллах тебя хранит,
Для одержимого факел...)*

После восстания его тоже выслали из Дагестана. Он был сослан в Иркутск, оттуда писал письма Гасану-эфенди, находившемуся в то время в ссылке под Тамбовом, и получал от него ответные послания¹. Из ссылки Казанфар из Мамрача вернулся в своё родное село. Об этом свидетельствует посемейный список села Мамрач, составленный 10 июля 1886 г. В нём есть «**Мирзе Казанфаръ Зельфикарь оглы**»² под №2, которому 43 года по мусульманскому календарю и у которого двое сыновей – Гасан (23 года по мусульманскому календарю) и Юсуф (20 лет по мусульманскому календарю). Значит, он родился в 1844 г., а сыновья Гасан и Юсуф – в 1864 г. и 1866 г. по григорианскому календарю соответственно. Вместе с Казанфаром жил его брат Гусейн (1859 года рождения), сын этого брата Зельфикар (1882 г.р.) и 5 человек женского пола. После возвращения из ссылки по меркам того времени он жил богато: у него было 104 капана (26 гектаров) поливной земли, 6 голов рогатого скота и 2 лошади.

Некоторые авторы высказывают мнение, что Казанфар после событий 1877 г. бежал в Турцию. Это мнение беспочвенное, так как достоверно известно, что после восстания он был в ссылке, вернулся из неё на родину и в 1886 г. был зафиксирован в посемейном списке села Мамрач как его житель. Нет никаких достоверных сведений о том, что и после ссылки он куда-либо эмигрировал. К тому же, после прощения «грехов» властями, имея крепкое хозяйство, Казанфару не было смысла покидать свою родную Кюру, бросив свою семью на произвол судьбы или взяв её с собой в неизвестность. Косвенно, что он семью не бросал и никуда не эмигрировал, подтверждает известная судьба его старшего сына. Его старший сын Гасан, кому во время восстания было всего 13 лет, потом в Российской империи сделал головокружительную карьеру: он закончил Ставропольскую гимназию, затем отучился в Санкт-Петербургском институте путей сообщения, стал инженером-мостостроителем. С момента окончания института и вплоть

¹ О том, что Гасану Алкадари во время его ссылки приходили письма от «сосланного в Иркутск религиозного ученого Мирзы Казанфара аль-Мамрачи», информация содержится в книге «Диван аль-Мамнун» [17, с.163].

² Приложение №28.

до конца 20-х годов XX в. он прокладывал железнодорожные пути и строил мосты на просторах России [52, с.229-230]. Под его руководством в Сибири и на Дальнем Востоке были построены более 30 мостов военно-стратегического назначения. На одном из таких мостов через Енисей запечатлено его имя – имя инженера Казанфарова Гасана Казанфар-оглы¹. В 1911 г. царем Николаем II этот инженер был произведен в чин действительного статского советника², соответствовавший званию генерал-майора в армии и дававший право на потомственное дворянство, что было выдающимся карьерным достижением для мальчика из еврейско-лезгинского села Мамрач.

Такая судьба старшего сына Казанфара ставит под сомнение утверждения о том, что Казанфар из Мамрача после восстания 1877 г. или сразу после возвращения из ссылки якобы эмигрировал в Турцию. Повторяем: не было у него причин, бросив семью и хозяйство, эмигрировать в неизвестность. Полагаем, что на него, как и на Ага-Мирзу-эфенди, удручающее влияние оказала ссылка, он до конца жизни так и не оправился от неё, тихо коротал свои дни в родном селении, занимаясь немалым хозяйством, и по этой причине о его жизни после возвращения из ссылки практически нет известных общественности сведений, что служит основанием для различных измышлений о его судьбе после восстания 1877 г.

Ещё одним человеком, кого в стихотворении «**1877-йисан бунтариз**» («Бунтам 1877 г.») поэт прямо называет другом, кого он «жаждет увидеть», является человек по имени Рамазан. В литературе он до сих пор не идентифицирован. Мы полагаем, что он был выходцем из селения Штул.

Для такого предположения у нас есть следующие доводы. В книге «Диван аль-Мамнун» Гасан Алкадари указывает, что вместе с шурином поэта – Ага-Мирзой из Кеана – в саратовской ссылке были и другие ссыльные, и среди них – «*аль'Абид аль-Хаджи Рамазан-эфенди аш-Штули со своей семьей*» [17, с.155]. В ссылке с Рамазаном были его сыновья Магомед, Ахмед и Джамалдин.

¹ В Российской империи существовало установленное властями правило, согласно которому отчество любого человека мусульманского вероисповедания в официальных документах должно было записываться в виде имени его отца с добавлением тюркского слова «оглы» (сын).

² См.: Волков С. В. Высшее чиновничество Российской империи. Краткий словарь. – Москва, 2016.

Старший сын Магомед «прославился» уже в советское время под именем «Магомед-эфенди» (в некоторых источниках – «Гаджи-эфенди»), возглавив в 1930 году восстание в Южном Дагестане против Советской власти. В постановлении тройки при полномочном представителе ОГПУ Северо-Кавказского края по ДАССР от 29.11.1930 указано, что к высшей мере наказания (расстрелу) с конфискацией имущества приговорён «шейх Рамазанов (Штульский)», которому «исполнилось 75 лет». Очевидно, что возраст осужденного власти знают с его слов и что шейх Магомед-эфенди свой возраст считает по мусульманскому календарю. Соответственно, в 1930 г. ему исполнилось 73 года по григорианскому календарю. Из этих данных мы вполне обоснованно можем предположить, что старший сын Рамазана из Штула, который был с ним в ссылке в Саратове в 80-х годах XIX в., родился в 1857 г. по григорианскому календарю.

В середине XIX в. представители духовенства своих сыновей женили относительно рано – сразу по завершении ими учёбы в медресе. Об этом свидетельствует рождение первого сына Ахмеда в 1853 г. у родившегося в 1834 г. Гасана-эфенди, а также рождение первого сына Гасана в 1864 г. у родившегося в 1844 г. Казанфара из Мамрача.

Рамазан из Штула был из того же сословия, что и Гасан из Алкадара и Казанфар из Мамрача. Соответственно, на основе вышеприведенной информации о них и о том, что старший сын Рамазана из Штула Магомед родился в 1857 г., мы вполне обоснованно можем предположить, что сам Рамазан родился приблизительно в 1838 г.

Получается, что Рамазан из Штула, который был в ссылке с шурином поэта Ага-Мирзой вблизи Саратова и был в это время в переписке с Гасаном-эфенди, находившимся в ссылке в Тамбовской губернии, по возрасту – сверстник Эмина (Рамазан родился в 1838 г., а Эмин – в 1840 г.). Общий круг знакомых, возраст Рамазана из Штула и факт его высылки из Лезгистана позволяют нам думать, что этот Рамазан из Штула и есть тот человек, которого в стихотворении «**1877-йисан бунтариз**» («Бунтам 1877 г.») поэт прямо называет другом (после Казанфара), кого он «жаждет видеть», но с кем невозможно повстречаться, вероятно, из-за его ссылки в глубь России. Другого ссыльного по имени Рамазан, который мог бы относиться к числу знакомых Эмина, среди ссыльных из Кюры нет.

Многим ссыльным вернуться раньше срока на родину «помогли» русские народовольцы. Они 1(13) марта 1881 г. в Санкт-Петербурге убили царя Александра II. На трон возшел его сын Александр III, но по сложившейся традиции коронация и «миропомазание» нового императора и его супруги были совершены в Успенском соборе Кремля не сразу после того, как Александр III взял власть в Российской империи в свои руки, а через определенное время – утром 15(27) мая 1883 г. В этот день император подписал Манифест «О милостях, дарованных народу по случаю коронавания», в котором Министру внутренних дел и генерал-губернатору Восточной Сибири предоставил право отпускать на родину ссыльных, уже четыре года находящихся в ссылке, если противоправных деяний они в ссылке не совершили.

По всей видимости, положения этого Манифеста были применены к Казанфару из Мамрача и Ага-Мирзе из Кеана – потому они в посемейных списках своих родных сёл зафиксированы в 1886 году, как жители этих сёл. Что касается Рамазана из Штула, то его имени в посемейном списке села Штул 1886 г. нет. Видимо, он не попал под амнистию и остался в ссылке до конца назначенного ему срока. Возможно, немного поднимает завесу тайны над обстоятельствами судьбы Рамазана письмо 1881 г., отравленное ему из Лезгистана и вернувшееся в Штул, вероятно, с ним. Оно найдено нами в архиве Г. М. Садыки.

Изображение этого письма на арабском языке мы даем в приложении к настоящему изданию¹. В переводе на русский язык это письмо (с небольшими сокращениями) приведено ниже:

«Мир Вам, достойному и непреходящему ученому, брату, познавшему Аллаха, знающему Гаджи Рамазану, стремящемуся [к Аллаху], да сохранит Вас Милостивый и Дарующий, да вернет Он Вас на родину и направит [на правильный путь], и да толкнет Вас в объятия сладкой жизни после освобождения, – во имя последнего из пророков, так как благородные не должны испытывать такие лишения. Аминь!

...О наш брат, являющийся для нас /тем, кто/ светлее драгоценности! И как ты видел и раньше, мы остаёмся в беспокойстве и волнении, власть прекратила раздавать

¹ Приложение №29.

муку бедным. Радостных новостей тоже много, но нет среди нас тех, кто знает их подлинность. Его превосходительство князь Гогоуз¹ приходил к нам 3 Джумада аль-уля и откровенно нам сказал, что Ваша судьба исключительно в его руках, и никому кроме него этот вопрос не решить. Если он захочет, он может вернуть Вас на родину, однако делать этого не будет, так как Вы не приняли то, что было Вам сказано (адресовано) правителями в фармане². Он также спросил: не повлияло ли на Вас то, что Вы получили трудности и страдания? Вы хотели бы еще более сильных таких страданий и невзгод? Нет, Вы должны слушаться высшего начальства, если желаете обезопасить себя от вреда.

Он долго с нами говорил и заключил: «Я поручу начальнику сообщить о том, кто из вас послушный, а кто нет. Я рассмотрю ваше дело после возвращения, на основе того, что он напишет в своем донесении». Это – конец того, что он сказал.

Еще сообщаю Вам о том, что люди полагают, что его приезд сюда – это повод /думать/ о спасении. Однако этого никто не знает, кроме Единого и Всемогущего Аллаха. Аминь!

Я также хочу сообщить Вам, что к нам пришло от правительства предписание, чтобы мы поклялись не предавать Его величество нового, великого императора, Александра Александровича. Это было до прихода сюда упомянутого князя. Наши мужчины и женщины Ахты, Кумуха... Авар[истана] и Дарго отказались [приносить клятву на верность], кроме нескольких разумных из них – Гази Кади, Гаджи Кади, Мухаммад Афанди ... и других. Это вызвало гнев властей, они задержали из мужчин Авар[истана] 12 человек, а из мужчин Дарго – 30 человек. К ним приходил балкурор (прокурор), написал их ответы (допрашивал их) и вернулся, а заключенные остались в тюрьме две недели. Потом их освободили с условием, что они не будут подстрекать [к неповиновению]. В ссылку отправили только

¹ Упомянутый здесь «князь Гогоуз» – начальник (в последующем военный губернатор) Дагестанской области генерал-майор князь Николай Зурабович Чавчавадзе (1830–1897). Вероятно, прозвище «Гогоуз» этот генерал получил из-за своего грузинского происхождения.

² Фарман, фирман – указ, указание. Видимо, был какой-то «циркуляр» от правительства, где были сформулированы условия для прощения ссыльных, и этот «циркуляр» упомянут в письме, как «фарман».

4 из них, а одного из них посадили в тюрьму. И никто не знает, как повернутся их дела, кроме Аллаха!

Кроме того, люди также говорят о том, что отказ этих мужчин покаяться является причиной /затяжки/ решения нашего дела, а /без покаяния/ не будет просветления в наших сердцах. Кажется, это и есть правильный путь. А что касается нашей жизни, то слава Аллаху, мы до сих пор имеем телесное здоровье...

Полагаем, что Вы напишете нам ответ со всеми подробностями, а не в общем виде и с неясностями.

Мир Вам!

Написано 12 Джумада аль-ахира 1298 г.».

Это письмо написано кем-то из ближайших родственников Рамазана из Штула 11 мая 1881 г. К этому времени прошли всего 2 месяца, как убили Александра II, но новые власти сразу же занялись «собранием» клятв верности новому императору. От знатных горцев требовалось, как мы видим из письма, выполнение каких-то условий, при выполнении которых власти считали их «лояльными» и не трогали. Как видим из письма, перед ссыльными горцами также ставились какие-то условия, после выполнения которых было возможно их досрочное возвращение на родину. Об этом прямо свидетельствует содержание вышеприведённого письма, когда родственник Рамазана пишет о подчинении условиям власти такие слова: *«Кажется, это и есть правильный путь»*.

Видимо, Рамазан из Штула не придерживался этого «правильного пути» – не принял условий власти, и потому он досрочно не был возвращен из ссылки на родину даже после провозглашения Манифеста в связи с коронацией Александра III в мае 1883 г. Но он вернулся из ссылки после 1886 г., видимо, отбыв её полный срок. На родине до самой своей смерти он пользовался большим авторитетом среди земляков. Вблизи его родного села Штул, в селении Ашакент ныне имеется «пир Рамазана из Штула» («пир» по-лезгински означает «могила святого» – *авт.*), к которому до сих пор жители Южного Дагестана совершают паломничество.

Зато послабления для ссыльных, указанные в Манифесте Александра III, были применены к ссыльному Гасану из Алкадара и он досрочно был отпущен домой. (Видимо, он, как и Мирзе-Казанфар из Мамрача и Ага-Мирза-эфенди из Кеана, приняли какие-то условия власти, какие-то обяза-

тельства перед нею.) Речь идет о том самом Гасане-эфенди, о котором в стихотворении «**1877-йисан бунтариз**» («Бунтам 1877 г.») Эмин писал: «Аквазамач Мирзе-Гъасан» (Больше не видно Мирзе-Гасана), а в стихотворении «Фагъумна за гъар жуьре гъал» («Размышлял я по-разному над положением дел») [14, с.185-186], не скрывая своего отношения к нему, вопрошал: «Чи Мирзе-Гъасан гъинава?» (Где наш Мирзе-Гасан?) Вот этот вопрос о Гасане из Алкадара и заставил нас написать отдельную главу в настоящей книге о судьбах друзей Эмина после его смерти.

Что же в жизни связывало Етима Эмина и Гасана-эфенди?

Отцы этих двух выдающихся представителей просвещенной части лезгин второй половины XIX в. дружили с юных лет. Благодаря отцу одного из них (Гасана-эфенди), другой (Етим Эмин) смог получить полноценное для своего времени образование, несмотря на то, что он в 15 лет остался сиротой.

Всю жизнь эти двое шли рядом. Поэзия Эмина не оставляет никаких сомнений, что Эмин и Гасан дружили до того самого момента, когда восстание 1877 г. их разлучило навсегда.

О Гасане-эфенди, когда его в 1866 г. назначили наибом в Южный Табасаран, Эмин в стихотворении «**Ви рутба гъуьндур авурай**» («Да станет высоким твой сан») [14, с.175-176] сказал:

«Эрзиман я, ви дидардиз
Къвен чун гъар заман, эфенди».
(Мечтаем на помощь тебе
Приходить всегда, эфенди.)

Эти слова, безусловно, свидетельствуют о близких, дружеских отношениях между Етимом Эмином и Гасаном-эфенди. Эти отношения продолжались и дальше. Когда Гасан-эфенди построил новый дом для своего старшего сына, поэт к нему в стихотворении «**Алкьвадар Гъасан-эфендидин цийи кВалериз**» («Поздравления Гасану-эфенди Алкадари в связи с новым домом») [6, с.124] обратился с такими словами: «*Поздравляю тебя, брат, с новым домом!*» (Мубарак хъуй, стха, ваз цийи кВалер!). Здесь Эмин уже титулованного Гасана-эфенди (к этому времени наиб получил от царя титул дворянина) называет «братом».

В этом месте нашего повествования необходимо подчеркнуть, что поэт придавал очень большое значение дружбе вообще. В известном стихотворении «*Дуьнья гурьгагур*» («Беспорядочный мир») [14, с.135] поэт говорит, что «*друг в этом мире тот, кто, как Рабеу Салман¹, готов жизнь отдать за дело друга*» (Яр-дустунин рекье вичин чан гудай/ Дуст гъа Рабеу Салман я дуьньяда). Полагаем, что именно о такой преданной дружбе с неназванным человеком речь идёт в стихотворении, написанном через несколько лет после того, как поэт назвал Гасана-эфенди братом. Мы говорим о стихотворении «*Гъаким*» («Начальник») [14, с.231-232], где есть такие строки:

Зун Эмин я, мубтала я, кланзава заз вавди рахун,
Такъат квахъай бейчара яз, захъ ама икI месе гъатун,
Йифиз-юкъуз карагда заз ви тIвар къуна гъарай авун,
Минетда за – къабул ая вун чи хуьруьз мугъман атун,
А чIавуз за къурбанддай хьи ваз и ширин зи чан, гъаким.
*(Я – Эмин, страстно жаждущий с тобой общения,
Будучи обессилевшим несчастным,
мне остается лишь быть слегшим.*

*Днём и ночью мерещится мне, что я криком зову тебя,
Я умоляю: решишь ты приехать /ко мне/ в гости в наше село,
Тогда мне дорогую жизнь я принес бы
в жертву тебе, начальник.)*

В этом стихотворении Эмин, осознавая, что он находится перед скорой смертью, обращается к неназванному человеку с просьбой встретиться с ним, по сути, эту встречу называя своим последним желанием на этой грешной земле. Эта просьба показывает не только исключительное значение, которое поэт придавал в своей жизни дружбе, но и то исключительное место в жизни поэта, которое занимал адресат этого стихотворения. К сожалению, с целью выяснения имени того человека, о ком поэт пишет в этом стихотворении, его никто до сих пор не анализировал.

¹ Рабеу Салман – герой мусульманских легенд, которому приписывается смерть при продолжении дела друга. Видимо, речь идет об одном из предводителей арабов на восточном Кавказе Салмане ибн Раби, который погиб в середине VII в., пытаясь захватить хазарский город Баладжар, при попытке захвата которого до этого погиб Абдар-Рахман, в одних легендах называемый другом Салмана, а в других – братом.

Мы полагаем, что таким другом-начальником, с кем Эмин захотел бы перед смертью общения, мог быть или Исмаил-эфенди из Ярага, или Гасан-эфенди из Алкадара. Только эти двое для него в жизни были начальниками: первый из них был кадием Кюринского окружного суда, а второй – секретарём его канцелярии, когда Эмин до обострения своей болезни работал кадием в селе Ялцуг. Но, полагаем, что в данном случае поэт адресовал свои строки именно Гасану-эфенди. И вот почему.

Во-первых, по стилю обращения стихотворение адресовано автором человеку одного поколения с ним. Исмаилу-эфенди, который был почти на 30 лет старше Эмина, поэт-интеллигент не стал бы писать фразу: *«решись ты приехать /ко мне/ в гости»*, ибо она содержит в себе слово «решись» с оттенком упрёка, что выказать в отношении своего учителя Эмин себе позволить не мог.

Во-вторых, слово «гъаким» (начальник) в стихотворении имеет смысл какого-то дружественного выражения. Если это сказано в адрес Гасана-эфенди, то такой дружеский оттенок в смысле слова «гъаким» можно объяснить следующими обстоятельствами. После оставления должности секретаря окружного суда и перехода на должность наиба Южно-Табасаранского наибства, Гасан-эфенди для Эмина перестал быть непосредственным начальником и потому, возможно, поэт здесь его, по-дружески подтрунивая, а не по сути называет «начальником».

В-третьих, тот факт, что стихотворение написано на азербайджанском языке поэтом, когда он жил в лезгинском Ялцуге, также говорит о том, что оно было адресовано Гасану-эфенди. Ибо Гасан-эфенди был известен как большой поклонник арабского, персидского и тюркского языков, сам на них писал стихи, что было характерно многим представителям местного «высшего света» того времени. Эмин же, кроме родного языка, писал ещё на азербайджанском языке. Потому, вероятно, свое послание Гасану-эфенди он написал на азербайджанском языке – на одном из привычных Гасану-эфенди трёх языков, как представителю «высшего света».

В-четвёртых, и это самое главное, в стихотворении «Гъаким» («Начальник») имеются «штрихи», встречавшиеся до этого случая только лишь в одном стихотворении поэта – в стихотворении **«Ви рутба гъуьндур авурай»** («Да станет высоким твой сан»), адресованном именно Гасану-эфенди.

В нём Эмин Гасана из Алкадара называет «*эфенди, который /ему/ дорожке всего мира*» (дуьньядлай масан эфенди), который «*/является/ лекарством для народов*» (халкъариз дарман), «лик /которого на новой должности/ будет светиться» (къаш-къаматди нур гуда) и за которого он готов «*пожертвовать своей жизнью*» (зи чан ваз къурбан). А в стихотворении «**Гъаким**» («Начальник») поэт неназванного адресата называет «*начальником*», который «*всем дорог*» (виридаз масан), который является «*лекарством для каждого слабого*» (ажуз тир гъар са бендедиз... дарман), который является «*блеском глаз народов*» (халкъарин вилерин нур) и которому поэт говорит: «*Свою жизнь я принес бы в жертву тебе*» (за къурбанддай хьи ваз... зи чан), то есть, по сути, повторяет слова, адресованные Гасану-эфенди в стихотворении «**Ви рутба гъундуър авурай**» («Да станет высоким твой сан»). И, самое главное, никому из мужчин, кроме Гасана-эфенди, Эмин не писал, что он готов жертвовать своей жизнью ради него. Если поэт в стихах, посвященных Гасану-эфенди такое писал, то это говорит о многом в их отношениях, в том числе о том, что роль преданного друга «Рабеу Салмана» в отношении к Гасану-эфенди он примерял к себе.

О тесных дружеских отношениях, имевших место между поэтом и Гасаном-эфенди, также свидетельствует стихотворение «**Наиб Гъасаназ**» («Наибу Гасану») [14, с.177-179], написанное по следам событий бурного 1877 г. Правда, некоторые авторы утверждают, что в этом стихотворении поэт обращается к другому Гасану – к наибу Кутур-Кюринского наибства Гасану из Мамрача. Утверждающие так упускают из вида хронологию исторического процесса: в годы, когда Эмин работал кадием в Ялцуге, наибом Кутур-Кюринского наибства действительно был Гасан из Мамрача, но во время восстания 1877 г. и после него наибом этого наибства был Али из Кабира, новому дому которого поэт посвятил стихотворение «**Къепир Алидин кВалерин тариф**» («Хвала дому кабирского Али») [14, с.162-163]. Поэтому в 1877 г. среди знакомых поэту набив был только один наиб по имени Гасан, и он был из Алкадара, именно ему поэт и посвятил стихотворение «Наиб Гъасаназ» («Наибу Гасану»), написанное в то время, когда восстание уже улеглось, но сплошные репрессии властей против участников восстания и им сочувствовавших ещё не начались. Это было в октябре 1877 г.

Последними словами Эмина, сказанными о Гасане-эфенди, когда бывшего наиба отправили в ссылку, были слова: «*Чи Мирзе-Гъасан гъинава?*» (Где наш Мирзе-Гасан?). В отношении Гасана-эфенди поэт применяет слово «**чи**» (наш). Думаем, что это является проявлением признания Эмином своего друга в качестве общественно значимого явления для всех лезгин.

Кто бы что ни говорил, очевидно, что поэзия Эмина «пронизана» проявлением с его стороны высоких дружеских чувств к Гасану из Алкадара. Дружба тем и отличается от других чувств между людьми, что она предполагает их взаимность. Не бывает односторонней дружбы. Очевидно, эти дружеские чувства Эмина к Гасану, которые им выражались в стихах на протяжении всей его жизни вплоть до ссылки Гасана-эфенди, говорят нам о том, что и Гасан-эфенди к поэту проявлял такие же чувства. Иначе Эмин, который не переносил фальши и равнодушия в отношениях, не испытывал бы к Гасану Алкадари дружеские чувства, какие он проявил к нему в своих стихах.

Правда, в последнее время можно встретить высказывания некоторых авторов о том, что Етим Эмин и Гасан-эфенди вовсе не были дружны. При этом они своё мнение подкрепляют ссылкой на тот факт, что в книгах бывшего наиба Эмин ни разу не упомянут.

Действительно, почему Гасан-эфенди ни разу не упомянул имени поэта в своих книгах? Оставить этот вопрос без ответа нельзя, ибо это будет означать, что мы или ничего не понимаем в отношениях между Эмином и Гасаном, или ничего не знаем о времени, когда они жили.

То, что Гасан-эфенди в своих книгах не упомянул имени Етима Эмина, как нам кажется, имеет объективные и субъективные причины.

Начнём с объективных причин. Отсутствие этого имени в указанных книгах можно объяснить тем обстоятельством, что каждая из них по своему «формату», по своей тематике не относилась к тем книгам, в которых должен был быть упомянут поэт Етим Эмин.

Возьмём, к примеру, книгу «Асари-Дагестан», увидевшую свет в 1903 г. В этой книге приводятся исторические сведения о Дагестане. Согласно традициям создания таких книг, имевшим место в то время, в ней есть главы «Имена некоторых

лиц из дагестанских эмиров» и «Об ученых, преподавателях Дагестана», где перечислены заметные тогда феодалы, богословы и организаторы образовательных центров в Дагестане, имевшие титул «эфенди». Ни к одной из этих категорий лиц Етим Эмин не относился, к титулу «эфенди» не имел отношения, и потому, наверное, не мог быть упомянутым в книге «Асар-и-Дагестан». Отдельной главы о поэтах в этой книге не было, если и рассказывалось в ней о сочинении стихов некоторыми людьми, то как об одном из добрых занятий отдельных представителей феодалов, богословов и организаторов образовательных центров.

Вторая его книга – это «аль-Урда аль-махдия» по суннитской этике, которая цензурой была разрешена для печати в 1905 г., но так и не была издана. Очевидно, в ней никак не мог быть упомянут поэт-реалист Етим Эмин.

Третья книга Гасана Алкадари называется «Джираб аль-Мамнун». Она опубликована в 1912 г. – уже после его смерти. В ней изложены основные положения шариата (в основном шафиитской правовой школы) и другие вопросы по исламу. Естественно, и в такой книге не мог быть упомянут Етим Эмин или иной поэт, не имевший отношения к мусульманским правовым вопросам.

Четвертая книга Гасана Алкадари вышла в свет в 1913 г. и называется «Диван аль-Мамнун». Она является сборником стихов на арабском языке, которыми обменивались автор с друзьями и знакомыми. Стихи в ней приводятся с комментариями по поводу обстоятельств их написания. При таком содержании книги «Диван аль-Мамнун», при строгом следовании её «формату» в ней Эмин не мог быть упомянут, так как к стихосложению на арабском языке он не имел отношения, хотя и знал арабский язык.

Таким образом, во всех 4 известных книгах Гасана Алкадари в силу их «форматов» и тем, затронутых в них, далеких от творчества и личности Етима Эмина, последний не мог быть по объективным причинам упомянут: у автора этих книг не было поводов для его упоминания. К тому же, в те времена ещё не существовало такой традиции, как сейчас, упоминать в книгах и статьях без какого-либо повода своих родственников, друзей и знакомых, не имеющих прямого отношения к теме публикации. Потому претензии к Гасану-эфенди по поводу того, что он в своих книгах не упомянул Етима Эмина, и вывод о том, что

это доказывает отсутствие между ними дружбы, основаны, как нам кажется, на сегодняшних представлениях о том, кого принято упоминать в книгах, а кого – нет.

Помимо вышеперечисленных объективных причин, были ещё и субъективные причины, по которым Етим Эмин не мог быть упомянутым Гасаном-эфенди в его книгах.

Чтобы понять их, мы должны в первую очередь вспомнить, что Алкадари написал свои книги после возвращения из ссылки, куда он попал из-за подозрений в сочувствии восставшим, и потому, вероятно, ему было трудно издавать свои книги после таких подозрений властей. Возможно, об этом свидетельствует тот факт, что его первая изданная книга «Асари-Дагестан» была написана в 1892 году, но понадобились ещё 11 лет для получения «добра» на её издание от царских цензоров. Кроме неё, больше ни одной книги ему при жизни издать не удалось – ещё две его книги увидели свет лишь после его смерти.

Мы полагаем, что если в этих книгах было бы открыто упомянуто имя Етима Эмина, то это, скорее всего, ещё больше затруднило бы прохождение этих книг через царских цензоров, так как поэт для них был «революционером», «бунтарём», сказавшим: *«Жестокое насилие /царской/ России/ В один день к ней самой вернется»* (Урусатдин кЛеви зулум/ Са кьуз ви-чиз жеда кьалум). Алкадари, желавший увидеть свои книги изданными, вероятно, не мог не учитывать при их написании репутацию поэта в глазах царских цензоров.

Кроме возможного отрицательного отношения цензоров к упоминанию имени Етима Эмина в своих книгах, Гасан-эфенди должен был считаться с мнением так называемых учёных-поэтов из своего круга.

Об отношении к поэту этих учёных-поэтов ещё в 1961 году писали Н. В. Капиева и В. Ф. Огнев: *«Невзирая на силу, блеск, певучесть его стиха, поэта и принимать во внимание не желали. А того вернее боялись!»* [53, с.26]. В связи с этой цитатой из работы 1961 года литературовед Ф. И. Вагабова подчёркивала, что здесь *«речь идёт об учёных-поэтах круга Алкадари, напуганных последовавшими за восстанием карами и не удостоивших Етима Эмина чести быть включённым в обильный список писателей XIX в., из которых многие «ныне начисто забыты»* [2, с.230].

Это негативное отношение учёных-поэтов круга Алкадари к Эмину объяснялось тем обстоятельством, что они и Эмин имели, по большому счёту, разные представления о «прекрасном» и «дурном», и потому учёные-поэты круга Алкадари, полагаем, Эмина даже не причисляли к поэтам.

Фигура Эмина и его творчество не вписывались в представления о жизни и поэзии этих лиц, для которых поэтическое творчество было частным проявлением, продолжением их «учёности». Их поэзия, созданная на арабских, персидских и тюркских традициях, в основе своей содержала *демонстративное почитание власти и религии*, демонстративное, почти сакральное отношение к этим институтам управления людьми. Большинство учёных-поэтов из этого круга к возможности поэзии на лезгинском языке относились скептически. В поэзии Эмина, основанной на глубинных пластах лезгинской этнической культуры и на лезгинском языке, не было демонстративного почитания власти и религии, которые в лезгинском фольклоре и в лезгинском ашугском творчестве *были предметами критического осмысления*. Можно сказать, что учёные-поэты и Етим Эмин принадлежали к различным поэтическим традициям, в своём творчестве они придерживались различных идеологий: Етим Эмин принадлежал к поэтической традиции, формы которой хоть и являлись в основном привнесёнными извне, но содержание которой зиждилось на местных этнических ценностях и традициях, и он придерживался идеологии угнетённых слоев общества, составлявших его большинство, а учёные-поэты принадлежали к той поэтической традиции, и формы, и содержание которой были привнесёнными в лезгинскую среду извне, и они придерживались идеологии господствующих слоев общества, составлявших его меньшинство.

Иными словами, Гасан-эфенди с учеными-поэтами своего круга, с одной стороны, и Етим Эмин, с другой стороны, с идеологической точки зрения выражали интересы разных, антагонистических классов общества, как бы ныне не было модно отрицать существование классов в обществе. Для первых второй был представителем чуждой им идеологии и Гасану-эфенди трудно было бы учёным-поэтам своего круга объяснить упоминание Эмина в их ряду.

В этом кругу радикальные взгляды Эмина, сложившиеся после восстания 1877 г., как и лезгинский язык, на котором он

сочинял свои стихи, считались неприемлемыми для «солидной» поэзии. Они очень боялись таких взглядов, и потому, наверное, среди членов этого круга принято было замалчивать его имя и его творчество, как «чужака». Гасан-эфенди, сочиняя свои книги, очевидно, должен был считаться с этим отношением поэтов своего круга к Эмину, как к «чужаку». Открытое упоминание Гасаном-эфенди в своих книгах Эмина, как поэта, наряду с упоминанием учёных-поэтов, последними могло бы быть воспринято как «неуважение» к ним со стороны Гасана-эфенди.

Но бывший наиб, вероятно, не мог на такой шаг пойти, каким бы близким другом он не считал бывшего кадия из Ялцуга. Это Эмин в силу своего смелого характера открыто мог сказать: *«Смерть – ничто, когда свобода – наша возжеленная мечта»*, а поэты из круга учёных такими смелыми не были. Таким смелым не был и Гасан-эфенди – человек осторожный, склонный к компромиссам. Своим жизненным кредо Гасан-эфенди, как он сам признавался [26, с.122], считал слова Хафиза:

*Для блага в обоих мирах,
Лишь двух этих правил держись:
С друзьями будь ласков в речах,
С врагом допускай компромисс.*

То, что Гасан-эфенди в жизни придерживался именно этих принципов, сформулированных Хафизом, подтверждает сохранившаяся до наших дней легенда, согласно которой Гасана-эфенди в народе называли *«Гасаном с войлочным мечом»* (литинин тур гвай Гъасан), что подтверждает его характеристику как осторожного, склонного к компромиссам человека. Очевидно, такие жизненные принципы тогда были характерны практически для всего круга так называемых учёных-поэтов, к которому принадлежал и Гасан-эфенди. Потому, вероятно, бывший наиб из Алкадара не мог прямо упомянуть имя Етима Эмина в своих книгах, дабы не раздражать учёных-поэтов своего круга.

Тем не менее, мы имеем все основания полагать, что Гасан-эфенди в книге «Диван аль-Мамнун» несколько раз упомянул своего друга Эмина, правда, не указав открыто его имя.

Так считать нам позволяют нижеследующие обстоятельства. Педантичный Алкадари в упомянутом труде придерживается строгого правила, во всех случаях указывая имена тех, кому адресованы те или иные его стихи-послания. И только в четырёх случаях Гасан-эфенди отходит от этого правила и приводит свои стихотворения без указания имён тех, кому они адресованы. Адресатом всех этих четырех стихотворений является неназванный условный «друг».

Первыми двумя такими произведениями являются приведенные в книге друг за другом два стихотворения, в одном из которых он неназванного «друга» просит прислать ему чернила, которые у него закончились, а в другом – дать ему взаймы немного денег [17, с.30]. Как следует из контекста книги, в случае этих двух стихотворений мы имеем дело со стихами, написанными в молодые годы Алкадари при возникновении у него житейских проблем. Несмотря на такой «бытовой» характер этих двух стихотворений, автор на склоне своих лет посчитал необходимым их включить в свой «итоговый» сборник стихов, каковым является «Диван аль-Мамнун». Очевидно, сей факт говорит о том, что Алкадари до конца своих дней дорожил памятью о дружбе с условным «другом», к кому он в молодости обращался со столь деликатными просьбами, и потому на склоне лет включил адресованные ему стихи в свою книгу, но по каким-то причинам не нашёл возможным указать его имя открыто.

Два других стихотворения-послания, когда Алкадари не указал в «Диване аль-Мамнун» их адресатов, также относятся к деликатным отношениям между друзьями. Оба они посвящены «охлаждению» дружеских отношений автора с неназванным «другом».

В первом из этих двух стихотворений об «охлаждении» отношений между друзьями Гасан-эфенди просит своего неназванного «товарища» не отдаляться от него. Мы здесь приводим это стихотворение целиком в дословном переводе с арабского на русский язык [17, с.33]:

*Вижу, что ты замкнулся в себе,
Прошу, поддержи узы дружбы и братства,
Благодаря этим узам будем бродить
В прохладных садах у реки,
Ведя беседы там с райскими птицами,
Вижу тебя там как верного спутника.*

Разве не после месяца поста следует
Праздник разговения?
Разве не после мрака воссияет свет?
Если в тягость тебе переписка со мной,
То чем оправдаешь отказ просто пожелать мир (салам),
Ведь переписка – половина уз дружбы
В иных краях для аль-Мамнуна¹.

Из содержания этого стихотворения об «охладевшем» друге следует, что Гасан-эфенди из ссылки писал письма другу, но адресат не отвечал и, когда к нему автор стихотворения отправил своего человека для налаживания «связи», друг этому посыльному сказал, что он не только не будет отвечать на письма Гасана-эфенди, но и отказывается даже «*просто пожелать мир (салам)*» ему. Этот отказ передать даже «салам» сыльному исходил от того человека, к кому «взывал» Гасан-эфенди, понимая то, что ему «в тягость» писать (не намёк ли это на болезнь адресата?), но с кем жаждал поддерживать дружеские отношения.

Кто же был тот человек, с кем Гасан-эфенди жаждал переписываться из ссылки, с кем он раньше вёл беседы, украшая их «красноречием», кому было «в тягость» писать письма, возможно, из-за болезни, кого просил ему хотя бы «*просто пожелать мир (салам)*», но кто отказал в этом и кого бывший наиб даже после такого своего унижения с его стороны, тем не менее, назвал «*светочем совершенства*»?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно обратить внимание на одну особенность всех вышеупомянутых четырёх стихотворений Гасана-эфенди, под которыми он не указал их адресатов. В них Гасан-эфенди не обмолвился ни словом о высоком уровне духовных знаний и о благих делах на религиозном поприще «друзей», к кому эти стихотворения обращены, в то время как во всех остальных стихотворениях, обращенных к «друзьям» и включенных в «Диван аль-Мамнун», он в обязательном порядке высказывает свое восхищение их религиозными знаниями и достижениями на пути служения Аллаху, ибо все пишущие стихи на арабском языке его знакомые были людьми, получившими добротное религиозное образование того времени. Это говорит о том, что адресатами (или адресатом?) всех этих четырех стихотворений, имена которых специально

¹ Аль-Мамнун – литературный псевдоним Гасана Алкадари.

не указал Гасан-эфенди, не являлись люди, имевшие хорошее религиозное образование с точки зрения Алкадари, а были его личные друзья.

Среди оставшихся в Кюре друзей ссыльного Гасана-эфенди, в отношении кого Алкадари не стал бы говорить о высоком уровне его религиозного образования, заслуживающего хвалебных слов, но говорил бы о нём как о «светоча совершенства», мог быть только Етим Эмин, в своё время бросивший учёбу в ярагском медресе, но всю жизнь в вопросах справедливости и дружбы являвшийся максималистом, следовавшим высоким нравственным принципам. Ведь это о нём один из ближайших друзей автора книги «Диван аль-Мамнун» – Казанфар из Мамрача написал: *«Ты зажег, брат,.. для одержимого факел...»* [6, с.201]. Тем самым Казанфар сказал, что для всех них Эмин излучает «свет». Потому, полагаем, что только Етима Эмина из своих друзей, оставшихся в Кюре, Гасан-эфенди из ссылки мог назвать *«светочем совершенства»*.

Что касается отказа поэта передать «салам» ссыльному, полагаем, что это было связано со следующими обстоятельствами. В период после восстания между июнем 1878 г. и апрелем 1879 г. Гасан-эфенди был на свободе, несколько раз был в Дербенте. Указанное время было очень тяжёлым для поэта: его болезнь обострилась, и он некоторое время лежал в Дербентской больнице, а потом его, безнадежно больного, Тукезбан перевезла в Ялцуг. Гасан-эфенди в это время искал поддержки среди представителей царской администрации, искал среди них поручителей за себя перед наместником царя на Кавказе, пытаясь избежать ссылки в Сибирь, и, возможно, не желая раздражать власти своими связями с поэтом-бунтарём, не навещил больного друга ни в больнице, ни у поэта дома. Эмин, как человек безупречной душевной чистоты, во время восстания 1877 г. сказавший *«смерть – ничто, когда свобода – наша возжеленная мечта»*, поведение Гасана-эфенди после восстания мог расценить как поведение «труса» и для себя сделать соответствующие выводы о нём.

Прикованный к постели Эмин, практически не имевший возможности общения с внешним миром, подробности этого поведения Гасана-эфенди, в том числе и то, что он бывал в Дербенте, но не навещил его в больнице, вероятно, узнал лишь после его высылки, и решение порвать с ним отношения

у поэта созрело, по всей видимости, именно после этого – после отбытия Алкадари в ссылку. Только таким решением можно объяснить его отказ передать ссыльному Гасану-эфенди даже устные «наилучшие пожелания» (салам).

Здесь, не придерживаясь хронологии событий и несколько забегая вперёд, мы хотели бы привлечь внимание читателей ещё к одному стихотворению из книги «Диван аль-Мамнун», в котором, как нам кажется, ещё раз упомянуто о непростых взаимоотношениях, имевших место между Гасаном-эфенди и Етимом Эмином в последние два года жизни поэта. Речь идёт об одной касыде бывшего наиба, написанной им 12 числа месяца Раби' альахир 1298 г. по Хиджре (13 марта 1881 г.) в качестве ответа на письмо Казанфара из Мамрача [17, с.163-166]. В ней Алкадари, находившийся в ссылке в Спасске Тамбовской губернии, образно описывает другу, находившемуся также в ссылке, правда, в другом конце России – в Иркутске, собственное положение и положение других таких же сосланных из родных мест, о ком ему известно. В упомянутом стихотворении есть такие строки [17, с.164]:

*Раз лучших из нас рассеяли далеко,
Раз обессилели мы, а семьи в крайней нужде,
Раз оторваны от родины и родных нам людей,
Раз братья опечалены горестями нашей жизни,
Раз друг охладел к нам и отвернулся,
Раз в пыль превратилось медресе, словно не было занятий,
Раз разлучились с верными спутниками, книгой и тетрадьёю,
Раз наша жизнь пошла наперекосяк,
Раз беды и несчастья сменили наши дни преуспевания...
«Раз и коли», «раз и коли» без конца, а потому
Я нахожу столь нужным начать беседу тайную
С Величайшим Господом нашим.*

Из этих строк можно сделать вывод, что Казанфар из Мамрача сообщил Гасану-эфенди о том, что один из их общих друзей перестал ему писать. Только узнав об этом от Казанфара, Алкадари мог написать ему, что их общий друг отвернулся от них обоих («друг охладел к нам и отвернулся»). Таким общим другом, о ком Алкадари так написал, мог быть один из двоих: или Етим Эмин, оставшийся в Ялцуге, или Ага-Мирза из Кеана, находившийся в ссылке под Саратовом. Как явствует из книги «Диван аль-Мамнун», во время ссылки связи Гаса-

на-эфенди и Казанфара из Мамрача с Ага-Мирзой из Кеана не прерывались. Значит, здесь речь идет об Эмине. Если и можно предположить, что у Эмина и были причины не писать письма Гасану-эфенди, скажем, из-за того, что бывший наиб избегал перед своей ссылкой контактов с тяжело больным поэтом, но не писать письма Казанфару из Мамрача у Эмина никаких причин не было. Тем не менее, как следует из строк Алкадари, письма от Эмина перестали поступать и к Казанфару. Но, находясь в Иркутске, мамрачский друг поэта не мог знать истинной причины отсутствия писем от Эмина и сообщить её Гасану-эфенди. Перестать писать письма своему другу Казанфару Эмин мог, как мы думаем, только в одном случае – если у поэта перестало биться сердце. Потому мы полагаем, что к моменту написания вышеприведенных строк – к середине марта 1881 г. – Эмина уже не было в живых и по этой причине он «отвернулся» от Казанфара из Мамрача, т.е. перестал писать ему письма. Если исходить из реалий начала 80-х годов XIX в., когда письма между Санкт-Петербургом и Иркутском «ходили» несколько месяцев, мамрачский друг поэта, находившийся в ссылке в Иркутке, сделать вывод о том, что у него уже нет «связи» с жившим в Ялцуге Кюринского округа Эмином, и довести эту информацию до Гасана-эфенди, находившегося в городе Спасск Тамбовской губернии, в лучшем случае мог лишь через 8-9 месяцев после смерти поэта (суммарное время «прохождения» писем из Иркутска в Ялцуг, из Ялцуга – обратно в Иркутск и оттуда – в Спасск). Потому мы можем обоснованно считать, что вышеприведенные строки Гасана-эфенди, написанные в середине марта 1881 г. и свидетельствующие о том, что Казанфар до этого момента сообщил ему о «прерванной» связи между ним и Эмином, являются косвенными доказательствами того факта, что поэта за 8-9 месяцев до времени написания вышеприведенных строк Алкадари, а именно: во второй половине 1880 г. в живых уже не было...

Что касается судьбы самого Гасана-эфенди, то какие бы шаги он не предпринял и, наоборот, от отношений с какими бы друзьями он не отказался после восстания 1877 г., судьба была неумолима и 21 апреля 1879 г. бывшего наиба на пароходе из Дербента отправили в ссылку. Через несколько лет, в середине 1883 г. Гасан-эфенди попал под амнистию в связи с коронацией нового царя и вернулся из ссылки на родину. Но Эмина уже не было в живых. Вероятно, бывший наиб чувствовал свою

«вину» перед умершим другом за то, что смалодушничал и не навел его в последние, самые страшные годы его жизни. По всей видимости, он как-то хотел искупить её – эту «вину». Прежде всего именно этим желанием, как мы предполагаем, можно объяснить деятельное участие младшего брата Гасана-эфенди – кадия Кюринского округа Магомеда-эфенди – в судьбе младшей дочурки Эмина.

Думать так, что участие Магомеда-эфенди в судьбе дочери Эмина было обусловлено волей Гасана-эфенди, нам позволяют следующие обстоятельства. Когда Эмин учился в Алкадаре, этому брату Гасана-эфенди 1853 г. рождения было всего 2-3 года, и он в силу своего младенческого возраста не мог сдружиться с Эмином, и потому наличием такой дружбы нельзя объяснить его трепетное отношение к младшей дочери поэта, когда она осталась без опеки.

Это отношение нельзя объяснить и тем, что жена этого кадия Муслимат была дочерью Абубакара, сына Рухун Али, а жена Эмина Тукезбан – дочерью Зубейды, сестры этого Абубакара. Полагаем, эти родственные отношения жены кадия с Тукезбан не могли подвигнуть его на исключительный шаг – на взятие под опеку дочери Тукезбан и Эмина. То, что в конце 1884 г. кадий Кюринского округа Магомед-эфенди лично взял под опеку дочку поэта как исключение из правил, говорит о том, что без определяющего влияния на кадия его старшего брата Гасана-эфенди, являвшегося абсолютным авторитетом для своих братьев, этот исключительный акт милосердия, где-то и чиновничьего подвига со стороны кадия округа не случился бы.

Этим же чувством «вины» перед Эмином и желанием хоть как-то оправдаться после смерти поэта перед самим собой, как нам кажется, можно объяснить и то, что Гасан-эфенди через 17 лет (в 1897 г.) после того, как Эмина не стало, в свою книгу «Диван аль-Мамнун», по сути являющуюся сборником стихов дагестанских арабоязычных поэтов, почти вне его «формата» включил свои письма на арабском языке, адресованные поэту, который арабский язык знал, но на нём стихи не писал.

Правда, имя поэта – того, кому адресованы эти письма, Алкадари не указал. Полагаем, что Гасан-эфенди после смерти Эмина не мог указать это имя в своей книге и по этическим причинам. И вот почему. В последние годы жизни поэта, как следует из нашего анализа стихов Гасана-эфенди и Етима Эмина,

а также сопутствующих им обстоятельств, бывший наиб, боясь вызвать гнев властей, видимо, смалодушничал и не навещал смертельно больного поэта-бунтаря. Не проявив в нужный момент смелость для поддержания дружеских отношений с тяжелобольным Эмином, Гасан-эфенди после его смерти, как нам кажется, не мог публиковать посвящения ему – это выглядело бы лицемерием с его стороны. Алкадари, вероятно, не был смелым человеком, но и непорядочным он тоже не был. Мы полагаем, что это нежелание лицемерить перед памятью Эмина было основной причиной, из-за которой Алкадари не указал его имя как адресата вышеуказанных четырех стихотворений, при его жизни, как мы полагаем, адресованных ему.

Видимо, до конца своей жизни Гасан-эфенди страдал по поводу того, как они расстались с Эмином. Поэтому он, пусть и без указания имени адресата, но опубликовал свои письма-стихи, адресованные поэту и больше говорящие о добродетелях поэта, чем о добродетелях автора писем. Он не постеснялся опубликовать эти стихи, в которых он признается, что поэт, по сути, унизил его, запретив посылному передать от своего имени «наилучшие пожелания» (салам) бывшему наibu, и что даже после такого Эмин для него остается «светочем совершенства». Этим шагом – опубликованием таких своих стихов Гасан-эфенди, как нам кажется, решил признаться будущим поколениям, что Етим Эмин в его жизни был и оставался самым высоконравственным и, может быть, самым талантливым человеком, ибо понятие «совершенство», употребляемое по отношению к человеку, в те времена означало наличие у человека не только высоких нравственных качеств, но и наличие у него большого таланта.

...Получается, что в жизни Гасан-эфенди и Етим Эмин были друзьями, но восстание 1877 г. их разделило и каждому из них определило своё место в истории лезгинской культуры: Етиму Эмину – место поэта, заложившего основы современной лезгинской литературы, а Гасану-эфенди из Алкадара – место выдающегося учёного, заложившего основы дагестанской исторической науки.

В силу разных характеров и судеб и поведение у них было разное: Етим Эмин страстно и открыто защищал интересы обездоленных, смотрел на мир с их точки зрения, а Гасан-эфенди уединённо трудился «в башне из слоновой кости», из

этой «башни» призывая молодежь к овладению «европейскими» науками, т.е. естественно-научными знаниями.

Такими они остались в истории лезгинской культуры, в памяти народа. Полагаем, что мы не имеем права с позиций наших сегодняшних представлений о том, что такое «добро» и что такое «зло», сравнивать места, занятые ими в культуре и в истории. Они – несравнимы, потому что они – разные. И для правильной оценки наследия каждого из них для лезгинского народа, для всего дагестанского народа, по большому счёту, конечно, не имеет значения, упомянут ли Етим Эмин в книгах Гасана-эфенди или не упомянут...

Согласно народному преданию, вернувшись из ссылки, Гасан-эфенди в первую очередь посетил могилу Етима Эмина. У её изголовья он обнаружил какой-то невзрачный камень. Говорят, что обедневший бывший наиб распорядился, чтобы за его счет изготовили и над могилой поэта вместо невзрачного установили другой памятный символ. Он оказался красивым, но, увы, не долговечным: через некоторое время под дождями и снегами всё, что на нём было написано, перестало быть читаемым. Ходят слухи, что этот камень со старого кладбища покинутого жителями села Ялцуг, где находится могила поэта, в «лихие» 90-е годы кем-то был перевезён в село Аламише (ныне – Эминхюр), куда переселились ялцугцы, и теперь находится в этом селе. Если это так, то в будущем музее поэта он мог бы находиться как символ дружбы этих двух разных по темпераменту, по мировоззрению, по следам, оставленным в культуре своего народа, но выдающихся людей переломного для судеб лезгин, да и всего дагестанского народа времени...

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ ЕТИМА ЭМИНА

Подводя итог наших поисков, можно в краткой форме привести следующий перечень предполагаемых основных дат жизни поэта:

1840 г. – в селе Ялцуг Кюринского ханства Российской империи в семье Севзихана (шариатского судьи) и Лейли родился мальчик Магомед-Эмин – будущий поэт Етим Эмин.

1848–1850 гг. – занятия в мектебе при ялцугской мечети под руководством отца маллы Севзихана.

1850–1855 гг. – учёба в медресе маллы Магомеда в селе Кеан, прерванная, вероятно, хозяином медресе.

1855 г. – зарождение любви к Тукезбан.

1855 г. – смерть отца Севзихана.

1855–1856 гг. – продолжение учебы в медресе Абдуллаха-эфенди в селе Алкадар.

1856–1858 гг. – завершение обучения по программе медресе и начало индивидуальной учебы у Исмаила-эфенди в селе Яраг, которая не была завершена.

1858–1862 гг. – скитания по Шеки, Ширвану и Кубе.

1862 г. – возвращение в Кюру и назначение кадием в Ялцуге.

1862 г. – женитьба на Тукезбан.

1863 г. – рождение старшей дочери Кизхалум.

1871 г., 16 июля, – ранение колена, ставшее роковым.

1876 г. – оставление должности кадия из-за болезни.

1877 г. – выдача дочери Кизхалум замуж.

1877 г. – рождение дочери Муслимат.

1877 г., август – ноябрь, – восстание против царя.

1878 г. – безуспешное лечение в Дербентской больнице.

1880 г. – смерть.

«НЕ РАЗБРАСЫВАЙТЕСЬ БОГАТСТВОМ, ОСТАВЛЕННЫМ НАМ ЭМИНОМ!..»

(Вместо послесловия)

В конце нашего рассказа о жизни Эмина, мы полагаем, уместно будет вспомнить обращение к грамотным лезгинам Гаджибека Гаджибекова, Техмеза Ахмедова и Шахабудина Мейланова – пионеров в деле собирания наследия любимого поэта лезгинского народа, – составивших и издавших в 1928 г. первый сборник стихов Етима Эмина. С этого обращения начинается предисловие к этому сборнику, озаглавленное как «**Эминни Эминан устадвал**» («Эмин и мастерство Эмина»). Собственно говоря, с него и начинается эминоведение. К сожалению, оно никогда и никем больше не перепечатывалось, т.е. его содержание не известно ни прежним, ни нынешним поколениям лезгин. Мы это обращение здесь приводим на лезгинском языке, преобразовав исходный текст, написанный арабскими буквами, в текст, написанный буквами кириллицы, а также в переводе на русский язык. Эти искренние слова лезгинских студентов [10, с.3], сказанные ими через 50 лет по Хиджре после смерти Эмина, для лезгин остаются актуальными и сегодня, когда после смерти поэта исполнилось уже 140 лет по григорианскому календарю:

«Эмин къейидалай къулухъ 50 йис тамам хъунухъиз килигна, Москвада авай лезги студентрин кIеретIди еке тир лезги шаир Етим Эмин тамамвилелди рикIел хкана, адан чIаларикай хкяна, са къадар незимар¹ басмадиз² яна. Малум я,

¹ Незим – таким словом наряду со словом «шиир» в те годы обозначали «стихотворение». В современном литературном лезгинском языке закрепилось слово «шиир».

² Басмадиз ягъун – синоним выражения «чапдай акъудун», означающего «печатать», «издать».

лезги халкъдиз вичин эдебият чир хъана кІанда лугъудай гъар са кас и кардал шад жеда.

Къе, Эмин къена 50 йис тамам хъайила къванни, адан вири чІалар кІватІ тавун чаз халкъдин патай туьгъмет жеда. И туьгъмет чал, илимдикай хабар авай жегъилрал, аватда. Туьгъметдикай хкечІун чи буржи хъунухъиз килигна, кІеретІди вири гъиле къелем авай лезги юлдаширхъ чин элкъурна, лугъузва: Юлдашар! Эмина чаз тур девлет зай мийир, ам чкІанватІа – кІватІ!..»

Перевод обращения на русский язык:

«В связи с тем, что исполнилось 50 лет со дня смерти Эмина, группа лезгинских студентов, обучающихся в Москве, великого лезгинского поэта Етима Эмина вспомнила осмысленно, выбрав из его произведений несколько и издав их /в качестве сборника/. Очевидно, что каждый человек, кто считает, что лезгинский народ должен знать свою культуру, возрадуется этому делу.

Хотя бы сегодня, когда исполнилось /уже/ 50 лет со дня смерти Эмина, если мы не соберём все его произведения, то /за это/ мы заслужим упрёк народа. И этот упрёк падёт на нас – молодых, имеющих понятие о науке. В то время, когда уход от /этого/ упрёка – наша обязанность, группа, повернувшись лицом ко всем лезгинским товарищам, кто в руке держит перо, говорит: Товарищи! Не разбрасывайтесь богатством, оставленным нам Эмином, если же оно разбросано, /то его/ собирайте!..»

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. Гаджибеков Г. А. Поэт Етим Эмин /Магомед Эмин/. // газета «Красный Дагестан». – Махачкала, 1928, 23 марта.
2. Вагабова Ф. И. Формирование лезгинской национальной литературы. – Махачкала, 1970.
3. Творческое наследие Етима Эмина. Сборник статей. / Сост. А. А. Рашидов. – Махачкала, 1990.
4. Етим Эмин. Светильник Души. – Махачкала, 2008.
5. Гашаров Г. Г. Лезгинская литература. История и современность. – Махачкала, 1998.
6. Етим Эмин. Шиирар. ТуькIуьрайди А. Г. Агъаев. – Махачкала, 1960.
7. Агаев А. Г. Магомед Ярагский. Мусульманский философ. Духовный вождь дагестанского освободительного движения XIX века. – Махачкала, 1996.
8. Вяземский П. А. Стихотворения. – Ленинград, 1986.
9. Чернышевский Н. Г. Избранные философские сочинения. [В 3 т.] Т. 1 – Москва, 1950.
10. Етим Эмин. Хкягъай чIалар. ТуькIуьрайбур Гъ. Гъажибегов, Т. Агъмедов, Ш. Мейланов. – Махачкала, 1928.
11. Етим Эмин. Хкягъай чIалар. ТуькIуьрайди Гъ. А. Гъажибегов – Махачкала, 1931.
12. Агъаев А. А. Етим Эмин. – Махачкала, 1958.
13. Етим Эмин. Шиирар. ТуькIуьрайди Гъ. М. Садыкъи. – Махачкала, 1980.
14. Етим Эмин. Вил атIудач дуьньядихъай. ТуькIуьрайди Гъ. М. Садыкъи. – Махачкала, 1995.
15. Гайдаров Р. И. Введение в эминоведение. – Махачкала, 2001.
16. Садыки Гъ. М. Етим Эминан уьмуьр ва адан яратмишунрикай цIийи малуматар. // Журнал «Дуствал». – Махачкала, 1968. №3.
17. Алкадари Г. Диван аль-Мамнун. – Темир-хан-Шура, 1913.
18. Кардаш А. Слово продолжается. – Махачкала, 2013.

19. Газета «Коммунист». – Махачкала, 1981, 18 ноября.
20. Меликов Э. М. Датана рикIевой кас. // газета «Коммунист». – Махачкала, 1988, 16 декабря.
21. Къардаш А. Мирес, стха, хва. // газета «Лезги газет». – Махачкала, 1998, 12 февраля.
22. Цадаса Г. Адаты о браке и семье аварцев в XIX – начале XX в. // Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв.: Архивные материалы / Сост., предисл. и прим. Х.-М. Хашаева. – Москва, 1965.
23. Овсянников Д. В. К вопросу о месте и роли мусульманского духовенства Чечни и Дагестана в конце XVIII – начале XIX вв. Вестник Санкт-Петербургского университета, 2009, Сер.2, Вып.4.
24. Етим Эмин. Шииррин кIватIал. ТуькIуьрайди М. М. Гъажиев. – Махачкала, 1941.
25. Бутаев Д. Б. (Туземец). Грамотность в горах Дагестана // Этнографическое обозрение. Вып.1. – Санкт-Петербург, 1900.
26. Алкадари Г. Асари-Дагестан. – Махачкала, 1929.
27. Ярахмедов М. Я. Из истории азербайджанско-дагестанских литературных связей. – Баку, 1985.
28. Акты, собранные кавказской археографической комиссией, т.X – Тифлис, 1885.
29. Ганиева Ф. А. Отраслевая лексика лезгинского языка. – Махачкала, 2004.
30. Козубский Е. И. Памятная книжка Дагестанской области. – Темир-хан-Шура, 1895.
31. Список полковникам по старшинству, исправлено по 1-е января. – Санкт-Петербург, 1873.
32. Список майорам по старшинству, исправлено по 13-е марта. – Санкт-Петербург, 1861.
33. Список подполковникам по старшинству, исправлено по 1-е января. – Санкт-Петербург, 1863.
34. Список полковникам по старшинству, исправлено по 1-е января. – Санкт-Петербург, 1867.
35. Исмаилов Э. Э. Золотое оружие с надписью «За храбрость». Списки кавалеров 1788-1913. – Москва, 2007.

36. Къардаш А. Етим Эминакай веревирдер. – Махачкала-Къасумхуър, 2018.
37. Список полковникам по старшинству, исправлено по 1-е сентября. – Санкт-Петербург, 1874.
38. Список генералам по старшинству, исправлено по 1-е сентября. – Санкт-Петербург, 1874.
39. Список полковникам по старшинству, исправлено по 1-е марта. – Санкт-Петербург, 1874.
40. Список полковникам по старшинству, исправлено по 1-е января. – Санкт-Петербург, 1876.
41. Торнау Н. Е. Изложение начал мусульманского законодечения. – Санкт-Петербург, 1850.
42. Етим Эмин. Хкягъай шиирар. КІватІал туькІуьрайди Н.А.Ахмедов. – Магъачкъала, 1948.
43. Гашаров Г. Г. Лезгинская литература. История и современность. – Махачкала, 1998.
44. Булатов Б. Дагестан на рубеже XIX-XX вв. Социально-экономическое развитие в 80-х гг. XIX – 30-х гг. XX вв. – Махачкала, 1996.
45. Козубский Е. И. История города Дербента. – Темирхан-Шура, 1906.
46. Газета «Лезги Газет». – Махачкала, 1995, 7 июля.
47. Гаджибеков Г. А. К вопросу о создании лезгинской письменности. // газета «Красный Дагестан». – Махачкала, 1928, 24 января.
48. Гуълмегъамедов А. А. Хазинадин суракъда. // журнал «Литературадин Дагъустан». – Махачкала, 1987, №1.
49. Новый алфавит для народностей Дагестана. // Культура и письменность Востока. – Баку, 1928. – Вып. II
50. Шаирдин ирссагъибар. // газета «Лезги газет». – Махачкала, 2018, 27 сентября.
51. Никиташина Н. А. Классификация презумпций в семейном праве. // журнал «Теоретические проблемы отраслей права». – Москва, 2018, №3(136)
52. Фатуллаева П. Б. Чешне. – Махачкала, 2014.
53. Дагестанские лирики. – Ленинград, 1961.

ПРИЛОЖЕНИЯ